

U 316
158

PROB.
PROB.
PROB.
PROB.

Шкафъ 22^а

Полка 5

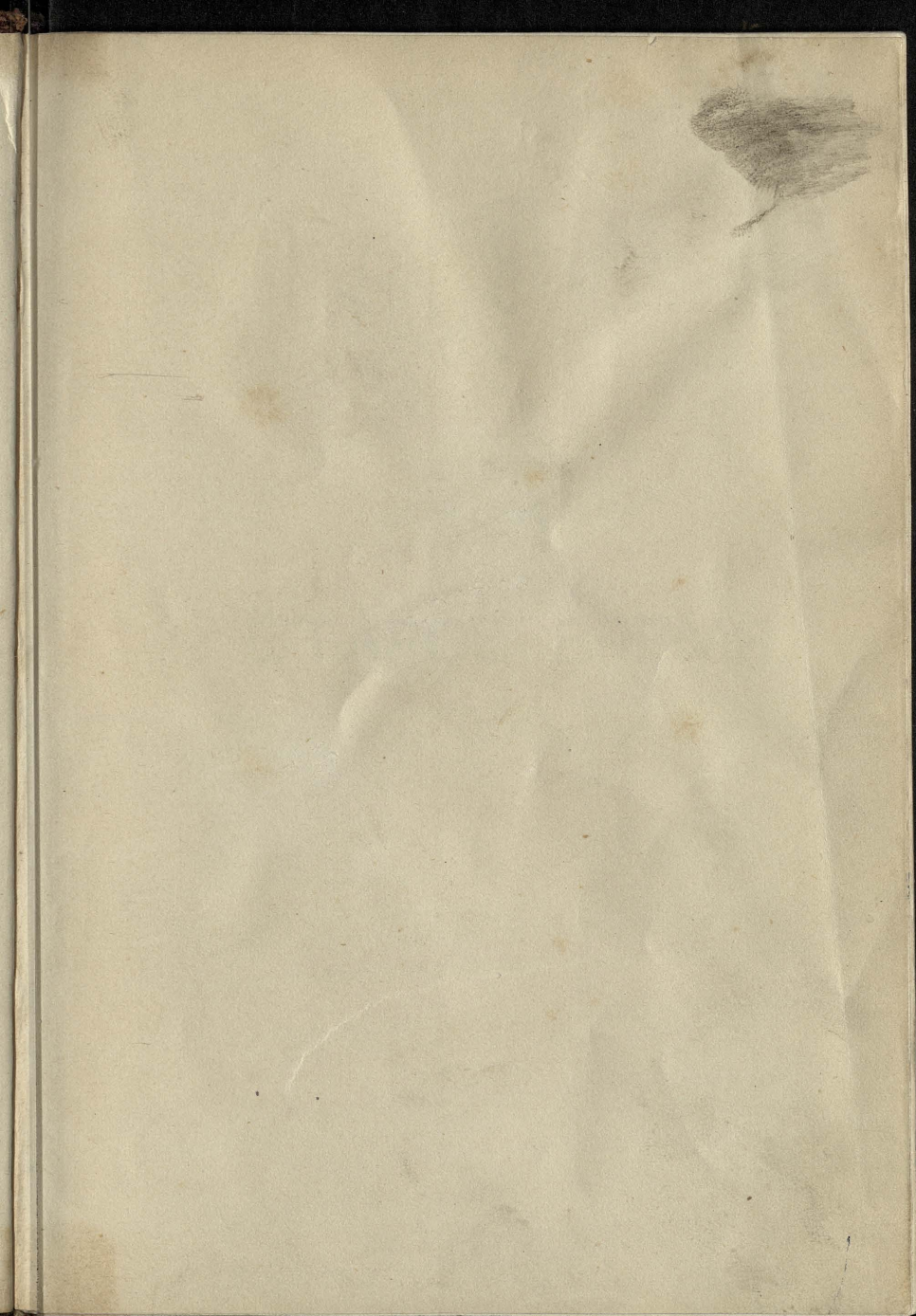
№ 21.

БИБЛИОТЕКА

НОВО-МИХАЙЛОВСКАГО ДВОРЦА.

У $\frac{316}{158}$

Sum
3624

ДОБРОЕ

СТАРОЕ ВРЕМЯ.

№ 23

23

СТАРОЕ ВРЕМЯ

У 316
158

95

ДОБРОЕ СТАРОЕ ВРЕМЯ.

ОЧЕРКИ БЫЛАГО.

А. МИЛЮКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Скарятина, на углу Фонарнаго пер., д. Франка.

1872.

2014104387

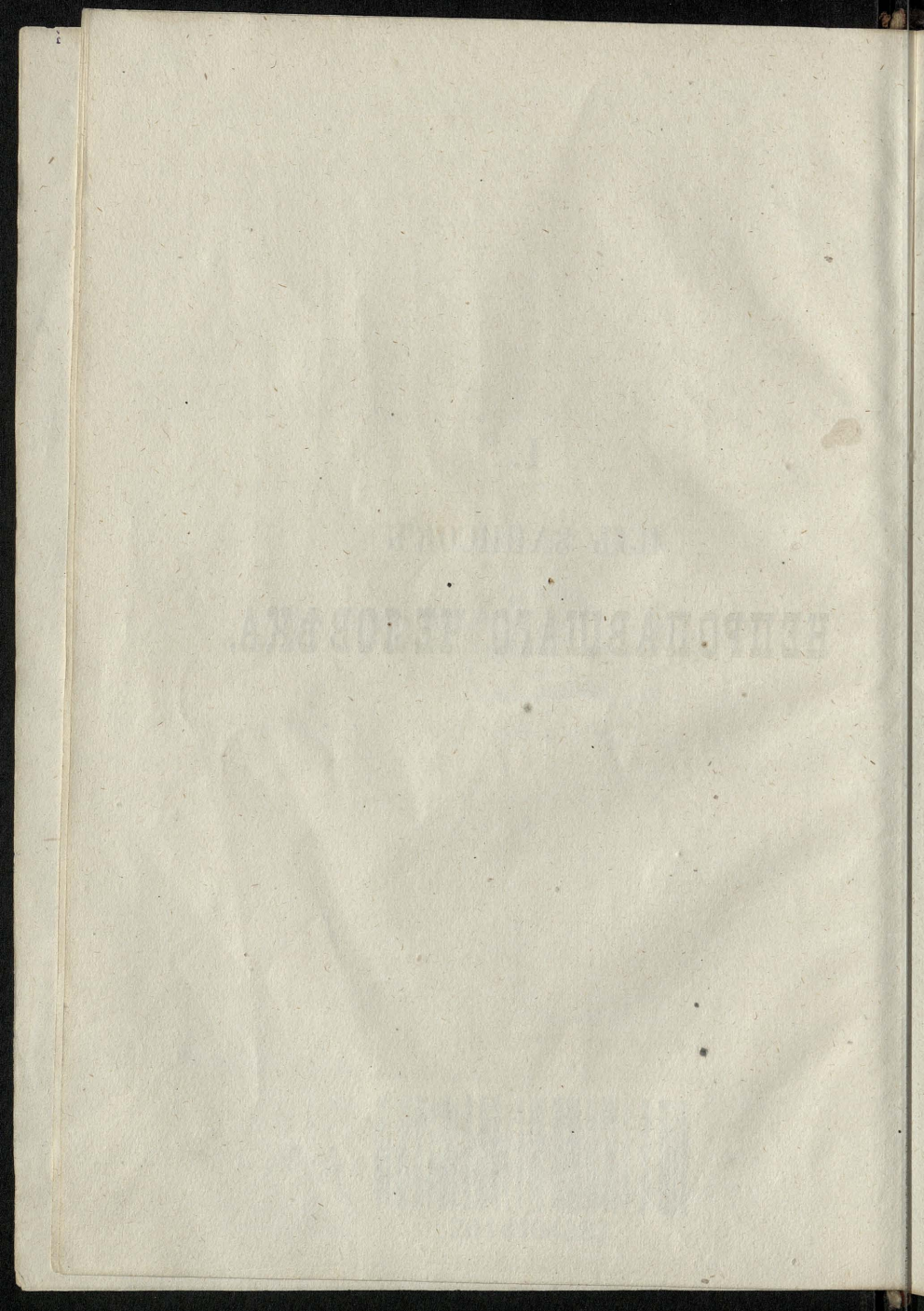

I.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

НЕПРОПАВШАТО ЧЕЛОВѢКА.

•

Какъ-бы жизнь человѣка ни прошла безслѣдно для другихъ, но она влетается тонкой, хоть иногда и невидной, нитью въ широкую ткань своего времени. Вырвите одну такую нитку—и она дастъ понятіе не только о свойствѣ самой матеріи, но даже о характерѣ ея рисунка, узора и красокъ. Вотъ гдѣ значеніе тѣхъ мемуаровъ, какими особенно богато послѣднее время. Нечего говорить о запискахъ людей, которые играли какую-нибудь роль въ общественной драмѣ или близко ее видѣли: такіа воспоминанія прямо принадлежать исторіи. Но и рассказы зрителя, знакомаго съ этой сценой только издали и урывками, могутъ быть несомнѣнно безинтересными, если только они правдиво передаютъ что онъ видѣлъ и пережилъ.

Съ такой мыслью принялся я за мои записки, собирая въ памяти и личныя впечатлѣнія, и семейные рассказы. Тутъ нѣтъ ни историческихъ фактовъ, ни особенно-значительныхъ встрѣчъ; но и въ легкихъ моихъ замѣткахъ

окажутся, может быть, черты для характеристики той общественной среды, въ которую вплелась нить моей жизни. На этихъ страницахъ читатели найдутъ не драму или романъ, а только эпизодическіе рассказы о быломъ, обставленные не портретами и картинами, но легко набросанными эскизами и силуэтами, въ которыхъ я заботился только о правдѣ, не прибѣгая къ вымыслу и украшеніямъ.

Въ первыхъ воспоминаніяхъ личныя мои впечатлѣнія давно уже перемѣшались съ тѣмъ, что я запомнилъ изъ разговоровъ съ родными. Сквозь туманъ ранняго дѣтства, въ памяти мельбаютъ неясные образы, и я не могу сказать, какъ они уцѣлѣли: то кажется, будто я самъ видѣлъ ихъ въ дѣйствительности, то думаю, что они сохранились по рассказамъ домашнихъ. Вотъ отчего въ моихъ первыхъ очеркахъ не можетъ быть строгой послѣдовательности и не должно искать ни полныхъ картинъ, ни лицъ отчетливо обрисованныхъ.

I.

Первыя воспоминанія. — Послушница Галочка. —

Маршалъ Даву и Сарра Николаевна.

Въ тѣ годы, съ которыхъ я начинаю себя помнить мы жили въ Москвѣ, недалеко отъ Новодѣвичьяго-монастыря. Отецъ мой служилъ въ то время конторщикомъ на ситцевой фабрикѣ своего двоюроднаго брата, Семена Аѳанасевича. Эта фабрика и теперъ существуетъ, хотя давно уже перешла въ третьи руки. Живо помню я это мѣсто. На самомъ Дѣвичьемъ-полѣ, по правую сторону монастыря, тянется каменный двухъ-этажный корпусъ, гдѣ бывало съ ранняго утра слышится грохотъ, какъ будто сотни поваровъ стучать ножами въ какой-нибудь исполинской кухнѣ: это были набивныя, въ которыхъ рабочіе нагоняли цвѣтные узоры на миткаль. Позади стояли деревянные сушильни съ широкими навѣсами, гдѣ вѣчно тянулись нескончаемые ряды яркихъ, только-что окра-

шенных ситцевъ; а еще дальше шли красильни и другія фабричныя постройки. Я рѣдко бывалъ на этихъ дворахъ: меня не пускали послѣ того, какъ нашли однажды у машины подъ лошадьми, которыя ходили около водокачальнаго ворота. Нянька моя рассказывала, что коноводчикъ куда-то отлучился, а я зашелъ въ самый кругъ и забавлялся, какъ лошади, кружась въ своемъ обычномъ хороводѣ, шагали у меня надъ головою.

Къ главному фабричному строенію примыкалъ съ лѣвой стороны каменный жилой флигель въ два этажа. Внизу помѣщалась контора и при ней наша небольшая квартира, а наверху жилъ самъ дядя Семенъ Афанасьичъ. Отъ верхняго этажа, отдѣланнаго съ безвкусною роскошью, широкая лѣстница вела въ садъ съ тѣнистыми аллеями и прудами, который спускался до самой Москвы-рѣки. Съ высокой бесѣдки, построенной въ концѣ главной садовой алеи, рѣка видна была до самаго Дорогомиловскаго-моста, и на ней стояли передъ нашимъ заборомъ плоты, гдѣ рабочіе длинными шестами полоскали высушенные ситцы. Я любилъ смотрѣть, какъ красныя, зеленныя и голубыя полосы тянулись далеко по теченію рѣки, точно гигантскія, разноцвѣтныя змѣи, то погружаясь своими звеньями въ воду, то поднимаясь надъ нею громадными кольцами. Ихъ распускали по рѣкѣ во всю длину ткани, потомъ вытягивали шестами на плотъ, и по каж-

дой массѣ двое мужиковъ колотили въ перемежку огромными вальками, какъ бьютъ кузнецы по наковальнѣ.

Жилой флигель и садъ, какъ мнѣ рассказывали, были заново передѣланы вскорѣ послѣ нашествія французовъ. Дядя женился въ то время на бѣлицѣ Новодѣвичьяго-монастыря, которая понравилась ему эффектно-распущенной по черной рясѣ бѣлокурой косой и гибкостью низкихъ поклоновъ передъ монахинями. Впрочемъ онъ и не могъ найти лучшей жены: оба они были полные, румяные, со щеками мягкими какъ пуховыя подушки, и съ одинаковыми вкусами и наклонностями. Такимъ-образомъ молодая бѣлица изъ монастырской послушницы сдѣлалась богатой, полновластной хозяйкой, и мужъ отдѣлалъ для нея домъ съ разными затѣями и прихотями. Объ этой постройкѣ мнѣ такъ часто рассказывали, что я живо помню всѣ ея подробности.

Задумавъ перестроить домъ, дядя пригласилъ архитектора.

— Послушай, братецъ, началъ Семенъ Аванасычъ— я кликнулъ тебя вотъ за какимъ дѣломъ: надобно мнѣ поставить новое жилье и при немъ развести садъ. Сказываютъ, ты по этой части хорошее имѣешь понятіе. Такъ можешь-ли все это въ удовольствіе мнѣ сдѣлать?

Архитекторъ отвѣчалъ конечно утвердительно.

— Слушай же, продолжалъ дядя— что я тебѣ сказываю—

вать буду. Домъ вытяни ты въ два этажа по двору, однимъ бокомъ къ фабрикѣ, а другимъ въ садъ. Внизу контору устрой и для служащихъ квартиры, а наверху я самъ съ женой буду жить. Тамъ сдѣлай ты мнѣ, братецъ, залу и въ ней столбы въ два ряда, а по одной сторонѣ хоры, чтобы съ нихъ, когда понадобится, музыканты играли или пѣвчіе пѣли. Ну, а другіе покои размѣсти, какъ знаешь по своему понятію. Можешь-ли ты это сдѣлать?

— Отчего не сдѣлать! сказалъ архитекторъ.

— Ну, такъ ты все это и нарисуй мнѣ на планахъ. Да только на потолокъ въ залѣ-то живописью надо расписать понаряднѣе.

— И это можно.

— А изъ комнатъ чтобы въ садъ выходъ былъ. Садъ же, братецъ ты мой, вплоть до самой рѣки насади. Сдѣлай ты мнѣ во всѣ стороны дорожки и обсади во вкусъ деревьями и кустами. Да бесѣдки, гдѣ лучше, поставь разнаго калибра. Видѣлъ, тамъ прудъ есть? Такъ ты его пошире выкопай, да обровняй, и посередкѣ чтобы горка изъ воды подымалась, а на ней тоже бесѣдку построй—сиренью или акаціей обсади. Чай тамъ будемъ пить. Да не забудь, чтобы на пруду-то можно было на шлюпкѣ кататься. Съ этой стороны земля повыше—такъ устрой, чтобы на пристань, гдѣ шлюпкѣ стоять, два хода было—

одинъ наверху, а другой подъ землей. За прудомъ же я хочу устроить ходы этакіе безвыходные... лабиринтъ. Надотутъ кругами глухія дорожки пустить, вотъ какъ въ Царицынѣ... такъ что иной разъ забредеть кто — пуцай и не выбрался-бы. Умѣешь-ли ты садъ такой развести?

— Все это можно сдѣлать, но станетъ не дешево.

— Это ужъ особая статья, и мы объ ней послѣ потолкуемъ. А теперь изготвь-ка все на чертежахъ.

Когда архитекторъ привезъ планы, Семень Аоанасьичъ позвалъ на совѣтъ старшаго своего брата, служившаго у него касиромъ. Это былъ высокій, сухощавый старикъ, который вѣчно сидѣлъ за счетами или читалъ Минеи, большую книгу въ старинномъ кожаномъ переплетѣ, закапанномъ воскомъ. Узнавъ о затѣяхъ брата, онъ намурился и проговорилъ ему такую рѣчь:

— Эхъ, братъ Семень, не дѣльное дѣло ты задумалъ. Для чего бросать трудовой капиталъ на такія прихоти? Баринъ ты что-ли именитый! Пѣвчихъ ты, кажется, можешь и въ храмъ божьемъ слушать. А ходы подземные, да лабиринты лукавый тебѣ внушилъ на погибель. Подумаль-ли ты, что затѣваешь? Въ этихъ лабиринтахъ душа-то твоя во тѣмѣ кромѣшной заблудится. А ты бы о ней подумалъ. Капиталъ ты самъ нажилъ и воленъ распоряжаться имъ какъ хочешь, да лучше бы у Господа попросилъ внушенія: чѣмъ подземелья дьяволу копать, ты

бы храмъ божій построилъ — такъ душа твоя не заблудилась бы, а въ рай дорогу себѣ уготовала.

— А давно-ли я, возразилъ дядя — колоколъ въ монастырь отлил?

— Знаю, продолжалъ суровый старикъ, — да что тебѣ въ лабиринтахъ-то? Вонъ наша приходская церковь, какъ раззорена французами, такъ и стоитъ въ запустѣни. Вознови-ка ее, такъ и душѣ пользу сдѣлаешь, и отъ людей почтеніе будешь имѣть; вѣдь и государь тебя своей милостью възыщетъ — золотую медаль на шею повѣсятъ.

— Золотую?

— А самъ не знаешь, такъ спроси у добрыхъ людей. Ужъ если ты капитала не жалѣешь, такъ порадѣй на честь нашему роду. Подземелья твои, какъ умрешь, разсыпятся, а храмъ-то на вѣки вѣчные будетъ стоять къ прославленію твоего имени.

Бесѣда эта подѣйствовала на Семена Аонасыча: онъ задумался и цѣлый день, говорятъ, никого не допускалъ къ себѣ, а все ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Утромъ онъ послалъ опять за архитекторомъ и обратился къ нему съ новой задачей.

— Вотъ, братецъ ты мой, началъ дядя — позовалъ я тебя опять по другому дѣлу. Надумалъ я храмъ божій строить. Видишь, наша церковь съ француза стоитъ въ безобразіи, такъ я хочу отстроить ее заново. О душѣ

надо помыслить! Такъ нарисуй мнѣ планъ для этого и съ колокольней. Желательно мнѣ, братецъ, чтобы три престола было—одинъ во имя Седьмаго Вселенскаго Собора, на память того дня, когда французъ изъ Москвы бѣжалъ, а два, какъ были — Ивана Предтечи и Николая Чудотворца. Все это чтобы въ своемъ видѣ было. А домъ, какъ сказано, строй по рисункамъ и садъ разводи съ лабиринтомъ. Богу я пораждю, да и себѣ хочу удовольствіе сдѣлать.

Такимъ-образомъ началось сооруженіе церкви Іоанна Предтечи и постройка новаго дома. То и другое готово было въ одно время, и въ одинъ день съ освященіемъ храма праздновалось новоселье въ отстроенныхъ палатахъ. Послѣ обѣдни преосвященный приглашенъ былъ на закуску, и при этомъ въ большой залъ пѣли на хорахъ, въ первый да кажется и въ послѣдній разъ, соборные пѣвчіе. Нянька рассказывала съ нѣкоторой гордостью, что меня, въ то время еще полугодового ребенка, выносили подъ благословеніе къ архіерею, какъ единственнаго потомка строителя храма. Въ этомъ-то домѣ прошло мое раннее дѣтство.

Семень Аѳанасьевичъ жилъ очень согласно съ женой, занимался своей фабрикой, а въ домашнее хозяйство не мѣшался. Утромъ ѣздилъ онъ въ Городъ, или сидѣлъ въ конторѣ, или ходилъ по набивнымъ и красильнямъ. По-

слѣ обѣда дородные супруги спали до самаго чаю; вечеромъ же въ хорошую погоду катались въ коляскѣ, а въ дурную играли въ пикетъ и въ ламушъ. По воскресеньямъ ѣздили они къ обѣдни въ Дѣвичій-монастырь, а по другимъ праздникамъ въ тѣ церкви, гдѣ праздновали престоль. Дядя былъ очень популяренъ въ кругу московскаго духовенства. На святой недѣлѣ и на рождествѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, у подъѣзда нашего то и дѣло останавливались большія полинялыя кареты съ попами и монахами, и наверху постоянно раздавалось глухое хоровое пѣніе. Раза два въ годъ «подымали» Иверскую, и тогда работы на фабрикѣ останавливались, и множество народа толпилось у крыльца, чтобы приложиться къ иконѣ.

Въ домѣ нашемъ свято исполнялись всѣ старинные русскіе обычаи. Въ извѣстное время пекли изъ тѣста жаворонки, кресты, жгли четверговую соль, красили пасхальные яйца, готовили куличи; въ извѣстные дни ходили въ церковь съ вербами и цвѣтами, или приносили оттуда артосъ и святую воду. Все это считалось дѣломъ религіознымъ. Такъ же многочисленны были и обряды хозяйственные: соленье огурцовъ, приготовленіе варенья, квасовъ и наливокъ, шинкованье и рубка капусты. Последний процессъ походилъ даже на какое-то языческое празднество. Къ нему приглашали обыкновенно гостей и

въ особенности молодыхъ людей и дѣвицъ. Въ большой комнатѣ ставилось съ полдюжины невысокихъ, но объемистыхъ чановъ, и тутъ же наваленъ былъ цѣлый ворохъ сѣчегъ, похожихъ на алебарды, съ блестящимъ остреемъ, въ видѣ укрѣпленнаго на ручкѣ желѣзнаго полумѣсяца. Каждый изъ приглашенныхъ на эти хозяйственные игры выбиралъ себѣ оружіе на цѣлый день, примѣривая его по рукѣ такъ, какъ билиардные игроки прибираютъ кій. И вотъ, сближаясь по степени знакомства или взаимному расположенію, участники обряда размѣщаются около чановъ, группами человѣкъ по семи и больше, и какъ только положить кочни, сѣчки начинаютъ въ разъ подниматься и опускаться. Въ антрактахъ, когда вынимаютъ изрубленную капусту, гостямъ разносятъ чай, кофе или лагометва. Кромѣ-того въ комнатѣ накрывался еще большой столъ, уставленный винами и наливками. Къ нему подходили отъ работы не только мужчины и пожилыя женщины, но и молодая дѣвушка, и оттого почтенный обрядъ, сначала довольно чинный, съ каждымъ часомъ все болѣе оживлялся и къ вечеру оканчивался шумнымъ праздникомъ, посреди пѣсенъ и звонкаго хохота.

Еще веселѣе проходили святки. Въ это время собиралась къ теткѣ цѣлая толпа дѣвушекъ и въ томъ числѣ двѣ или три бѣлицы изъ Новодѣвичьяго-монастыря. По

вечерамъ затѣвались у нихъ пѣсни и гаданья: лили воскъ, жгли на тарелкахъ сложенную вѣеромъ бумагу, ходили смотрѣть на мѣсяцъ и спрашивать у воротъ имена прохожихъ. Главной корифейкой всѣхъ этихъ забавъ была молоденькая послушница, которую по ея черному наряду и смуглому личику звали Галочкой. Это была краснощекая, чернобровая дѣвушка со вздернутымъ носикомъ, вѣчно веселая, рѣзвая и болтливая. Съ приходомъ ея въ домъ все оживало. Ни одна изъ дѣвицъ не знала столько подблюдныхъ и хороводныхъ пѣсенъ, не отличалась такою ловкостью и изобрѣтательностью въ играхъ. Я до сихъ-поръ не понимаю, какъ эта дѣвушка попала въ монастырь и какимъ-образомъ уживалась съ суровыми порядками кельи. Меня звала она обыкновенно женихомъ и подъ-часть надоѣдала мнѣ поцѣлуями.

На масляницѣ фабричныя устраивали обыкновенно двѣ пары ледяныхъ горъ—одну на дворѣ для всего населенія фабрики, другую только для избранныхъ, въ большой алеѣ нашего сада. Здѣсь-то особенно отличалась Галочка. Съ горъ она скатывалась не на санкахъ, какъ другія дѣвушки, а на ледянкѣ, замороженной изъ воды въ видѣ круглаго швейцарскаго сыра. Часто сажала она меня къ себѣ на колѣни и обнимала, когда мы неслись съ вершины ледянаго ската. Случалось, нашъ вертлявый экипажъ начиналъ кружиться на своей оси, и мы волч-

комъ спускались съ горы; тогда наѣздница начинала цѣловать меня, и ея розовое личико трепетало хохотомъ.

Домъ нашъ, въ ранніе годы моего дѣтства, былъ еще полонъ воспоминаніями о нашествіи французовъ. И было что помнить! Въ 1812 году въ Новодѣвичьемъ-монастырѣ располагался корпусъ Даву. Непріятель окопалъ монастырскія стѣны валомъ и рвомъ, а со стороны Зубова и Лужниковъ обставилъ батареями. На полѣ раскинутъ былъ лагерь, главный флигель нашей фабрики обращенъ въ казармы, а самъ маршалъ поселился со штабомъ въ дядиномъ домѣ, въ то время еще одноэтажномъ. Старикъ Савелій, который на моей памяти смотрѣлъ за лошадьми при коноводной машинѣ, во все время пребыванія въ Москвѣ французовъ оставался при фабрикѣ. Помню, какъ онъ сидитъ бывало на деревянномъ отрубкѣ и, покрививая на кружащихся лошадѣй, рассказываетъ моей нянѣ «про француза».

«Пришелъ онъ разбойникъ передъ вечеромъ, говорилъ старикъ. Фабрика у насъ третій день ужъ была остановлена. Рабочіе разошлись по деревнямъ — боялись, какъ бы врагу не попасть. Товаръ успѣли вывезти на подводахъ, да только не весь: миткалю много оставалось. Я въ ту-пору табакъ теръ, какъ закричали, что супостатъ идетъ. Выглянулъ я изъ окошка, а онъ и валитъ: пѣшіе идутъ, пушки везутъ... только на монастырь все тянется.

А тутъ смотрю, начали и къ намъ на дворъ заходить. Ворота-то и двери были заперты, такъ вѣдь выбили проклятые: въ контору, на сушильни бросились. Былъ у насъ красильщикъ Матюшка, владимірскій; онъ въ ту-пору въ приємномъ анбарѣ спалъ, а тамъ краски у насъ оставались, да вѣсы съ гириами висѣли. Только вбѣгаютъ туда двое французевъ, да штыками и начали ящики съ красками разбивать. Парень-то видитъ, что портятъ хозяйское добро изъ одного озарничества, взялъ гирю съ вѣсовъ, да въ високъ одного вора и хватилъ гирей-то... онъ и свалился съ ногъ. А другой французъ стрѣльнулъ въ Матюшку изъ ружья, да не зашибъ, такъ онъ и убѣгъ черезъ заборъ. Опосля не разъ приходилъ на фабрику, да не спознали. Пограбили у насъ немного, для-того скоро конные прискакали на дворъ и уняли разбойниковъ. Въ домѣ-то маршалу квартиру отвели, а Семень Афанасьичъ наканунѣ еще, въ день Симеона Столпника, въ Клинь выѣхалъ: маршалъ въ ту же ночь и ночевалъ у насъ въ домѣ. Каждое утро опосля того выѣзжалъ онъ—то въ монастырь, смотрѣть какъ валы насыпали, то по лагерю на полѣ-то, а то въ Кремль къ Бонапарту, на совѣтъ надо-быть или за приказами. Видалъ я его, мужикъ здоровый былъ. У насъ часовые стояли, у воротъ да подъ крыльцомъ, а меня одначе же не отгоняли: садится онъ это на лошадь верхомъ, я и поклонюсь; онъ

ничего, взглянетъ только, а разъ мнѣ и честь отдалъ, къ шапкѣ этакъ руку подкозырилъ. Онова такъ хотѣлъ я къ нему съ жалобой идти. Францушки въ ту-пору погнали насъ человѣкъ никакъ десять въ Лужники на огороды, картофель копать въ грядкахъ; рыли мы цѣлый день, не пивши, не ѣвши, а тамъ на насъ же мѣшки нагрозили, ровно на лошадей, да и погнали съ ношей-то домой. На другой день опять тоже. Значить, я маршала-то и хотѣлъ просить, чтобы ослободили. Ну, въ покои къ нему не допускаютъ, такъ я дождался, какъ онъ выбѣжалъ со двора, да на колѣни: помилуйте-моль, ваше превосходительство—замучили насъ совсѣмъ ваши солдатишки; сдѣлайте божескую милость, не велите обижать! Онъ взглянулъ это на меня, спросилъ что-то у офицера, а тотъ ему пролепеталъ по своему — да всѣ и со двора долой. Только и видѣлъ! Горе то, что рѣчи-то нашей они не разумѣютъ совсѣмъ. Тутъ однакоже скоро насъ и перестали гонять, потому всѣ огороды перерыли — нечего было и копать. А какъ уходить-то ему пришло — маршалъ куда-то уѣхалъ, и все это они прибирали и укладывали; мы и домекнулись, что вѣрно ихъ скоро не-легкая унесетъ. Въ самый день Якова Апостола, надо-быть около полуденъ, хотѣлъ я опосля обѣда на печкѣ отдохнуть... вдругъ этакъ какъ хватить, ровно вся печь-то подо мной дрогнула. Соскочилъ я, выбѣжалъ на дворъ;

смотрю, дымъ столбомъ надъ нашей церковью: а это они каторжные порохомъ ее подорвали; колокольня, кресты, куполь—все повалилось. И монастырь тоже хотѣли антихристы на вѣтеръ пустить, да Сарра Николавна отстояла; ужъ фитили были позажжены, а она ихъ и потушила. Черезъ двое же сутокъ послѣ этого подорвалъ онъ Кремль, да и ушелъ совсѣмъ изъ Москвы. У Семена Аѳанасыча мало что пропало: божье милосердіе и серебро было въ ящикахъ въ прудъ опущено да камнями завалено, такъ не догадались, и опосля все это мы вытаскали изъ пруда-то... А у меня такъ вотъ кушакъ новый, только-что купленъ былъ, утащилъ анаѹема этакій!»

Помню я и Сарру Николаевну, о которой говорилъ Савелій. Она прїѣзжала иногда къ тетѣ по праздникамъ. У подѣзда останавливалась запряженная въ одну лошадь небольшая крытая колясочка съ поднятымъ верхомъ. Изъ нея выпрыгивала сперва дѣвушка въ темномъ монастырскомъ платьѣ, а за нею выходила, держа въ рукѣ длинную священническую трость съ серебрянымъ набалдашникомъ, высокая монахиня въ черной шелковой рясѣ и бархатной шапочкѣ, покрытой длиннымъ кисейнымъ вуалемъ. Опираясь на трость, бодро поднималась она по лѣстницѣ, поддерживаемая, кажется только для вида, своей послушницей. Никогда она не нагибалась, на поклоны встрѣчаю-

щихся отвѣчала легкимъ наклоненіемъ головы, а меня высоко поднимали, чтобы поцѣловаться съ нею. Эта-то монахиня спасла Новодѣвичій-монастырь отъ участи, какая постигла нашу приходскую церковь.

Мать часто рассказывала мнѣ, что Сарра Николаевна, оставаясь въ Москвѣ во все время непріятельскаго нашествія, заботливо охраняла монастырь. Узнавъ, что подъ него ведутся подкопы, она добилась свиданія съ маршаломъ Даву и умоляла его пощадить историческую святыню. Но просьба ея не подѣйствовала: таже бесплодная мечь, которая задумала взорвать Кремль, порѣшила уничтожить и Новодѣвичью-обитель. Въ день выхода французовъ изъ монастыря, монахинь пригласили удалиться и объявили имъ, что скоро послѣдуетъ взрывъ. Сарра Николаевна опять бросилась къ Даву, но не была допущена. Тогда она воротилась въ монастырь съ намѣреніемъ спасти его или погибнуть, и едва послѣдніе французскіе саперы, которые поджигали проводы къ пороховымъ минамъ, выбѣжали за монастырскія стѣны, она бросилась къ дымящимся фитилямъ и одинъ за другимъ погасила ихъ. Обитель была спасена. Хотя французы послѣ этого оставались еще двое сутокъ въ лагерѣ, но благодаря энергическимъ усиліямъ монахини, монастырь былъ оставленъ въ покоѣ. Все это я не разъ слышалъ отъ матери, ко-

торая съ благоговѣніемъ разсказывала о подвигѣ своей любимицы.

Особенно помню я эту женщину по одному случаю. Какъ-то лѣтомъ я гулялъ съ нянькой въ нашемъ саду, и мы подошли къ крытой бесѣдкѣ. Тамъ передъ чайнымъ столикомъ сидѣла тетка и рядомъ съ ней пожилая монахиня съ суровымъ, но добродушнымъ лицомъ. Это была Сарра Николаевна. Она подозвала насъ, велѣла нянькѣ поднять меня и поцѣловала.

— Знаешь-ли ты «Отче нашъ?» спросила она меня.

— Не все, отвѣчалъ я.

— Ну-ка, прочитай!

Я прочелъ половину молитвы, и она потрепала меня по щекѣ.

— Не хочешь-ли идти ко мнѣ въ послушники? спросила монахиня.

Я молчалъ.

— Видалъ ты у насъ въ монастырѣ дѣвочекъ въ черныхъ колпачкахъ?

— Да.

— Ну, я и тебѣ такой же сошью, и ты будешь съ дѣвочками на клиросѣ стоять... учись только.

Послѣ этого, когда мать учила меня какой-нибудь молитвѣ, я обыкновенно спрашивалъ: скоро-ли же монахиня подаритъ мнѣ колпачекъ?

II.

Маля. — Лабиринтъ. — Непріятельская карета. —
Жертвы свадебнаго и похороннаго пира.

Садъ нашъ, разведенный по плану дяди, хорошо разросся. Въ тѣ годы онъ представлялся мнѣ неисходимымъ: его въ самомъ дѣлѣ довольно длинныя алеи тянулись на мои глаза безконечно-далеко, и когда нянька или мать водили меня къ той бесѣдкѣ, откуда виднѣлась Москва-рѣка и плоты съ распущенными по водѣ ситцами, такая прогулка казалась мнѣ цѣлымъ путешествіемъ. Игралъ я обыкновенно съ младшимъ братомъ или съ Малей, дочерью нѣмца-рѣщика, который жилъ въ одномъ съ нами флигелѣ. Это была дѣвочка однихъ со мною лѣтъ, розовая и кудрявая блондинка, постоянно живая и рѣзвая. Съ нею мы бѣгали далеко, иногда въ самую глубь нашего сада.

Въ памяти у меня остались особенно двѣ прогулки, о которыхъ нерѣдко вспоминали и мои домашніе.

Однажды весной, когда только начинала цвѣсти сирень, я игралъ съ Малей въ саду. Перегоняя другъ-друга по аллеямъ, мы прибѣжали къ пруду, гдѣ на маленькомъ островѣ, въ кустахъ зелени, виднѣлась китайская бесѣда съ приподнятыми кверху углами крыши. Въ рукахъ у моей подруги была въ это время большая кукла, и не знаю, какимъ-образомъ она уронила ее въ прудъ. Не смотря на то, что кукла не потонула и хорошо держалась надъ водой, мы никакъ не могли достать ее. Я отыскалъ какой-то сучекъ и хотѣлъ придвинуть имъ утопленницу, но сдѣлавъ это такъ неловко, что еще больше отогналъ ее; кукла уплыла такъ далеко, что и большой не досталъ-бы съ берега. Я взглянулъ на дѣвочку: въ ея синихъ глазахъ бѣгали слезинки.

— Теперь она утонетъ! проговорила Маля.

Мнѣ стало досадно. Я посмотрѣлъ и увидѣлъ шлюпку, прицѣпленную у пристани веревочной петлей къ желѣзному крючку. Я побѣжалъ къ ней. Лодка была довольно большая, къ тому же въ ней не оставляли ни багра, ни веселъ, которыхъ впрочемъ мнѣ и не поднять бы. Это однакоже не остановило меня: я вздумалъ подвинуться къ куклѣ, цѣпляясь изъ шлюпки за берегъ. Задумано и сдѣлано: я забрался въ лодку и отцѣпилъ веревку. Сначала дѣло шло хорошо, но скоро я такъ неловко толкнулъ мою шлюпку, что она отошла отъ берега, прежде

чѣмъ мнѣ удалось схватиться за траву. Подъ вліяніемъ этого толчка, лодка удалялась все больше и больше, и наконецъ я очутился саженьхъ въ трехъ отъ берега, безъ всякой надежды опять подвинуться къ нему. Я заплакалъ и въ тоже время увидѣлъ, что и Маля плачетъ на берегу.

Не знаю, долго-ли мы пробыли въ этомъ положеніи, какъ наконецъ послышались въ саду оклики. Слезы у меня остановились, и я въ какомъ-то невольномъ чувствѣ стыда или страха опустился на дно лодки.

— Гдѣ онъ? слышу я, спрашиваетъ моя нянька.

— Тамъ! отвѣчаетъ дѣвочка.

Вѣроятно, она протянула руку въ томъ направленіи, гдѣ стояла шлюпка; а нянька, не замѣчая меня, подумала, что я упалъ въ воду. Она вскрикнула. А я все лежалъ не шевелясь на днѣ лодки. Прошло, кажется, минутъ десять. Но вотъ послышался смѣшанный говоръ, потомъ на пруду раздался тяжелый плескъ, точно кто-нибудь кинулся въ воду, и вслѣдъ затѣмъ я почувствовалъ, что шлюпка покачнулась.

— Здѣсь! крикнулъ голосъ надъ самымъ моимъ ухомъ.

Это былъ фабричный, который по тревогѣ, поднятой моею нянькой, вплавъ добрался до лодки и потомъ пригналъ ее къ берегу, гдѣ встрѣтили меня поцѣлуи матери и строгій выговоръ отца.

Послѣ этого меня долго не пускали въ садъ и только впослѣдствіи разрѣшили это, подъ строгимъ приказаніемъ не подходить къ водѣ.

Въ то же лѣто было у меня и другое приключеніе въ саду съ тою же участницей моихъ игръ. Я говорилъ о лабиринтѣ, который дядя построилъ, по выраженію его старшаго брата, на погибель своей души. Объ этомъ мѣстѣ составилось у меня страшное и фантастическое понятіе: его зеленныя стѣны даже издали возбуждали во мнѣ какой-то невольный трепетъ. Гуляя около лабиринта, нянька иногда водила меня въ его первые коридоры; но она не рѣшалась заходить во внутренніе изгибы этого клубка перепутанныхъ стѣнъ и дорожекъ. Мнѣ говорили, что изъ него нельзя выдти, если не знаешь какихъ-то волшебныхъ словъ на непонятномъ языкѣ. Отъ мѣстности ли, гдѣ стоялъ лабиринтъ, или отъ самаго устройства его извилистыхъ перегорождокъ, тамъ слышался всегда шелестъ вѣтра. Нянька моя любила рассказывать сказки, которыхъ она знала очень много — и подъ вліяніемъ этихъ рассказовъ мое дѣтское воображеніе наполняло это мѣсто чудесными образами. Весь міръ фантастическихъ вымысловъ связывался у меня съ нашимъ лабиринтомъ. Тамъ, казалось мнѣ, растутъ и яблоня съ золотыми яблоками, которыя клюетъ по ночамъ жаръ-птица; тамъ живутъ и тѣ царевны, что, оборачиваясь бѣлыми уточками,

летаютъ купаться въ пруду; тамъ запрятана и чудесная пещера Аладина, гдѣ на деревьяхъ растутъ плоды изъ самоцвѣтныхъ камней.

Какъ-то подѣ вечеръ, бѣгая съ Малей въ саду, мы очутились передъ самымъ входомъ въ таинственный лабиринтъ.

— Бываль-ли ты когда-нибудь въ серединѣ? спросила Маля.

— Нѣтъ. А ты была?

— Никогда.

— Знаешь-ли что тамъ! Внутри, говорятъ, садикъ есть, весь въ цвѣтахъ, а въ садикѣ колодезь, и въ немъ золотой ковшикъ плаваетъ. Кто захочетъ напиться и протянетъ руку, тому онъ въ лице живой водой плеснетъ...

— Это неправда! перебила Маля.

— Мнѣ нянька говорила.

— Она тебѣ сказку сказывала. А я знаю что тамъ!

— Что-же?

— Маленькія дѣти рождаются.

— Какія дѣти?

— Да всѣ — и ты, и я. Мнѣ это мама говорила. Когда я спрашивала, откуда меня взяли, она мнѣ и сказала — изъ лабиринта. Тамъ, говоритъ она, дѣти изъ цвѣтовъ рождаются и въ серебряныхъ колыбелкахъ качаются. Кому нужно — приходятъ и берутъ дѣвочку или мальчика.

— Посмотрѣть-бы — правда ли! Хочешь? Пойдемъ туда!

— Я боюсь.

— Не бойся: вѣдь мы пойдемъ вмѣстѣ.

— А заблудимся? Нужно, видишь, знать какія-то слова, чтобы выйти... Знаешь-ли ты?

— Нѣтъ: я спрашивалъ няньку, да она не говорить. А мы вотъ что сдѣлаемъ: возьмемъ палочку, да и будемъ чертить по дорожкамъ; послѣ мы по этому и назадъ выдемъ.

Маля согласилась, что моя выдумка не хуже тѣхъ волшебныхъ словъ, съ какими ходять въ лабиринтъ большіе. Мы прислушались. Кругомъ было тихо, только въ лабиринтѣ слышался шопотъ трепещущихъ листьевъ, да на башнѣ Дѣвичьяго-монастыря часы проиграли четверти на своихъ разнзвучныхъ колокольчикахъ.

Я сорвалъ съ ближайшаго куста вѣтку, которая должна была служить намъ путеводной нитью. И вотъ переступили мы подъ входную арку и вошли въ плотно-зеленѣющій коридоръ, который началъ изгибаться спиралью, образовывать концентрическіе круги, сливаться съ другими алеями, пересѣкать новые коридоры и развѣтвляться въ глухіе, безвыходные закоулки. Мы шли не торопясь, и я тупымъ концемъ моей вѣтки чертилъ рѣзкую полосу на желтомъ пескѣ дорожки.

Не знаю, долго-ли шли мы такимъ-образомъ. Но вотъ я замѣтилъ вдругъ, что у меня начинается выходить двойная черта и стало-быть мы попали на то мѣсто, гдѣ ужъ одинъ разъ проходили. Это озадачило насъ. Торопливо повернули мы въ ближайшій коридоръ, прошли еще нѣсколько дорожекъ и опять вышли на перечерченную алею. Такое обстоятельство сильно испугало насъ.

— Мы заблудимся! прошептала Маля.

— Такъ пойдемъ назадъ.

Въ лабиринтѣ было тихо, только слышалось, какъ монастырскіе часы отбивали минуты звонкимъ ударомъ колокольчика. Послѣ небольшого совѣщанія мы пошли по исчерченной дорожкѣ, но скоро увидѣли, что опять попали въ то мѣсто, гдѣ недавно были. Идемъ, идемъ — а все нѣтъ конца лабиринту. И вотъ мы очутились на перекресткѣ алей, откуда шло нѣсколько прочерченныхъ мною слѣдовъ въ разныя стороны. Бросаемся на одинъ изъ нихъ, и онъ, изогнувшись змѣею, снова приводитъ насъ въ тоже самое мѣсто. Тутъ ужъ мы кидаемся безъ разбора въ первые попадающіеся намъ коридоры, кружимся въ ихъ безконечныхъ кольцахъ, не смотримъ больше себѣ подъ ноги и выбѣгаемъ наконецъ на круглую площадку, окруженную плотной стѣною зелени и прикрытую синимъ вечернѣющимъ небомъ. То былъ центръ лабиринта.

Мы посмотрѣли другъ на друга съ чувствомъ не-

скрываемаго страха. Передъ нами не было ни колодца съ золотымъ ковшомъ, о которомъ рассказывала моя нянька, ни дѣтей въ серебряныхъ колыбеляхъ, какъ говорила Маля. Это была площадка величиною съ тотъ кругъ, гдѣ ходили у насъ лошади въ коноводной машинѣ; а около нея поднималась ограда изъ густой зелени съ двумя или тремя узкими проходами въ кольца лабиринта. По сторонамъ этой площадки стояли двѣ полукруглыя чугунныя скамейки, у которыхъ вмѣсто ножекъ были чудовищныя лапы съ длинными пальцами и когтями. На самой серединѣ возвышалась небольшая куртина, окаймленная цвѣтами, а надъ нею на мраморной колоннѣ три чугунныя змѣи, опершись о камень нижней челюстью разинутой пасти, сплетались своими туловищами и, поднимаясь вверхъ, поддерживали на хвостахъ чашу, изъ которой опускались какія-то густыя борода длинной, волокнистой зелени.

Все это показалось намъ необыкновеннымъ и страшнымъ. Думая только о томъ, какъ-бы выдти, я попробовалъ подняться на ограду, карабкаясь по изгородкамъ, поддерживающимъ шпалеры, добрался до самого верху и увидѣлъ только однѣ линіи зеленыхъ изгибовъ лабиринта, а вдали — съ одной стороны крышу нашего дома, съ другой кресты на церквяхъ Дѣвичьяго-монастыря. Попробовалъ я закричать: гдѣ-то недалеко выпорхнула изъ зелени

птичка, и опять все затихло, только часы на монастырской колокольнѣ продолжали бить минуты въ ровные промежутки. Я спустился опять на площадку, и мысль о томъ, что мы не выйдемъ никогда изъ страшнаго лабиринта, навела на меня невольную дрожь. Маля, кажется, думала тоже самое. Мы взглянули другъ на друга и заплакали въ горькомъ чувствѣ нашей безпомощности.

— Мнѣ страшно! говорила Маля сквозь слезы.

— Сядемъ... можетъ за нами придуть? сказалъ я.

— Нѣтъ... Я боюсь... Посмотри, какъ эта черная змѣя глядитъ на насъ!

— Такъ пойдемъ искать выхода.

— Помолимся прежде.

Мы опустились на колѣни и помолились, потомъ встали, взяли за руки и черезъ первый попавшійся на глаза выходъ бросились бѣгомъ по изгибамъ лабиринта. Быстро кружились мы по его спутаннымъ переходамъ, и съ каждой минутой все скорѣе и скорѣе, какъ-будто позади грозила неизбежная гибель. Шелестъ нашихъ шаговъ нагонялъ на меня еще больше трепета, и мнѣ казалось, что черные змѣи выскочили изъ цвѣтника и ползутъ за нами въ погоню. Не знаю, долго-ли мы бѣжали въ темныхъ извилинахъ лабиринта; но вотъ въ одну сторону стало свѣтлѣе—мы кинулись туда съ оживающей надеждой и очутились опять на той-же внутренней пло-

падаѣ передъ круглымъ цвѣтникомъ, и чугунные змѣи опять глянули на насъ разинутыми пастьми, а надъ нами померкало вечерѣющее небо, и съ зловѣщей рѣзкостью перезвѣкивали колокольчики на монастырскихъ часахъ. Я съ трудомъ переводилъ духъ, а Маля стояла вся запыхавшись, и рука ея дрожала въ моей холодной рукѣ. Въ это время какая-то птичка опустилась на край мраморной чаши, потрепетала крылышками, почирикала и опять выпорхнула изъ нашей тюрьмы. Мы переглянулись въ тоскѣ.

— Что съ нами будетъ? сказала дѣвочка.

— Мы умремъ! прошепталъ я

Она вырвала у меня свою дрожащую ручку.

— Это ты, злой, завелъ меня сюда! вскрикнула она, оглядываясь на скрученныхъ черныхъ змѣевъ.

При этомъ упрекѣ я заплакалъ. Тогда Маля подошла ко мнѣ и проговорила: — Не плачь! Это я злая... я тебя обидѣла!

Мы сѣли въ уголь скамейки, прижавшись другъ къ другу въ нѣмомъ отчаяніи, и только изрѣдка вздрагивали, когда среди тишины, едва нарушаемой шелестомъ листьевъ, бой монастырскихъ часовъ напоминалъ намъ, какъ медленно тянутся одна за другой минуты нашего страданія.

Но вотъ мы быстро подняли головы. Послышалось, что вдали кто-то закричалъ. — Что это? ужъ не насъ-ли

ищутъ? Мы стали чутко прислушиваться. На этотъ разъ крикъ раздался довольно ясно, хотя и далеко, и я какъ-будто различилъ въ немъ свое имя. Я вскочилъ, вскарабкался на перегородку шпалеръ и, что было силы въ дѣтской груди, закричалъ: мы здѣсь! здѣсь! Но въ эту минуту часы заиграли четверти и покрыли своимъ звономъ мой слабый голосъ. И казалось, долго, нескончаемо долго перезванивали куранты всѣми переливами своихъ разнотонныхъ колокольчиковъ. Что, если меня не услышать и воротятся домой? подумалъ я. Часы наконецъ замолчали. Я крикнулъ опять изъ всей силы. И вотъ ясно послышались голоса, все ближе и ближе... звали меня и Малю. Мы ожили.

Скоро послѣ этого на площадку вошла моя няня съ садовникомъ и насъ вывели изъ заколдованнаго лабиринта.

Послѣ сада больше всего любили мы играть въ сараѣ, гдѣ стояла «непріятельская карета». Такъ назывался походный экипажъ маршала Даву, брошенный французами у насъ въ домѣ при выходѣ изъ Москвы. Какъ теперь я помню этотъ трофей, который дядя показывалъ своимъ гостямъ съ такою гордостью, какъ-будто съ бою отбилъ его у непріятелей. Это была тяжелая колымага темно-зеленаго цвѣта, сильно уже полинялая, съ высокими, загнутыми наверхъ ресорами и съ навѣсомъ для кучера, въ видѣ тѣхъ будочекъ, какія дѣлаютъ при почтовыхъ

экипажахъ для кондукторовъ. Входныя ступеньки, постоянно откинутыя, казались мнѣ безконечно высокими, точно упирающаяся въ небо лѣстница Іакова.

Внутри кареты, между двумя поперечными скамьями съ оборванными подушками, стоялъ складной столъ, гдѣ маршалъ занимался во время похода. Подъ сидѣньями открывались просторные ящики, а по сторонамъ надѣлано было множество полочекъ и висячихъ кармановъ. Тутъ мы берегли обыкновенно свои игрушки. На столѣ же натаскана была у насъ цѣлая куча желтаго песку, изъ котораго мы стряпали деревянными чашками и стаканчиками разнаго вида короваи и пироги.

Въ ненастную погоду, когда не пускали насъ играть въ садъ, мы по цѣлымъ часамъ возились въ непріятельской каретѣ. Иногда насъ набиралось въ нее человѣкъ до десяти, и мы затѣвали разныя потѣхи: то я, сядя передъ деревянными блюдечками съ надѣланными изъ песку блинами и короваями, представлялъ, какъ обѣдаетъ французскій генераль; то Маля взбиралась на столъ и отплясывала какой-то забавный танецъ, которому научилась въ гостяхъ у своихъ нѣмецкихъ родственниковъ. Въ этихъ играхъ неразъ принимала участіе и Галочка. Иногда она лѣпила намъ изъ сыраго песку на каретномъ столѣ модель Дѣвичьяго-монастыря, съ особеннымъ искусствомъ отдѣлывая свою келью; иногда приносила сшитыя

изъ лоскутьевъ небольшія куклы монаха и монахини, укрѣпленныя на круглыхъ карточныхъ подножкахъ, съ подклеенными внизу пучечками жесткой щетины. Ставя эти куклы на столъ, она стучала въ него руками, и черныя фигурки начинали повертываться и припрыгивать, къ большому удовольствію маленькихъ зрителей и самой изобрѣтательницы этой потѣхи.

Конецъ непріятельской кареты былъ весьма плачевный. Сарай, въ которомъ она стояла, понадобился на что-то другое, и экипажъ маршала Даву продали на толкучій рынокъ. Я чуть не плакалъ, когда нашу милую карету выкатили на дворъ и начали привязывать веревками къ тяжелымъ дрогамъ, запряженнымъ парой ломовыхъ лошадей. Помню, какъ оборванный извозчикъ сѣлъ на дроги и замахалъ кнутомъ: лошади лѣниво тронулись, и наша карета медленно покатилась къ воротамъ, скрипя немазанными колесами и какъ-то жалобно дребезжа и звеня своими ржавыми винтами и гайками. Мнѣ казалось, что я расстаюсь съ роднымъ домомъ, гдѣ жилось такъ пріютно и игралось такъ весело.

А скоро въ самомъ дѣлѣ пришлось намъ прощаться и съ домомъ. Дядя умеръ, а съ тѣмъ вмѣстѣ кончились и занятія моего отца при фабричной конторѣ. Семенъ Аванасьевичъ покончилъ свое жизненное поприще при довольно-странномъ обстоятельствѣ: причиной его смерти

была свадьба. Тетка выдавала замужъ какую-то родственницу. Осенью эта дѣвушка прїѣзжала къ намъ рубить капусту. Тутъ ее увидѣлъ приглашенный также на этотъ обрядъ купецъ-красильщикъ: работая сѣчками за однимъ чаномъ, они познакомились и понравились другъ-другу. Скоро онъ посватался и получилъ согласіе. Тетка дѣлала невѣстѣ приданое и справляла свадьбу на довольно широкую ногу. Передъ масляницей, въ продолженіе трехъ или четырехъ недѣль, шли у насъ разные праздники и потѣхи. Тутъ въ первый разъ я видѣлъ все комическое разгулье купеческой свадьбы.

Въ домѣ собралась цѣлая ватага молодыхъ дѣвушекъ: это все были дальнія родственницы и знакомыя тетки. Днемъ садились онѣ за большимъ круглымъ столомъ, передъ кучами холстовъ и матерій, кроили и шили для невѣсты бѣлье, платья и другія принадлежности туалета. Но какъ-только начинало темнѣть, работа смѣнялась пѣснями и забавами: онѣ бѣгали кататься съ горъ, возили другъ-друга по двору на салазкахъ, или играли въ жмурки и веревочку въ большой залѣ. Хотя женихъ лично познакомился съ невѣстой, но въ домѣ, не знаю зачѣмъ, явилась сваха, низенькая и толстая женщина, съ широкимъ краснымъ лицомъ, повязанная шелковымъ платкомъ съ распущенными на лбу рожками. Она играла въ этой комедіи роль какого-то клоуна: сама она безпрестанно

придумывала какія-нибудь балаганныя выходки, и дѣвushки постоянно забавлялись надъ нею, изобрѣтая всякія шалости и продѣлки.

Почти каждый вечеръ пріѣзжалъ женихъ. На немъ были высокіе глянцовые сапоги, которые скрипомъ своимъ заявляли о его прибытіи чрезъ двѣ и три комнаты. За десять шаговъ пахло отъ него духами и помадой, что и послужило, можетъ быть, основаніемъ даннаго ему свахою прозвища: женишокъ—чесаный гребешокъ, масляная головка! Только-что входилъ онъ въ залу, дѣвushки пѣли ему величанье, а тетка усаживала рядомъ съ невѣстой на диванѣ, гдѣ они и молчали цѣлый вечеръ. Между тѣмъ разносили чай и лакомства. Когда подавали вино или наливку, женихъ едва дотрогивался губами до рюмки и возвращалъ ее на поднось.

— Вѣрно пьяница будетъ! говорила при этомъ моя нянька.

— Отчего же? спрашивалъ я.

— Да что онъ дѣвushка что-ли? Женихомъ вишь усовъ помочить въ сладкомъ не хочетъ, а тамъ къ женѣ будетъ на карачкахъ ползать.

Въ концѣ вечера, послѣ церемонно-холоднаго прощанья съ невѣстой, женихъ подходилъ обыкновенно къ столу, за которымъ пѣли дѣвushки, и клалъ передъ ними десяти-рублевую асигнацію или полуимперіаль. Пѣвицы

улыбались ему, но въ тоже время начинали пѣсню: «Воротися, сударь, воротися! дари дѣвушкѣ, не скупися! съ золотой еще гривной разступися!» И женихъ иногда возвращался на этотъ призывъ и дарилъ пѣсельницъ другимъ полунимперіаломъ, за что онѣ провожали его новой, очень веселой пѣсней, въ которой выражались разныя благодарственныя пожеланія и комплименты.

Веселѣе всего прошелъ дѣвичникъ. Чего только не было тутъ! Гостей съѣхалось много и большая зала была освѣщена съ небывалою у насъ яркостью. Офиціанты разносили вина и закуски, не давая посѣтителямъ «ни отдыха, ни сроку.» А между-тѣмъ одна потѣха смѣнялась другою: то фабричныя пѣсельники усаживались на полу въ видѣ лодки и пѣли: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», сопровождая слова пантомимой; то сваха плясала по-русски съ такимъ же толстымъ и маленькимъ какъ и она купцомъ; то дѣвушки пѣли величанье жениху, невѣстѣ и гостямъ, называя всѣхъ по имени и по отчеству. Почетные гости, принимая бокаль съ виномъ, находили его невкуснымъ и обращались къ жениху съ просьбою подсластить, то-есть поцѣловаться съ невѣстой.

— Горько-съ! говорилъ обыкновенно почтенный купецъ, дотронувшись губами до бокала. Позвольте десятчекъ сладенькихъ!

Обрученные при этомъ вставали со своего нагрѣтаго долгимъ сидѣньемъ мѣста и жеманно отсчитывали десять поцѣлueвъ. Гость кланялся и опорожнялъ бокаль. Иногда же онъ отпивалъ его только до половины, притворно морщился и съ натянутой улыбкой опять обращался къ жениху:

— Все не сладко! нельзя-ли еще полдюженки, да горяченькихъ-съ!

И женихъ съ тою же апатіей вновь цѣловалъ невѣсту заказанное число разъ. Вѣроятно, во всю остальную жизнь супруги не израсходовали столько поцѣлueвъ, какъ въ одинъ этотъ вечеръ.

Когда женихъ уѣзжалъ, дѣвушки сошли внизъ къ подъѣзду и тамъ прощали ему послѣднее привѣтствіе; а тетка дотога развеселилась, что когда подали парныя сани будущаго родственника, она приказала влить въ горло лошадямъ по бутылкѣ шампанскаго, не заботясь о томъ, какъ поѣдетъ дорогой гость съ пьянымъ кучеромъ на пьяныхъ лошадяхъ. Впрочемъ оказалось, что онъ доѣхалъ домой благополучно.

За этой-то свадьбой послѣдовала печальная катастрофа, которая разразилась неожиданно надъ нашимъ домомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнила и положеніе моего отца. Дѣло въ томъ, что на третій день послѣ свадьбы, въ домѣ молодыхъ, гдѣ-то у Краснохолмскаго-моста, давали

парадный обѣдъ для родныхъ и близкихъ знакомыхъ. На этомъ обѣдѣ была между-прочимъ кулебяка съ печенками изъ налима. Она-то и перемѣнила нашу судьбу. Отецъ новобрачнаго обѣлся этого лакомства и умеръ. На похоронномъ пирѣ, которымъ справлялась тризна по этой жертвѣ, опять приготовили ту-же кулебяку съ налимовыми печенками: не знаю, случайно ли это вышло или родственники заказали нарочно это блюдо, желая нагляднѣе почтить память усопшаго. Какъ бы ни было, но кулебяка явилась въ другой разъ въ кругу того же общества и вырвала изъ него новую жертву. Семень Аѳанасьевичъ, убѣжденный въ прочности своего, какъ онъ говорилъ, луженаго и муравленнаго желудка, такъ усердно помянулъ покойника роковымъ кушаньемъ, что въ свою очередь отправился въ горнія. Въ тотъ же вечеръ сталъ онъ жаловаться на нездоровье и, не смотря на свою нелюбовь въ медицинѣ, послалъ за докторомъ, а на слѣдующее утро его перенесли уже съ постели на столъ.

Похороны были великолѣпныя, съ балдахиномъ и большимъ хоромъ пѣвчихъ, съ архіереемъ и длинной вереницей факельщиковъ, со слезами, рыданьями и роскошной закуской, на которой впрочемъ не было знаменитой кулебяки, хотя она и служила, какъ мнѣ рассказывали, главной темой разговоровъ между гостями.

Со смертью дяди все въ нашемъ домѣ измѣнилось.

Вдова, которой покойникъ отказалъ по духовному завѣщанію все состояніе, остановила фабричныя работы, ликвидировала дѣла, а вскорѣ продала и самую фабрику. Отецъ мой началъ искать другихъ занятій и получилъ мѣсто при конторѣ парчеваго фабриканта, купца К. Мы переѣхали съ Дѣвичьяго-поля къ Сухаревой-башнѣ.

Помню, съ какимъ сожалѣніемъ покидалъ я нашъ домъ и особенно дорогой для меня садъ, хотя это было въ самомъ началѣ весны и деревья стояли еще безъ зелени. Жалко мнѣ было разставаться и съ Малей: дѣтскія игры такъ сблизили насъ, мы такъ мало ссорились и такъ много веселились, что, кажется, прощаясь съ нею, я терялъ охоту впередъ играть и веселиться. Я оставилъ ей большую часть моихъ игрушекъ. Наканунѣ отъѣзда ходилъ я съ матерью въ Новодевичій-монастырь, гдѣ у нея были знакомыя между монахинями. Тамъ простился я и съ Галочкой. Она увела меня въ свою келью, накормила лакомствами, называла своимъ женихомъ, цѣловала и подарила на прощанье крестикъ, который долго послѣ того сохранялся у моей матери.

Лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ этого пріѣзжалъ я изъ Петербурга въ Москву и былъ по дѣлу на Дѣвичьемъ-полѣ. Мнѣ вздумалось посмотрѣть на домъ, гдѣ прошли первые годы моего дѣтства. Фабрика и жилой флигель были уже значительно передѣланы новыми владѣльцами,

но садъ остался въ томъ же видѣ, хотя сталъ гораздо гуще и тѣнистѣе. Только въ это время онъ показался мнѣ гораздо меньше, чѣмъ я представлялъ его по моимъ дѣтскимъ впечатлѣнiямъ. Какъ жалокъ былъ теперь этотъ прудъ, неизмѣримо-обширный въ дѣтскихъ глазахъ, какъ сбузились и укоротились алеи и дорожки, какъ измельчали когда-то роскошные цвѣтники и куртины! Лабиринтъ же, гдѣ я заблудился съ Малей, былъ уничтоженъ; но, судя по мѣстности, и онъ показался бы мнѣ на этотъ разъ не очень обширнымъ. Не смотря на то, прогулка по саду сильно меня тронула. Хотя въ это время жизнь въ студенческомъ кружкѣ и головная работа надъ книгами заглушили мои бывшiя думы и мечты, и подъ влiанiемъ тогдашнихъ литературныхъ идей я сдѣлался рьянымъ западникомъ и свысока смотрѣлъ на Москву, однако въ памяти живо проснулись воспоминанiя дѣтства, въ душѣ шевельнулось какое-то болѣзненно-сладкое чувство и готово было вырваться слезами. Но я успѣшилъ охладить этотъ порывъ мыслью о пошлости такихъ ребяческихъ увлеченiй и безжалостно насмѣялся надъ своимъ непрощеннымъ чувствомъ.

III.

Капитанъ и капитанша. — Фантастическія легенды.—Пророкъ Иванъ Яковлевичъ и Кликуша.

Дѣтскіе годы выносили. Какъ ни горько мнѣ было разставаться съ привольнымъ житьемъ въ дядиномъ домѣ, какъ ни казался рѣзкимъ переходъ отъ тѣнистыхъ алей обширнаго сада къ тѣсной квартирѣ и пустому двору, безъ зелени и товарищей, но я скоро привыкъ къ своему новому положенію. Меня даже занимала эта перемѣна и знакомство съ новой для меня частью города и съ новыми лицами. Мы поселились недалеко отъ церкви Спаса-во-Спаской, между двумя колокольными заводами, въ небольшомъ мезонинѣ деревяннаго домика, гдѣ жили и сами хозяева—отставной капитанъ съ женою, которыхъ рекомендовали отцу, какъ людей добрыхъ и почтенныхъ.

Лука Лукичъ былъ одинъ изъ тѣхъ оригиналовъ, какіе встрѣчались только въ Москвѣ. Когда-то служилъ онъ въ армейскомъ полку, считался лихимъ офицеромъ, бывалъ въ походахъ и на дуэляхъ и даже былъ разжалованъ за какую-то удалую выходку во время кампаніи 1805 года. Но въ то время, какъ мы переѣхали къ нему въ домъ, въ немъ не оставалось уже никакихъ слѣдовъ боевой жизни, кромѣ орденской ленточки, которую онъ постоянно носилъ на лѣвой сторонѣ халата. Это былъ низенькій, полный старичокъ, съ румянымъ и добродушнымъ лицомъ и сѣдыми, щетинистыми усами. По цѣлымъ часамъ сидѣлъ онъ въ бѣломъ теаньевомъ халатѣ и красной ермолкѣ у надворнаго огня маленькой гостиной и смотрѣлъ внимательно на крышу своего сарая. Предметомъ этого наблюденія былъ устроенный подъ слуховымъ окномъ, въ видѣ низенькаго балкона, большой досчатый приполокъ, на которомъ постоянно сидѣло и бродило десятка два разнаго цвѣта гончихъ голубей. На этой-то охотѣ и сосредоточивалась тогда вся дѣятельность Луки Лукича.

Разъ по десяти въ день, подпоясавшись сверхъ халата краснымъ шелковымъ фуляромъ, отправлялся онъ на голубятню, отворялъ натянутую проволочной сѣткой раму слуховаго окна, вылѣзаль на приполокъ и длиннымъ шестомъ вспугивалъ свою нѣжно-любимую стаю. Красные, бѣлые и черные турмана поднимались, а онъ, прикрывъ

рукою глаза въ видѣ зонтика, помахивалъ шестомъ и любовался, какъ его разноцвѣтные вертуны взбирались съ каждой минутой выше, описывали спиральные круги на распластанныхъ крыльяхъ, взвивались на высоту, едва доступную зрѣнію, и оттуда, кувyrкаясь черезъ голову, опускались съ быстротою брошеннаго камня чуть не до самой крыши своей голубятни. Иногда капитанъ бросался изъ комнаты въ сарай опрометью, не подпоясывая халата; это значило, что онъ завидѣлъ гдѣ-нибудь полетъ чужаго голубя. Торопливо взгонялъ онъ тогда свою дежурную стаю, и если случалось, что этотъ шальной чужакъ приставалъ къ ней, опускался на приполокъ и давалъ накрыть себя сѣткой или загнать въ голубятню, то эта добыча была для охотника настоящимъ праздникомъ.

Турмана составляли любимую и почти единственную тему разговоровъ Луки Лукича не только со знатоками дѣла, но даже и съ людьми, вовсе въ него не посвященными. На другой или на третій день послѣ нашего переѣзда онъ остановилъ на дворѣ моего отца и долго рассказывалъ ему про свою охоту. Меня часто водилъ онъ на голубятню, показывалъ турмановъ, описывалъ ихъ удивительныя свойства и даже бралъ съ собою на приполокъ, къ большому неудовольствію моей матери, которая боялась, чтобы я не упалъ какъ-нибудь съ крыши.

Эта страсть къ голубиной охотѣ обходилась капитану

не дешево. Отъ привычки смотрѣть по верхамъ онъ никогда не глядѣлъ подъ ноги, нерѣдко падалъ на улицѣ и больно ушибался. Однажды онъ оступился въ какую-то канаву и его привезли домой разбитаго и перепачканнаго. Рассказывали, что изъ-за своей охоты онъ даже потерялъ выгодное мѣсто, которое получилъ по выходѣ изъ военной службы. Это было, если не ошибаюсь, въ Кремлевской Экспедиціи Генераль-губернаторъ пожелалъ сдѣлать тамъ лично какую-то ревизію, при которой Лука Лукичъ долженъ былъ играть самую видную роль. Его увѣдомили объ этомъ заранѣе, и онъ отправился въ присутствіе къ назначенному сроку, но дорогой увидѣлъ чуть не подъ облаками какого-то голубя, воротился домой подогнать къ нему своихъ турмановъ, долго возился на голубятнѣ, желая поймать этого чужака, и пришелъ на службу въ то время, когда генераль-губернаторъ, напрасно прождавъ болѣе часа, съ неудовольствіемъ уѣхалъ изъ Экспедиціи. Капитанъ принужденъ былъ подать въ отставку и послѣ этого обстоятельства посвятилъ себя исключительно одной голубиной охотѣ.

Жена его, Марья Ивановна, была еще очень бодрая старушка. По ея правильнымъ, хотя уже и поблекшимъ чертамъ, высокому росту и пріятной, плавной походкѣ, всякій могъ угадать съ перваго взгляда, что она въ свое время была замѣчательной красавицей; а въ мелкихъ

особенностяхъ ея обращенія и костюма проглядывало даже по временамъ несовсѣмъ забытое кокетство. Но какъ Лука Лукичъ изъ бойкаго офицера превратился въ мирнаго домосѣда и голубятника, такъ и Марья Ивановна отъ удовольствій разсѣянной жизни, которыхъ, по словамъ ея знакомыхъ, вовсе не чуждалась въ молодости, обратилась къ мелочнымъ заботамъ домашняго быта, хотя и въ это умѣла внести что-то пріятное, даже поэтическое. Хозяйство у нея было маленькое, но довольно полное и нечуждое даже прихотей. На погребу, въ кладовой и чуланахъ хранились у нея запасы по всѣмъ отраслямъ домашней экономіи. Въ сараѣ мычала сытенная черная корова; по двору гуляли пестрыя цесарки, мохноногія куропатки, хохлатыя куры, и сизоносый индюкъ, топорщась на крыльяхъ и распутивъ вѣеромъ хвостъ, отзывался на всякій шумъ своимъ однообразнымъ бормотаньемъ.

Въ спальнѣ Марьи Ивановны, обставленной образами въ ярко вычищенныхъ ризахъ, бросалась особенно въ глаза одна старинная мебель, которая стояла прямо противъ ея кровати. Это былъ полу-комодъ и полу-буфетъ. Нижняя часть его состояла изъ укладки краснаго дерева, съ тремя глубокими ящиками, которые выдвигались за овальныя скобки, прикрѣпленныя къ бронзовымъ львинымъ головкамъ; а надъ этимъ возвышался створчатый шкафъ со стеклянными дверцами и рядами полокъ, раздѣленныхъ

еще на отдѣльныя клѣтки. Всѣ эти полки уставлены были склянками и баночками, наполнены множествомъ мѣшечковъ, узелковъ и пакетовъ съ наклеенными на нихъ ярлыками и этикетками. Въ комодѣ верхній ящикъ занятъ былъ свертками всякаго рода доскутьевъ, въ среднемъ лежали пачки тетрадей и рукописныхъ книгъ съ кухонными и хозяйственными рецептами и всякими замѣтками изъ круга домашней экономіи; а въ нижнемъ ящикѣ хранилось въ особомъ чехлѣ пестрое, сшитое изъ разноцвѣтныхъ кусковъ одѣяло, которое иногда появлялось и на хозяйкиной кровати.

На этомъ-то массивномъ комодѣ сосредоточивалась главная дѣятельность Марьи Ивановны: это была ея библіотека и хозяйственный музей, ея запасный магазинъ и домашняя аптека. Тамъ хранились всѣ плоды ея долговременной практики по разнымъ отраслямъ хозяйства. И капитанша вовсе не думала держать въ секретѣ своего архива: онъ во всякое время открытъ былъ не только для людей близкихъ, но даже и совсѣмъ незнакомыхъ. Хозяйка охотно давала читать и списывать свои рукописи и была очень довольна, когда могла съ кѣмъ-нибудь поѣлиться своими свѣденіями, хотя въ этой услужливости можно было замѣтить значительную долю самолюбія. Она особенно любила рассказывать, какъ брали у нея рецепты на кухни князя Юсупова и генералъ-губернатора и даже

единъ разъ присылали узнать о какихъ-то подробностяхъ насчетъ приготовленія грибныхъ котлетъ отъ самого высокопреосвященнаго.

Съ самаго прїѣзда нашего Марья Ивановна меня обласкала. Чуть не каждый день ходилъ я къ ней въ комнату, сначала по ея приглашенію, а потомъ и безъ зова, и она показывала мнѣ какія-нибудь картинки или кормила вареньемъ и сушеными плодами. Я съ своей стороны полюбилъ радушную капитаншу и не столько за лакомства, сколько за ея постоянную привѣтливость. Въ обращеніи ея со мною незамѣтно было того снисхожденія, съ какимъ обыкновенно взрослые относятся къ дѣтямъ: она съ какою-то особенной искренностью умѣла становиться въ одинъ со мною уровень, причемъ не столько опускалась сама до моихъ понятій, сколько мнѣ давала возможность понимать ее. Не умѣю сказать, какъ она это дѣлала, но разговаривая съ нею я какъ-будто вырасталъ, лучше понималъ и чувствовалъ, и это-то всего больше къ ней привлекало. Словомъ, голубятня Луки Лукича и ласки Марьи Ивановны скоро заставили меня позабыть Дѣвичье-поле и помириться съ нашей маленькой квартирой у спаскихъ колокольныхъ заводовъ.

А заводы эти постоянно напоминали намъ о своемъ сосѣдствѣ громозвучнымъ звономъ. Въ нашей улицѣ было нѣсколько обширныхъ дворовъ, въ глубинѣ которыхъ

виднѣлись каменные зданія съ высокими трубами, а передъ ними, подъ навѣсами на массивныхъ столбахъ, висѣли большіе колокола, ярко блестящіе свѣжей мѣдью. Какъ только поднимали сюда вновь вылитый колоколь — его тотчасъ же начинали пробовать и обзванивать, и въ этомъ сколько угодно могъ упражняться всякій, у кого только была охота и чесались руки. А такъ-какъ заводы постоянно работали, не только на Москву, но въ разныя губерніи и для ярмарокъ, да и въ охотникахъ звонить не было недостатка, то у насъ во всякое время дня и даже по ночамъ слышенъ былъ густой, учащенный благо-вѣсть, который для показанія звучности новаго колокола или силы руки упражняющагося дилетанта доходилъ до самыхъ неистовыхъ тоновъ. Это былъ уже не призывный звонъ къ молитвѣ, а какая-то безстыдная реклама.

Благодаря этимъ заводамъ, наша сторона была для всей Москвы источникомъ самыхъ эксцентрическихъ сплетенъ и вымысловъ. У колокольныхъ заводчиковъ испоконъ-вѣка установилось повѣрье, что для удачной отливки большого колокола необходимо распуścić въ народъ какую-нибудь нарочно-придуманную сказку, и чѣмъ быстрее и дальше она разойдется, тѣмъ звучнѣе и сладкогласнѣе будетъ отливаемый въ это время колоколь. Отъ этого-то и сложилась извѣстная поговорка: «колокола льютъ», когда дѣло идетъ о какомъ-нибудь нелѣпомъ

слухѣ. Не знаю, кто занимался на заводахъ сочиненіемъ этихъ фантастическихъ разсказовъ и какимъ путемъ они распространялись по городу, но колокольные повѣсти свидѣтельствовали о живомъ, поэтическомъ воображеніи своихъ авторовъ; а судя по быстротѣ, съ какою онѣ расходились въ московской публикѣ, надобно полагать, что и самые колокола, ради которыхъ все это сочинялось, должны были отличаться несомнѣннымъ громогласіемъ.

Однажды, напримѣръ, пущень былъ по Москвѣ вотъ какой разсказъ. Заговорили, что въ какой-то приходской церкви, кажется на Покровкѣ, вѣнчали свадьбу. Во время совершенія обряда, когда священникъ повелѣ жениха и невѣсту вокругъ наложь, брачные вѣнцы сорвались у нихъ съ головы, вылетѣли изъ оконъ церковнаго купола и опустились подъ наружные кресты, утвержденные на главахъ церкви и колокольни. Слухъ этотъ пошелъ въ ходъ; къ церкви начали сходиться толпы любопытныхъ, стали съѣзжаться экипажи. Подъ крестами въ самомъ дѣлѣ оказались золоченыя короны, похожія на свадебные вѣнцы. И вотъ по Москвѣ начала ходить романическая повѣсть о томъ, будто женихъ и невѣста, о которыхъ шла рѣчь, были родные братъ и сестра, что они росли и воспитывались на двухъ отдаленныхъ концахъ Россіи, никогда не знали и не видали другъ-друга, но какъ-то случайно съѣхались, познакомились, приняли

кровное влеченіе за любовь—и незаконный бракъ готовъ уже былъ совершиться, когда Провидѣніе остановило его такимъ чудеснымъ образомъ. Эта сказка разлетѣлась по Москвѣ съ болѣе или менѣе разнообразными вариантами и сдѣлалась предметомъ продолжительныхъ толковъ и разговоровъ. Знакомые долго обмѣнивались вопросами: слышали о свадьбѣ брата съ сестрой? ходили смотрѣть вѣнцы? И немало прошло дней, даже недѣль, покуда убѣдились, что все это чистая выдумка: церковь, какъ вспомнили, была построена прямо съ коронами на куполахъ, да и короны эти отличались такими размѣрами, что въ одну изъ нихъ можно-бы уложить самую рослую пару новобрачныхъ.

Въ другой разъ заводчики разблаговѣстили по Москвѣ анекдотъ еще занимательнѣе. Дѣло на этотъ разъ было зимою, въ трескучіе морозы. Рассказывали, что генералъ-губернаторъ, наканунѣ большого праздника, кажется Николина-дня, давалъ балъ, на который приглашено было полгорода. Домъ горѣлъ огнями иллюминаціи. Всю ночь продолжались танцы. И вотъ, во время полного разгара удовольствій, при громѣ бальной музыки, раздался съ Ивановской-колокольни первый ударъ благовѣста къ праздничной заутренѣ. При этомъ торжественномъ звукѣ люстры и канделябры въ губернаторской залѣ въ одну минуту погасли, струны на инструментахъ лопнули,

стекла изъ двойныхъ рамъ звеня попадали на улицу, и въ страшной темнотѣ волны морознаго воздуха хлынули на обнаженные шеи и плечи танцующихъ дамъ. Музыка и говоръ замолкли, и только вдали звучали переливы священнаго звона. Раздался крикъ ужаса. Испуганные гости бросились толпою къ дверямъ, но онѣ съ громоу захлопнулись, и никакія усилія не могли отворить ихъ до тѣхъ поръ, пока не кончился въ Кремлѣ благовѣстъ къ заутренѣ. Къ этому поэтическому разсказу прибавляли, что въ бальной залѣ найдено было нѣсколько замерзшихъ и задавленныхъ и въ томъ числѣ самъ хозяинъ праздника. И не смотря на то, что во всю эту зиму егераль-губернаторъ не давалъ баловъ и даже самъ уѣзжалъ въ Петербургъ, о чемъ и заявлено было въ газетахъ, нелѣпая сказка быстро разнеслась по Москвѣ, повторялась долго съ разными прикрасами и дополненіями и, шроникая въ отдаленные концы города, приняла наконецъ совсѣмъ дикій и уродливый характеръ.

Такія упражненія колокольных заводчиковъ въ сочиненіи поэтическихъ разсказовъ и повѣстей не разъ обращали на себя вниманіе городской полиціи. Ей удавалось иногда добратъся до источника этихъ игривыхъ вымысловъ, и заводчикамъ-белитристамъ дѣлали строгія внушенія и даже отбирали отъ нихъ подписки, чтобы они впередъ при отливкѣ колоколовъ не распускали вздоръ.

ныхъ и въ особенности неблаговидныхъ слуховъ, которые волнуютъ жителей и нарушаютъ спокойствіе города. Заводчики давали подписки, но вовсе не думали отказываться отъ своего вѣками освященнаго обычая и съ каждаымъ значительнымъ колоколомъ благовѣстили по Москвѣ какую-нибудь новую, болѣе или менѣе поэтическую и не лѣгкую новость.

Изъ перваго времени житія нашего въ приходѣ Спасо-Спаской у меня особенно остались въ памяти два эпизода. Это были пѣшеходныя прогулки съ матерью, вскорѣ послѣ того, какъ мы переѣхали съ Дѣвичьяго-поля. Прогулки эти доставили мнѣ столько удовольствія, познакомили съ такими новыми впечатлѣніями, что я согласился бы тогда ходить пѣшкомъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, только бы видѣть рощи и луга, которые такъ меня привлекали.

Первое наше загородное путешествіе было въ „Безумный домъ“ къ извѣстному пророку Ивану Яковлевичу, который тогда начиналъ славиться своими юродственными подвигами. Мать моя хоть и шутила иногда надъ его грубостью, но въ то же время относилась очень серьезно къ его предсказаніямъ. Изъ разсказовъ объ этомъ странномъ человѣкѣ, которые я слыхалъ еще въ то время, какъ мы жили у дяди, въ моемъ воображеніи сформировалось какое-то уродливое сочетаніе святости и шарлатанства. Мать давно уже собиралась посѣтить блаженнаго и на-

конецъ уговорилаcь идти къ нему съ Марьей Ивановной, которая тоже хотѣла взглянуть на юродиваго. Въ это путешествіе взяли и меня, не смотря на возраженія отца, который не очень уважалъ полоумнаго пророка и считалъ за грѣхъ ему вѣрить. Съ вечера еще приготовили для Ивана Яковлевича подарки: большую сайку, начиненную пластомъ паюсной икры, и жестянку съ нюхательнымъ табакомъ. Поутру мы доѣхали на извозикѣхъ до заставы, а оттуда пошли уже пѣшкомъ.

Я былъ въ восторгѣ, когда очутился на зеленѣющемъ полѣ; какъ ни уговаривали меня идти по дорогѣ, но я безпрестанно отбѣгалъ въ стороны, чуть только видѣлъ гдѣ-нибудь полевые цвѣты. Не смотря на усталость, мнѣ было непріятно, когда мы пришли къ большому каменному дому, который служилъ цѣлю нашей прогулки. Даже любопытство увидѣть чудеснаго Ивана Яковлевича не утѣшало меня въ томъ, что мы не пойдемъ дальше. Когда мы стали подниматься по лѣстницѣ, я замѣтилъ, что съ лица матери сбѣжала обычная ея веселость и оно приняло то серьезное выраженіе, какое я видалъ у нея только въ церкви. Марья Ивановна тогда же пошутила надъ этимъ благоговѣніемъ къ юродивому. Мы миновали длинный коридоръ и по указанію сторожа вошли въ довольно обширную комнату, гдѣ вся передняя стѣна уставлена была образами, передъ которыми теплились лам-

пады и горѣло много свѣчей въ большомъ церковномъ подсвѣчникѣ.

Въ одномъ углу этой комнаты стояла низенькая деревянная кровать, покрытая пестрымъ ситцевымъ одѣяломъ, на которомъ первоначальные узоры и краски почти совсѣмъ исчезали подъ множествомъ грязныхъ и салныхъ пятенъ. Въ головахъ была высокая подушка въ такой же отвратительно-перепачканной наволочкѣ. На этомъ-то грязномъ ложѣ сидѣлъ знаменитый пророкъ. Это былъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, съ большой головою, прикрытой остатками рыжевато-сѣдыхъ волосъ, съ широкимъ, приплюснутымъ лицомъ и оловянно-мутными глазами. Опершись руками на колѣни и поддерживая на ладоняхъ свои отвислыя щеки съ торчкомъ стоящими ушами, онъ тупо и вмѣстѣ-съ-тѣмъ какъ-то насмѣшливо смотрѣлъ на толстую женщину, съ виду похожую на купчиху, которая, потупивъ благоговѣйно голову, очевидно ждала изреченій мудраго оракула. Но пророкъ упорно молчалъ, мигая своими опухшими вѣками. Кончилось тѣмъ, что на какой-то почтительный вопросъ этой посѣтительницы онъ приподнялся на ноги и плюнулъ на нее, послѣ чего гостя вышла тотчасъ же изъ палаты, смиренно вытираясь носовымъ платкомъ.

Эта грубая выходка юродиваго смутила мою мать, и она замѣтно колебалась въ намѣреніи подойти къ его

грязному ложу. Скоро однако самъ блаженный вывелъ ее изъ этой нерѣшимости. Подобравъ подъ себя ноги, онъ повелъ на нее своими оловянными глазами и крикнулъ отрывисто:

— Ты что?

— Къ вамъ, батюшка Иванъ Яковлевичъ! проговорила она, кладя свое приношеніе на стоявшій подлѣ кровати столъ.

— Пора! пора! пора! замычалъ блаженный.

Мать подвинулась къ постели и шопотомъ спросила пророка о какомъ-то семейномъ дѣлѣ. Иванъ Яковлевичъ ничего не отвѣчалъ и принялся раскачиваться взадъ и впередъ на своей постели. Этого обстоятельства нельзя было оставить безъ вниманія, какъ загадки съ таинственнымъ смысломъ. Долго юродивый покачивался, потомъ открылъ глаза, наклонился къ столу и сталъ писать на клочкѣ бумаги, который потомъ сжалъ въ комокъ и подалъ матери. Записка эта, какъ мнѣ помнится, предсказывала въ загадочныхъ выраженіяхъ какой-то переворотъ въ нашемъ семействѣ. Такъ по-крайней-мѣрѣ ее объясняли, хотя отецъ и Марья Ивановна вовсе не находили въ ней смысла.

Но визитъ нашъ къ Ивану Яковлевичу не кончился съ полученіемъ этого іероглифа. Мать, не смотря на мой

страхъ и отвращеніе, подвела меня къ блаженному и спросила:

— Скажите, батюшка, что будетъ отроку Александру?

Юродивый оперся руками на свою постель, нагнулся впередъ и дунулъ на меня сверху внизъ и слѣва направо, а потомъ откинулся назадъ, выдернулъ изъ подушки маленькое перо, которое пробивалось корешкомъ сквозь наволочку, поднялъ его надъ головой и порывисто дунулъ, отчего перышко поднялось кверху и, остановясь немного въ воздухѣ, медленно опустилось на полъ, у самыхъ ногъ моихъ. Послѣ этого московскій сфинксъ легъ на кровать и повернулся лицомъ къ стѣнѣ.

На Марью Ивановну блаженный вовсе не обратилъ вниманія, да и сама она во все время нашего визита держалась въ сторонѣ и ни съ однимъ вопросомъ не обратилась къ оракулу. „Фокусникъ! Пинетти!“ говорила она послѣ этого всякій разъ, какъ только рѣчь заходила объ Иванѣ Яковлевичѣ.

Когда мы вышли изъ Безумнаго-дома, я замѣтилъ, что мать была нѣсколько встревожена. Впослѣдствіи я узналъ, что загадочная выходка юродиваго на мой счетъ передана была на обсужденіе комментаторамъ и толковалась ими какъ въ хорошую, такъ и въ дурную сторону. Одни полагали, что крестообразное дуновеніе и пущен-

ное къ потолку перо обѣщали мнѣ несомнѣнное счастье въ жизни, а другіе доказывали, что блаженный предсказалъ близкую и опасную болѣзнь. И послѣднему толкованію вскорѣ суждено было исполниться, къ большому утвержденію авторитета Ивана Яковлевича.

Слѣдствіемъ этого мистическаго предсказанія было новое пѣшеходное странствіе, въ большихъ размѣрахъ. Желая дать благополучный исходъ предвѣщанію блаженнаго оракула, мать задумала идти со мною къ Троицѣ-Сергію. Хотя отецъ возражалъ, что семилѣтнему ребенку трудно выдержать такой далекій переходъ, но мать, къ моему крайнему удовольствію, не покидала своего намѣренія. И скоро открылся случай исполнить его неотлагательно. Къ намъ пришла Битка. Это была мѣщанка изъ тамбовской губерніи, которая съ ранней весны до поздней осени бродила пилигримкою по самымъ отдаленнымъ концамъ Россіи, бывала и въ Кіевѣ, и на Валаамѣ, и въ Соловецкомъ монастырѣ. Почти каждое лѣто приходила она въ Москву и останавливалась у насъ въ домѣ; пробудетъ съ недѣлю, обходитъ всѣ соборы и монастыри и уйдетъ опять въ какое-нибудь дальнее богомолье. Всѣ ее любили за услужливость, веселость и неистощимые рассказы.

— Что это Битка нейдетъ? говорить бывало мать при началѣ лѣта.

— Вѣрно, наострила лыжи куда-нибудь въ другую сторону! замѣчаетъ отецъ.

— Битка! Битка! кричу я весело, завидя эту женщину въ темномъ капотѣ, съ длинной палкой въ рукѣ и привѣшанной за плечами большой холстинной котомкой.

Появленіе въ домѣ Битки было для меня настоящимъ праздникомъ. Каждый день съ той минуты, какъ она возвращалась съ утренняго поклоненія московскимъ угодицамъ, проходилъ въ нескончаемыхъ разсказахъ и проказахъ. За повѣстью о кievскихъ пещерахъ, гдѣ спятъ съ открытыми глазами мироточивыя головы, слѣдовала сказка о говорящихъ слюнкахъ Марьи-царевны или о подвигахъ семи Симіоновъ. Стихъ про бѣднаго Лазаря смѣнялся какой-нибудь плясовой или подблюдной пѣсней. Шалости веселой богомолки были неистощимы: то накрывается она бывало простыней и показываетъ, какъ жиды въ аду молятся, то въ вывороченномъ наизнанку тулупѣ разыгрываетъ роль пляшущаго медвѣдя, то сажей вымажетъ себѣ лицо и держа во рту зажженную спичку, представляетъ какого-то врага-эеіюпа.

Битка пришла вскорѣ послѣ нашего путешествія къ Ивану Яковлевичу. Матери принесла она просвиру изъ Саровской-пустыни, а мнѣ съ братомъ по какой-то игрушкѣ. По обыкновенію она тотчасъ-же познакомилась со всѣмъ домомъ — капитану расхвалила его турмановъ

и даже слезила на приполокъ голубятни, а Марья Ивановна сообщила какой-то новый способ снимать типуну у цыплятъ и выкупала ея насѣдокъ. Продѣлку эту я какъ теперь вижу. Утромъ Битка переловила куръ, которыя постояннымъ клохтаньемъ обнаруживали желаніе выводить цыплятъ, и позвала къ колодцу хозяйскую кухарку. Она заставила ее качать ручку насоса, а сама подносила курицу къ жолобу, подъ струю холодной воды, и затѣмъ сѣкла ее нещадно пучкомъ свѣжей крапивы. Бѣдняга кричала благимъ матомъ и, какъ только ее выпускали изъ-подъ души, неслась опрометью черезъ дворъ, распустя мокрыя крылья.

— Что это ты дѣлаешь, милая? спросилъ изъ окна Лука Лукичъ.

— Насѣдку, сударь, купаю! отвѣчала Битка.

— Для чего это?

— А чтобы не клохтала.

— И тебѣ не стыдно убивать въ ней материнскія чувства?

— Ей, сударь, не материнскими чувствами надо заниматься, а яйца нести для хозяевъ. Когда нужно, посадить—а сама не смѣй своевольничать. Отъ материнскихъ чувствъ и нашу-то сестру надо-бы крапивою отучать.

И Битка громко захохотала.

Приходъ этой богомолки утвердилъ въ матери на-

мѣреніе взять меня къ Троицѣ. Въ самомъ дѣлѣ нельзя было и желать лучшей попутчицы въ такомъ путешествіи. Хотя она и привыкла ходить очень скоро, но изъ угожденія къ матери согласилась пожертвовать нѣсколько лишнихъ дней. Мы скоро собрались и отправились въ свое пилигримство. Съ перваго взгляда покажется невѣроятнымъ, что семилѣтній ребенокъ могъ идти пѣшекомъ за семьдесятъ верстъ. Но этотъ далекій вояжъ нисколько не утомилъ меня. Путешествіе наше продолжалось цѣлую недѣлю: мы часто дѣлали привалы, по нѣскольгу разъ въ день пили чай и закусывали и съ ранняго вечера останавливались на ночлегъ. Битка сажала меня иногда себѣ на плечи и несла по цѣлымъ верстамъ; а гдѣ дорога была слишкомъ утомительна, тамъ мать нанимала телѣгу. Я не помнилъ себя отъ радости. Для меня были новы и эти таинственные, темные лѣса и рощи, и эта неоглядная даль широко-разстилающихся полей, и эти луговины, усѣянные цвѣтами и играющія переливами свѣта и тѣни. А теплая, ясная погода точно уговорилась съ моею матерью баловать меня и лелѣять.

Послѣ остановокъ въ Пушкинѣ и Братовщинѣ послѣдній ночлегъ нашъ былъ въ Хотьковомъ-монастырѣ. Тутъ, когда мы шли на другой день въ церковь, насъ окружила на паперти толпа маленькихъ дѣвочекъ, одѣтыхъ въ одинакія темныя ряски и въ остроконечныхъ

шпычкахъ, изъ-подъ которыхъ опускалась на спину коса, заплетенная черной лентой.

— Тётенка! не угодно-ли послушать канончикъ? Прикажите канончикъ прочитать! Дайте грошикъ — канончикъ скажу! заголосили онѣ хоромъ.

— Говори ты! крикнула Битка одной изъ дѣвочекъ. Та раскрыла проворно какую-то маленькую книжку и, не переводя духу, принялась читать что-то пискливо-звонкимъ голосомъ. Мать дала ей нѣсколько копѣекъ, и дѣвочка поклонилась такъ, что ея остроносый колпачокъ опустился вплоть до земли, а вплетенная въ волосы лента поднялась высоко надъ головою.

— Закажите еще канончикъ! Велите мнѣ канончикъ проговорить! кричали другія, загораживая намъ дорогу.

— Будеть! будетъ, миленькія! крикнула Битка, расталкивая ихъ руками—всѣхъ не переслушаешь! Вишь, точно галчата пицте; рано васъ изъ гнѣзда-то выпускають!

И она безъ церемоніи протолкалась между маленькими читальщицами.

Въ Троицкой-Лаврѣ пробыли мы почти двое сутокъ. Мы остановились на посадѣ у какого-то мѣщанина. Намъ отвели небольшую свѣтелку, гдѣ стѣны сплошь оклеены были лубочными картинами, между которыми выдавались размѣромъ и яркостью красокъ видъ монастыря, съ па-

рящей въ облакахъ фигурой святаго, и извѣстное изображеніе того, какъ мыши кота погребаютъ. Мебели не было никакой, кромѣ стола и двухъ или трехъ некрашенныхъ табуретокъ. На ночь вносили къ намъ для общаго успокоенія одинъ огромный, набитый сѣномъ тюфякъ. Съ ранняго утра отправлялись мы въ монастырь и ходили изъ одной церкви въ другую. Мать выстаивала обыкновенно всю службу, а меня отпускала съ Биткой на монастырский дворъ, и богомолка, по видимому, не очень сѣтовала на то, что эта обязанность лишала ее возможности слушать полныя обѣдни и вечерни. Кажется, любовь къ пилигримству была у этой женщины не слѣдствіемъ набожности, а только привычкой къ бродячей и беззаботной жизни. Охотно бѣгала она со мной по широкимъ аллеямъ Лавры, водила и въ иконныя лавки, и въ ризницу, и въ живописную мастерскую, и въ примыкающія къ монастырской оградѣ блинни. И въ дѣтскомъ воображеніи моемъ сложилась своеобразная и характерная картина: въ ней и церковь, горящая золотомъ въ блескѣ свѣтъ и въ дыму ѳиміама, и черные ряды стройно поющихъ монаховъ, и ризница съ массою сверкающихъ драгоценными камнями шапокъ и облаченій, и толпы страшныхъ, оборванныхъ нищихъ и калѣкъ въ монастырскихъ воротахъ, и закопченные балаганы за оградой, гдѣ грязныя бабы пекутъ блины при вѣчномъ крикѣ и перебранкахъ. Бо-

гатство и нищета, торжественное пѣніе и брань неразрывно слились въ моихъ глазахъ съ представленіемъ Лавры.

Битка вводила меня въ церковь только къ чтенію евангелія и къ херувимской пѣсни. За послѣдней случилось обстоятельство, которое произвело на меня сильное впечатлѣніе. При первомъ стихѣ молитвы, посреди величаваго пѣнія, раздалось въ церкви какое-то дикое завыванье, смѣшанное съ воплемъ и неистовыми криками, въ которыхъ слышался и собачій лай, и пѣніе пѣтуха, и страшные, болѣзненные стоны. Всѣ глаза обратились въ одну сторону. И вскорѣ оттуда пронесли женщину, которая билась и корчилась въ судорогахъ, такъ-что нѣсколько человѣкъ едва могли удерживать ее на рукахъ.

— Что это? спросилъ я у матери, дрожа въ испугѣ.

— Кликуша! сказала она вполголоса.

— Какая кликуша?

— Молись, мой другъ! прошептала она вмѣсто отвѣта.

Когда мы вышли съ Биткой изъ церкви, я началъ ее спрашивать, отчего такъ страшно корчилась и кричала эта женщина.

— Она, миленькій, испорчена! говорила Битка.

— Какъ это испорчена? кто ее испортилъ?

— Злые люди испортили по чернымъ книгамъ.

— По какимъ книгамъ?

— А книги черныя есть; онѣ на Сухаревой-башнѣ, говорятъ, въ стѣнѣ закладены.

Хоть мать и отецъ старались потомъ увѣрить меня, что эта женщина была больная, но я не могъ забыть еликуши и всякій разъ вспоминалъ объ ней съ невольнымъ трепетомъ. А при видѣ Сухаревой-башни мнѣ долго приходили въ голову таинственныя черныя книги.

Въ Лаврѣ мы простились съ Биткой. Она прискакала себѣ попутчицу и пошла на богомолье въ Ростовъ, а я съ матерью воротился въ Москву. Обратное наше путешествіе было уже не такъ продолжительно, потому-что мы большею частью ѣхали на лошадахъ. И долго послѣ этого, лежа въ свою кроватку, вспоминалъ я о нашемъ хожденіи въ Троицъ-Сергію и съ завистью думалъ о томъ, что Битка ходитъ цѣлое лѣто по монастырямъ—и все-то передъ нею стелется долгая дорога, и тянутся нескончаемыя поля со свѣжей зеленью и цвѣтами.

IV.

Иродова дочь. — Лекаря и докторъ. — Одъяло-
альбомъ.

Пилигримство въ Троицкую-Лавру не избавило меня отъ зловѣщаго предсказанія Ивана Яковлевича. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я сильно захворалъ. Началось это раннею весною. Отецъ мой былъ въ конторѣ, а мать ушла къ Дорогомиловскому-мосту навѣстить одну родственницу. Мнѣ позволили играть на дворѣ. День былъ ясный и теплый. Снѣгъ давно сбѣжалъ, и хотя еще не было зелени, но мѣстами уже пробивались красноватые почки молодой крапивы. По заборамъ чирикали стаи воробьевъ, а на приполѣѣ капитана громко ворковали голуби, разстилаясь широко-распущеннымъ хвостомъ и выгибая золотисто-лиловую шею надъ робко-уклоняющейся голубкой. Я зашелъ ненадолго къ Марѣ Ивановнѣ, сла-

зиль раза два съ Лукой Лукичемъ на голубятню, а остальное время игралъ и бѣгалъ на дворѣ.

Когда меня уложили въ постель, я ворочался и не могъ уснуть до самаго утра. Не смотря на то, что мнѣ дали напитокъ теплаго и не пускали больше на дворъ, на слѣдующую ночь открылась у меня лихорадка, которая продолжалась вплоть до лѣта. То метался я въ страшномъ жару, то дрожалъ подъ двумя одѣялами. Сначала меня лечили домашними средствами изъ аптеки Марьи Ивановны и клали подъ подушку какой-то рукописный листокъ съ заклинаньемъ противъ двѣнадцати лихорадокъ, дочерей царя Ирода. Это однакожь не помогло. Потомъ отецъ возилъ меня въ Шереметьевскую-больницу, но и выданное оттуда лекарство не принесло мнѣ никакой пользы. Болѣзнь видимо усиливалась. Тогда мать положила свой теплый салопъ и пригласила какого-то доктора. Визиты его продолжались до тѣхъ поръ, покуда не истратили всѣхъ денегъ; а лихорадка трясла меня все съ большимъ ожесточеніемъ. Наконецъ случилось обстоятельство, по которому мнѣ особенно и памятна эта болѣзнь.

Къ намъ пришла та самая родственница, которую мать навѣщала передъ началомъ моей болѣзни.

— Знаешь что, Лизавета Ивановна? сказала она матери. Я пришла поговорить насчетъ Саши. Мнѣ жаль, что ребенокъ-то у тебя такъ долго мучится. Я кое-сѣ-

кѣмъ говорила, и мнѣ указали на женщину: берется вылечить и благодарности впередъ не требуетъ.

— Кто такая? спросила мать.

— Старушка отъ Андроньева-монастыря.

— Какъ же она лечитъ?

— А ты не пугайся: пользуется она чѣмъ-то ядовитымъ, говорятъ — да только даетъ въ пропорціи, смотря по лѣтамъ и тѣлесному сложенію. Отъ однѣхъ только лихорадокъ и пользуется.

— Страшно! проговорила раздумчиво мать.

— Ну, какъ хочешь! а мнѣ клялись и божились, что эта женщина подняла на ноги такихъ больныхъ, отъ которыхъ и нѣмцы-доктора отказывались. Чудеса, говорятъ, дѣлаетъ. Мой совѣтъ попробовать: видишь, ребенокъ-то на что похожъ!

Мать сказала объ этомъ отцу, и послѣ совѣщанія рѣшено было пригласить чудесную лекарку. На другой день она пришла. Это была высокая, сухошавая старуха, въ темномъ китайчатомъ платьѣ, повязанная чернымъ тафтянымъ платкомъ, съ распущенными по спинѣ концами. Въ рукахъ у нея былъ небольшой узелокъ. Войдя въ комнату, она мимо образовъ начала молиться передъ окномъ, кладя двумя пальцами размашистые кресты на лобъ и на плечи, а послѣ того низко поклонилась отцу и матери. Выслушавъ подробный рассказъ о началѣ и ходѣ

болѣзни, о моихъ занятіяхъ и привычкахъ, она пожелала меня видѣть и вошла въ боковую комнату, гдѣ я лежалъ въ постели, окутанный сверхъ одѣяла отцовскою шубой. Старуха сѣла подлѣ кровати, положила мнѣ на голову свою костлявую руку и долго не шевелилась, только по временамъ, тяжело вздыхая, шептала: Господи Иисусе Христе, помилуй насъ грѣшныхъ! Наконецъ она объявила, что хотя болѣзнь и упорная, но вылечить ее можно.

— Чѣмъ-же вы пользуете? спросилъ отецъ.

— А ужъ это, сударь, мое дѣло! сухо отвѣчала старуха. — Что открылъ мнѣ Спасъ-Богъ, тѣмъ и служу добрымъ людямъ.

— Да нѣтъ-ли чего опаснаго для ребенка?

— А опасаетесь, такъ и дѣлать нечего, это ваша добрая воля... я не насильница. Вѣрите мнѣ — рада стараться, а не вѣрите—какъ вамъ будетъ угодно.

Но мать и отецъ рѣшились поручить меня старухѣ. Она начала съ того, что больше четверти часа молилась передъ однимъ съ частыми земными поклонами, а потомъ велѣла подать чернаго хлѣба и мелкаго сахару и вынула изъ своего узелка небольшой холщевый мѣшочекъ. На десертную ложку толченаго сахару прибавила она щепотку какого-то бѣлаго, блестящаго порошка и долго перетирала эту смѣсь на чайномъ блюдечкѣ, послѣ чего посыпала ею тонкій ломтикъ хлѣба и приказала мнѣ его

съѣсть, не оставляя ни крошки. Такую-же точно порцію приготовила она и къ слѣдующему утру. Лекарство это не произвело однакожь на первый разъ никакого дѣйствія, кромѣ легкой тошноты.

Черезъ день старуха пришла опять, съѣла, какъ и въ первый разъ, у моей постели и долго вздыхала, приговаривая шопотомъ: Господи Исусе Христе, помилуй насъ! Потомъ она приготовила мнѣ тѣмъ-же порядкомъ прежняго снадобья, только съ усиленной примѣсью бѣлаго порошка. Такимъ-образомъ ея визиты продолжались около трехъ недѣль, и съ каждымъ разомъ цѣлебный порошокъ примѣшивался къ сахару въ большемъ количествѣ, хотя уже вовсе не производилъ прежней тошноты. И вотъ болѣзнь начала замѣтно уменьшаться, припадки становились все рѣже и слабѣе. Мать не знала, какъ принять и обласкать моего врача.

Случилось, что въ это самое время Лука Лукичъ, подгоняя своихъ турмановъ къ какому-то чужому голубю, въ торопяхъ оступился на приполеѣ и сильно расшибъ голову. Къ нему пригласили доктора. Марья Ивановна, принимавшая во мнѣ живое участіе, сообщила ему о моей болѣзни, прибавивъ, что меня лечитъ подозрительная женщина какими-то опасными средствами. Докторъ, по ея просьбѣ, зашелъ къ намъ въ ту самую минуту, когда я принимался за приготовленный ломтикъ хлѣба. Онъ

попробоваль моего лекарства и съ недоумѣніемъ опустили руки.

— Давно вы его кормите этимъ? спросилъ онъ.

— Три недѣли, отвѣчалъ отецъ.

— Можетъ-ли быть! И всякій разъ съ такой подмѣсью?

— Да, съ этимъ порошкомъ, только его съ каждымъ разомъ больше прибавляется.

— Что вы дѣлаете! вѣдь это мышьякъ!

Мать всплеснула руками.

— Однако ему становится лучше, замѣтилъ отецъ, — лихорадка проходитъ.

— Это доказываетъ только, что у мальчика хорошая натура. Онъ привыкъ къ яду. Но такой порціи, какую вы ему теперь даете, достаточно, чтобы отравить и взрослого... Кто это его такъ лечитъ?

— Старушка одна.

— Кто она такая и гдѣ живетъ?

— А на что это вамъ? спросилъ въ свою очередь мой отецъ.

— Я обязанъ довести объ этомъ до свѣденія начальства, потому-что женщина эта — отравительница!

— Ну, ужъ вы меня извините, сказалъ твердо отецъ. — Мальчикъ боленъ третій мѣсяцъ, его лечили доктора и нисколько не помогли. Теперь нашелся добрый человекъ,

поднять его на ноги, и вы хотите, чтобъ я былъ донощикомъ и за спасеніе сына отплатилъ такой неблагодарностью. Помилуй меня Богъ! Ни за какія блага не выдамъ я этой женщины, да приму мѣры, чтобы и вы не могли ей повредить.

Докторъ долго упрасивалъ, грозилъ и доказывалъ, что наша знахарка можетъ надѣлать много вреда; но все это ни къ чему не повело: отецъ не сказалъ ему ни имени, ни адреса моей лекарки. Онъ даже поѣхалъ предупредить старуху, и она послѣ того приходила къ намъ раза два или три самымъ раннимъ утромъ, когда въ домѣ всѣ спали. Съ недѣлю я еще пѣтался мышьякомъ, и наконецъ лихорадка совсѣмъ меня оставила.

— Ну, родненькій! сказала на прощаньи моя лекарка—теперь ты будешь здоровъ, и лихоманка къ тебѣ больше не пристанетъ.

И въ-самомъ-дѣлѣ у меня никогда уже не было лихорадки. Впослѣдствіи какой-то докторъ говорилъ моей матери, что такое Митридатовское обращеніе съ ядомъ больше всего укрѣпило мое здоровье. Какъ-бы то ни было, но у насъ въ семействѣ осталось глубокое убѣжденіе, что моя избавительница по части знанія и леченія лихорадки превосходила весь ученый персоналъ московскихъ врачей.

Послѣ болѣзни я особенно сблизился съ Марьей

Ивановной. Она чаще прежняго зазывала меня къ себѣ и кормила вареньями. Когда матери не бывало дома, я проводилъ у нея цѣлые дни и даже засыпалъ иногда на ея постели. Она не позволяла на нее ложиться только въ то время, когда постилалось одѣяло, которое хранилось въ нижнемъ ящикѣ ея хозяйственного комода. Я скоро замѣтилъ, что оно являлось на кровати не по праздникамъ, а въ какіе-то особые дни, значеніе которыхъ едва-ли было кому-нибудь извѣстно, не исключая и Луки Лукича.

Одѣяло это съ перваго раза, какъ только я увидѣлъ его, обратило мое вниманіе. Сшито оно было въ видѣ шахматницы изъ множества четырехугольныхъ лоскутковъ, всевозможныхъ цвѣтовъ и узоровъ. Такія покрывала я видалъ послѣ въ небогатыхъ купеческихъ и мѣщанскихъ домахъ. Но одѣяло Марьи Ивановны отличалось тою особенностью, что лоскутья собраны были въ немъ безъ всякой видимой симетріи въ цвѣтахъ и притомъ изъ самыхъ разнородныхъ, неподходящихъ одна къ другой матерій. По всей вѣроятности, оно шилось не вдругъ, а понемногу, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, потому-что съ одной стороны квадраты были старомодные, ветхіе и многіе совсѣмъ вылиняли, но чѣмъ дальше, тѣмъ лоскутья становились свѣжѣе и оканчивались узорами почти современныхъ рисунковъ. Послѣдній рядъ четырехугольниковъ, стаченный изъ самыхъ новыхъ матерій, былъ даже не

конченъ и обрывался на серединѣ одѣяла, такъ-что въ одномъ углу, вмѣсто цвѣтныхъ квадратиковъ, видѣлась одна темная подкладка.

Марья Ивановна не любила, чтобы кто-нибудь ходилъ въ ея спальню въ тѣ дни, когда на постели разостлано было ея шахматное покрывало. Она ворчала даже и на Луку Лукича, если онъ въ такое время заглядывалъ въ ея комнату. Когда ее спрашивали, отчего одѣяло не кончено—она всякій разъ морщилась и сухо отвѣчала: матерій недостаетъ по вкусу!

Я одинъ только пользовался правомъ входить въ спальню къ Марьѣ Ивановнѣ, когда постель ея нарядно пестрѣла подъ завѣтнымъ покрываломъ. Она не только не сердилась на меня, когда я разсматривалъ его цвѣтные лоскутки, но сама нерѣдко спрашивала, какъ нравится мнѣ тотъ или другой квадратикъ. Случалось, что не видя долго разноцвѣтнаго одѣяла, я спрашивалъ капитаншу, отчего оно не постлано, и Марья Ивановна, когда съ улыбкой, а когда со вздохомъ, говорила мнѣ: сегодня, голубчикъ, не его грѣшный праздникъ! Я, конечно, ничего не понималъ въ этомъ объясненіи, да особенно и не интересовался имъ; но впоследствии мнѣ прояснилось значеніе таинственного покрывала.

Это было вотъ какъ. Лѣтъ десять прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ мы переѣхали отъ Спаса-во-Спаской.

Лука Лукич давно уже умеръ отъ апоплексическаго удара; но вдова жила въ томъ-же домѣ, только часть своей квартиры отдавала какой-то жилищѣ. Мать моя не прекращала знакомства со старой хозяйкой, и мы почти каждый годъ навѣщали Марью Ивановну. Мнѣ было уже лѣтъ восемнадцать, какъ однажды мать попросила меня сходить къ капитаншѣ за какимъ-то хозяйственнымъ рецептомъ. Старушка приняла меня въ своей спальнѣ, гдѣ она въ это время низала на нитки бѣлые сушеные грибы, сидя передъ столикомъ, подлѣ своего комода со львиными головками. Я нашелъ, что она постарѣла, хотя въ ея чертахъ все еще сохранялись слѣды былой красоты.

На кровати, которая по прежнему стояла у боковой стѣны, разостлано было давно мнѣ знакомое шахматное одѣяло. Казалось, въ эти годы оно состарѣлось, какъ и его хозяйка, хотя все еще было не кончено. Я съ удовольствіемъ сталъ разсматривать эту вещь, съ которою у меня связано было столько пріятныхъ воспоминаній. Старушка замѣтила это и спросила меня:

— Узнаешь, голубчикъ, мое одѣяло?

— Какъ не узнать, Марья Ивановна! Я помню его съ дѣтства.

— Спасибо тебѣ! ласково проговорила старушка.

— Мнѣ всегда казалось, что оно вамъ особенно дорого?

— Дорого, дружокъ! прошептала задумчиво капитанша.

— По воспоминаніямъ, конечно?

— Да разумѣется, не по лоскуткамъ: тряпокъ-то можно-бы собрать и понаряднѣе. Помнишь-ли: ты бывало спрашивалъ меня—что это за одѣяло и по какимъ днямъ оно постигается у меня...

— Это вѣрно какая-нибудь тайна, Марья Ивановна?

— А то какъ-же! вѣдь не капризъ-же старушечій! Послушай-ка, что я тебѣ скажу, голубчикъ мой; ты не подумай, что я подъ старость совсѣмъ болтушкой стала.. нѣтъ, я помню что говорю. Про одѣяло я мало кому рассказывала; а съ тобой мнѣ хочется потолковать... сегодня особенно хочется.. Скажи-ка: видалъ ты эти... у нынѣшнихъ барышенъ... книжки-то съ рисунками и стишками?

— Альбомы?

— Ну, да, альбомы! Такъ я тебѣ вотъ что скажу, дружечикъ мой. Въ этихъ книжкахъ-то у дѣвушекъ мало-ли что ваша братья мараетъ. Иной разъ, можетъ, и есть тамъ листочекъ-другой, на который смотрять не совсѣмъ равнодушно, а больше такъ все набирается случайно, изъ моды одной... слова да чернила. А вотъ это одѣяло — мой альбомъ, да только ужъ не такой, какъ у вашихъ барышенъ: въ немъ нѣтъ ни одного лоскуточка, на который-бы вмѣстѣ съ глазами и сердце у меня не загляды-

вало. Я говорю тебѣ это оттого, что ты мальчикъ добрый и не посмѣешься надъ старухой.

— Можно-ли надъ этимъ смѣяться, Марья Ивановна!

— Можно, голубчикъ. Молодежь-то вѣдь, глядя на стариковъ, не помнитъ, что и сама когда-нибудь состарится. Да и хорошо дѣлаетъ, что забываетъ это... всему свое время. Только вотъ что я тебѣ скажу: дай-то Господь всякому въ молодыхъ лѣтахъ побольше такого, отчего послѣ можно-бы улыбнуться да поплакать. А моя молодость слава-Богу этимъ позапаслась.

И лицо капитанши освѣтилось улыбкой, которая больше всего отразилась въ ея кроткихъ глазахъ.

— Я въ этомъ увѣренъ, Марья Ивановна, сказалъ я,—вы и теперь еще красавица. На вашемъ лѣтописномъ одѣялѣ, я думаю, записано много побѣдъ!

— Всего немало, дружокъ: были побѣды да были и потери. Вѣдь жизнь-то человѣческая пестра, какъ мое одѣяло: въ ней и свѣтлыхъ и темныхъ цвѣтовъ довольно; умѣй только жить... Ты вотъ думаешь, можетъ, что я весь вѣкъ провозилась съ грибами да вареньями... нѣтъ, голубчикъ: не въ этомъ одномъ онъ прошелъ у меня... Ужъ не знаю право, хорошо-ли я дѣлаю, что болтаю съ тобой... А хочется: полюбила я тебя отчего-то.

— Благодарю васъ за довѣріе.

— Не за что! вѣдь я и себя потѣшаю... Такъ ты

говоришь о покрывалѣ? Въ немъ, голубчикъ, вся жизнь моя словно на ниточку снизана. Начала я собирать эти лоскутики-то, когда еще въ дѣвушкахъ была; мнѣ и не снилось въ то время, что я себѣ альбумъ памятный составляю. Видишь, вонъ кисейный лоскуточекъ-то въ головахъ, бѣлый на розовой подкладѣ? Онъ отъ того самого платья, которое мнѣ подарили, когда я домой изъ пансіона пріѣхала. Какая я тогда хорошенькая дурочка была—бѣленькая да розовая, точно платье мое.

— Вѣрно въ немъ вы на балъ въ первый разъ выѣхали?

— Нѣтъ, мой миленькій: батюшка прежде всего повезъ меня въ соборъ, угодникамъ помолиться. Покойники любили, чтобы въ церковь хорошо наряжались. Къ Иверской тоже заѣхали, да насилу продрались. Видимъ, у Воскресенскихъ-воротъ народъ толпится, а съ Тверской ѣдутъ верхомъ какіе-то кавалеры. Лошади въ страусовыхъ перьяхъ; сами всѣ въ бархатѣ да въ золотѣ. На гобвахтѣ солдаты подъ ружье стали и въ барабанъ пробили: императоръ, говорятъ, Павелъ Петровичъ! Тогда его на коронаваніе ждали. А вышло, что это какіе-то скакуны, въ циркѣ представлять пріѣхали по случаю коронаціи. Государь узналъ, сердился—офицера собственноручно разжаловалъ. Да куда это я съ тобою забралась!

— А рядомъ съ бѣлымъ-то какая это зеленая матерія? спросилъ я.

— Да тоже отъ платья: къ именинамъ шили. Тогда за обѣдомъ господинъ Нелединскій-Мелецкій, стихотворецъ-то, куплетъ мнѣ привѣтственный сочинилъ... къ полевой фіалкѣ меня прировнялъ... такъ и назвалъ весенней фіалкой. Въ этомъ-же платьѣ была я одѣта, когда въ первый разъ къ намъ человѣкъ одинъ пріѣхалъ... на клавикордахъ игралъ. Охъ-охъ-о! Мнѣ тогда ужъ минуло семнадцать лѣтъ. Вотъ онъ-то мнѣ и далъ почувствовать, что у меня подъ корсетомъ сердце есть; а то вѣдь и не знала—прыгала да хохотала по цѣлымъ днямъ...

— Это былъ Лука Лукичъ?

— Что это ты, голубчикъ, не шутишь-ли? Вѣдь я за Луку-то Лукича за другого шла, вдовой ужъ... Видишь пестренскій левантинъ, голубой съ бѣлыми мушками? Съ этого только лоскутка и начинается у меня память о покойникѣ. А посмотри-ка, сколько до него полосъ? Только ты не думай, что все это сердечные наряды: тутъ много пріятнаго, да немало и горькаго... все есть. Взгляни вонъ на темненькій меринось, крайній въ четвертомъ ряду: это матушка-покойница передъ смертью капоть себѣ шила... въ немъ и похоронили ее. А голубой-то кусочекъ передъ нимъ отъ сестры Катеньки; когда ее въ первый разъ вывозили, она въ этомъ платьѣ экосезъ въ собраніи танцевала... Государь покойный, Александръ Павловичъ, былъ на балу, изволилъ спросить, кто такая. А подлѣ

палевый гро-де-туръ, это мнѣ первый мужъ подарилъ, когда еще женихомъ ѣздилъ.

— А скажите, Марья Ивановна, съ которыми квадратиками у васъ самыя сладкія воспоминанія связаны?

— Ну, любопытный-же ты, голубчикъ, сказала, улыбаясь, старушка. — Вонъ видишь, во второмъ ряду лиловый ситцевый доскутикъ съ сѣренькими глазками? Простенькій узоръ! А знаешь-ли, что это такое? Это вѣдь первый мой сердечный поцѣлуй. Охъ, что это, право, я болтаю! Не слѣдовало-бы! Ну, да ты, я знаю, не осудишь... Дорогъ мнѣ, голубчикъ, этотъ лиловый ситецъ, полинялъ совсѣмъ, а не хочется глазъ отвести... Въ Сокольникахъ мы жили... Ѣздилъ къ намъ одинъ адъютантъ... Былъ это лѣтній вечеръ, теплый такой, съ лиловыми облаками... Садъ-то у насъ весь яблоней пахнулъ... Мы съ нимъ на балконѣ сидѣли... Охъ, жизнь наша, жизнь!.. Ну, да будетъ объ этомъ... Дальше идуть другія воспоминанія.

— О Лукѣ Лукичъ?

— Дался онъ тебѣ, право... Вѣдь я, кажется, говорила, что только съ седьмой полосы онъ у меня начинается. А тутъ еще память о первомъ мужѣ, да мои вдовьи воспоминанія... вѣдь я три года вдовѣла.

— И тутъ въ родѣ лиловыхъ есть?

— Сладкихъ-то что-ли, какъ ты говоришь? Ну, ко-

нечно, есть и такія! Дура-то вѣдь я была добрая, много довѣрія имѣла къ мужскому полу... Ну, да что говорить! Только тутъ не одинъ свѣтъ, мой голубчикъ, и тѣни есть, да пожалуй, темныхъ-то цвѣтовъ и больше. Вонъ серизовый кисейный лоскуточекъ... Это у меня закрытое платье было, когда мы въ двѣнадцатомъ году отъ не-пріятеля во Владимірѣ бѣжали. Французишка одинъ былъ тогда на постой къ намъ поставленъ... офицеръ плѣнный. Куры очень любилъ строить молодымъ женщинамъ... Я-то слушала его амуры, а онъ мошенникъ у меня кольцо яхонтовое выманилъ, да и продалъ. Серьги тоже разъ совсѣмъ было изъ ушей вынулъ... мнѣ только-что мужъ подарилъ... И вспомнить-то это гадко.

— Отвѣтите мнѣ еще на одинъ вопросъ, добрая Марья Ивановна.

— На какой это?

— Послѣ того, какъ вы за Луку Лукича^а вышли, бывали у васъ платя въ родѣ лиловаго?

— Много будешь знать, дружокъ мой, скоро посѣдѣешь. Ты вотъ, можетъ, за какой-нибудь барышней ухаживаешь, а чего добраго и о женитбѣ на сонъ грядущій думаешь. А поди-ка, жени тебя на томъ ангелѣ, котораго ты обожаешь теперь, смотришь, годика не пройдетъ, другого какаго-нибудь ангела еще крѣпче обо-

жать станешь. Постой, сердце-то сослужить тебѣ службу и слезъ немало повилянетъ. Что ты мнѣ Луку Лукича поминаешь? Я его не забыла, человѣкъ онъ былъ недурной и меня берегъ; а тоже чай не по мнѣ одной вздыхалъ. Ну, и у меня сердце-то не въ вѣчную кабалу отдавалось... Да что я разболталась съ тобой! Довольно! Въ послѣднихъ рядахъ, къ ногамъ-то, все больше темнаго, какъ и въ жизни бываетъ. Я вѣдь покрывало-то свое не выдумала, мнѣ время сшило его понемногу. Только вотъ ужъ три года я ни одного лоскутка къ нему не прибавляю; теперь мнѣ и терять-то нечего, развѣ самой по себѣ трауръ сшить да тѣмъ и закончить послѣднюю полосу въ одѣялѣ.

— А въ какіе особые дни вы его постилаете?

— Да въ тѣ, которые больше памятливы мнѣ по этимъ лоскуточкамъ.

— Который-же изъ нихъ вы сегодня празднуете?

— А вотъ клѣтчатый гро-де-наплъ въ десятомъ ряду, масака съ чернымъ.

— Что-же это такое?

— Моя послѣдняя побѣда! сказала старушка съ едва-замѣтнымъ вздохомъ, — да только она изъ такихъ побѣдъ, которыя дорого обходятся побѣдителямъ-то. Не дай Богъ и выигрывать ихъ.

Марья Ивановна опять вздохнула и встала отыскать нужную для меня тетрадь въ среднемъ ящикѣ своего хозяйственного музея.

V.

Домашнее ученье. — Память о греческой войнѣ. — Училище трехъ-мучителей.

На седьмомъ году началось мое домашнее ученье, и первымъ, да притомъ лучшимъ, наставникомъ моимъ была мать. Стоялъ, я помню, сухой и довольно теплый сентябрь, когда меня повели въ приходскую церковь и отслужили молебенъ Козьмѣ и Демьяну, какъ покровителямъ грамотности и науки.

По возвращеніи домой, мы напились чаю и тотчасъ же сѣли за азбуку, которую отецъ купилъ наканунѣ, вмѣстѣ съ костяной указкой, похожей на вязальную рогульку. Не смотря на то, что метода у моей матери была чисто патріархальная, съ заучиваньемъ аза и буквъ, еиты и ижицы, съ двойными и тройными складами, я научился разбирать эту неосмысленную путаницу, не уронивъ ни одной слезы на страницы моего букваря. Дикая сторона

этого ученья выкупалась тѣмъ, что дороже всѣхъ педагогическихъ методъ — терпѣніемъ и кротостью наставницы.

Когда я началъ довольно бѣгло читать, помѣщенные въ концѣ моей азбуки, анекдоты про чистоплотныхъ дѣвочекъ и прилежныхъ мальчиковъ, про добрыхъ фей и злыхъ волшебниковъ, мать купила мнѣ другую книгу, которая и сдѣлалась на цѣлый годъ моимъ главнымъ руководствомъ. Это были «Сто четыре священные исторіи» — большой томъ съ гравированными картинками. Въ немъ собраны были важнѣйшіе рассказы о библейскихъ и евангельскихъ событіяхъ, изложенные просто и толково, причемъ каждый эпизодъ оканчивался правоученіемъ и нѣсколькими вопросами, въ которыхъ обращалось вниманіе читателя на главные нити повѣсти. При чтеніи этой книги мать держалась той же патріархальной системы. Всякій рассказъ я долженъ былъ заучивать на память, пропуская одни правоученія. Ихъ прочитывалъ я только одинъ разъ и то не охотно, да кажется и у матери не лежало къ нимъ сердце. Такимъ-образомъ въ годъ я выучилъ на память цѣлый томъ исторіи ветхаго и новаго завѣта, не видя никакихъ другихъ книгъ.

Чтеніе это занимало меня едва-ли не больше, чѣмъ сказки моей няньки и анекдоты неистощимой Битки. Съ любовью садился я за мою зеленую книгу, и самое выучиванье ея на память почти не составляло для меня

труда, тѣмъ больше, что и мать учила со мной эти рассказы, и мы часто конкурировали въ томъ, кто лучше помнитъ заученное. Многіе эпизоды священной исторіи глубоко трогали меня своей поэтической правдой. Особенно сильное впечатлѣніе оставили во мнѣ исторія Іосифа и судъ Христа передъ Пилатомъ. Казалось, я самъ переживалъ тѣ минуты, когда старику патріарху приносятъ обрызганную кровью одежду его любимого сына, или когда разъяренный народъ, при видѣ кроткаго страдальца, кричитъ Пилату: «распи его!» Гравированныя картинки, на которыхъ представлены были плачущій Іаковъ и Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ, неизгладимо врѣзались въ мою дѣтскую память. Многія книги дѣйствовали на меня вполнѣ такъ-же сильно, но ни одна не вызывала такого теплаго чувства.

Скоро мать моя къ чтенію священной исторіи прибавила еще одинъ предметъ. Лука Лукичъ подарилъ мнѣ наклеенный на картонъ литографированный листъ, гдѣ въ обвитыхъ лаврами медальонахъ помѣщены были портреты русскихъ государей, отъ Рюрика до императора Александра I. Подъ каждой фигурой подписано было имя лица и годы его правленія. По этой-то живописной таблицѣ принялись мы съ матерью заучивать имена князей, царей и императоровъ, и вскорѣ, не зная ничего о дѣлахъ и жизни ихъ, я выучилъ на память имена всѣхъ этихъ особъ

въ послѣдовательномъ порядкѣ, живо запоминая ихъ фантастическія фізіономіи. Мнѣ и теперь еще памятли этилубочные портреты — и Рюрикъ въ рыцарскомъ шлемѣ съ топорикомъ въ рукѣ, и Дмитрій Донской съ поднятымъ надъ головою мечемъ, и Иванъ Грозный въ осто-конечной шапкѣ и пелеринкѣ, и Петръ Великій въ мундирѣ съ огромными отворотами на груди. Этотъ оригинальный курсъ государственной хронологіи пригодился мнѣ впослѣдствіи, какъ грубая рамка при урокахъ русской исторіи.

Но меня гораздо больше занимала исторія современная. Если отецъ мало интересовался предметами, выходившими изъ круга московскихъ новостей и его собственныхъ занятій, зато мать моя, не смотря на хлопоты по хозяйству, любила слѣдить за тѣмъ, что дѣлалось на свѣтѣ — на сколько это, конечно, позволяло чтеніе Московскихъ Вѣдомостей, которыя доставались у знакомыхъ раза два или три въ мѣсяцъ. Съ полученіемъ пачки газетъ, она посвящала имъ всѣ свободныя минуты, и при этомъ сообщала мнѣ новости, которыя ее особенно занимали. А всего больше интересовала ее бывшая тогда въ полномъ разгарѣ борьба грековъ за независимость — и изъ нея-то я вынесъ мои первыя политическія впечатлѣнія. Мать принимала въ этой далекой войнѣ такое горячее, можно сказать страстное участіе, что всякій успѣхъ грековъ радовалъ ее, какъ

счастіе собственныхъ дѣтей, и каждая неудача оплакивалась, точно семейное горе. Не разъ я видалъ на глазахъ ея слезы, когда она читала какую-нибудь печальную новость о своемъ любимомъ народѣ. Когда получено было извѣстіе о признаніи независимости Греціи, мать по этому случаю ходила молиться въ соборы.

Не имѣя никакого понятія объ этой далекой странѣ и знакомый съ греками только по черномазымъ фигурамъ, какія видалъ въ дверяхъ табачныхъ магазиновъ на Никольской-улицѣ, я однакожъ, подъ вліяніемъ матери, сильно интересовался далекой борьбой. Въ воображеніи моемъ вѣзались живо—и осада Миссолонги, и вырубка оливковыхъ роцъ Ибрагимъ-пашею, и рѣзня на островѣ Ипсарѣ, и взрывы турецкихъ кораблей брандерами Міавлиса. Имена Колокотрони, Ботцариса, Бобелины стали мнѣ знакомы и дороги, точно имена близкихъ родныхъ, и часто, лежа въ постель, я думалъ, что если война продолжится и я вырасту большимъ, то по примѣру тѣхъ англичанъ-филэлиновъ, о которыхъ писали въ газетахъ, пойду въ Грецію драться противъ ненавистныхъ турокъ, притѣснителей милаго мнѣ народа. И любилъ я мечтать, какъ мы разбиваемъ кровожаднаго Ибрагима, беремъ у него цѣлый обозъ золота, раздаемъ его грекамъ—и всѣ покупаютъ себѣ богатое платье и оружіе; а я дѣлаюсь адъютантомъ у Карайскаки и пріѣзжаю къ матери въ гре-

ческомъ нарядѣ, съ кинжаломъ у пояса. Разумѣется, эти дѣтскія грезы скоро разлетѣлись, но любовь и участіе къ Греціи остались во мнѣ навсегда.

Года черезъ полтора, послѣ начала моего ученія, меня отдали въ Трехсвятительское-училище, у Красныхъ-воротъ. Сначала я поступилъ на особыхъ условіяхъ къ учителю русскаго языка, а впослѣдствіи былъ зачисленъ въ класные списки и наряду съ другими ходилъ на всѣ уроки. Каждый день бѣгалъ я въ училище съ сумкой за плечами, въ которой помѣщались съ одной стороны книги и тетради, а съ другой обѣдъ и завтракъ. Учитель мой, Петръ Матвѣичъ, былъ высокій, сутулый старикъ съ бѣлымъ на глазу, суровый и вспыльчивый. На первые утренніе часы обыкновенно приходилъ онъ въ пестромъ халатѣ, а съ перемѣны являлся уже въ вицмундирѣ, и во рту у него всегда была фарфоровая трубка на волосяномъ чубукѣ. Онъ курилъ ее очень медленно, пуская едва замѣтныя струйки дыма, и насасывалъ даже тогда, какъ въ ней не оставалось и зола. Меня въ качествѣ приватнаго ученика таскалъ онъ съ собою по всѣмъ классамъ, и я во время его занятій писалъ съ прописей или заучивалъ биліоны и триліоны. Наконецъ посадили меня въ первый классъ, и я пошелъ наряду съ другими учениками. Порядки въ нашемъ училищѣ отзывались далекой стариною. Въ классѣ одинъ изъ старшихъ учениковъ облакался въ

званіе ценсора, и его обязанность была слѣдить за поведеніемъ школьниковъ и особенно заботиться о тишинѣ въ то время, когда Петръ Матвѣичъ уходилъ спать въ свою комнату. Кромѣ-того къ каждой скамьѣ назначался аудиторъ, который до прихода учителя долженъ былъ выслушать урокъ у подчиненной ему партіи.

Какъ-только скрипѣла класная дверь и въ ней появлялась неуклюжая фигура учителя, всѣ проворно вскакивали и ценсоръ читалъ скороговоркой молитву. Затѣмъ онъ подавалъ рапортичку о тѣхъ, кто шумѣлъ или шалилъ въ классѣ. Въ ту-же минуту начиналась расправа: виновныхъ ставили на колѣни, кормили палками, т. е. били по ладонямъ дубовой линейкой, а иногда подчивали и „березовой кашицей“, на скамьѣ. Послѣ этой увертюры Петръ Матвѣичъ просматривалъ списки аудиторѣвъ, переспрашивалъ двухъ или трехъ учениковъ для повѣрки выставленныхъ имъ баловъ и опять начиналъ расправу съ тѣми, у кого были дурныя отмѣтки. Въ концѣ урока нашъ учитель отмѣчалъ ногтемъ по книгѣ, что нужно учить и пропустить къ слѣдующему дню, и ценсоръ, не переводя духа, читалъ шабашную молитву. Этими приѣмами ограничивалась метода всѣхъ трехъ педагоговъ Трехсвяти-ельтскаго-училища, которые и пользовались у насъ прозвищемъ трехъ-мучителей.

Петръ Матвѣичъ любилъ особенно ставить насъ на

колѣни около своего столика, который онъ величалъ ка-
едрой: всякій урокъ тамъ дежурило по нѣскольку маль-
чишекъ; а иногда случалось, что никого не оставалось на
скамьяхъ, и весь классъ колѣнопреклоненный, съ книж-
ками въ рукахъ, группировался у ногъ грознаго педагога,
который, сложа колѣни, возвышался на своемъ сидѣньѣ,
какъ Мемнонова статуя. Въ концѣ урока, когда настав-
никъ нашъ бывалъ не въ духѣ, онъ выбиралъ двѣ или
три жертвы изъ этой колѣнопреклоненной толпы и посы-
лалъ ихъ на эшафотъ, какъ звали у насъ заднюю скамейку.
Поэтому передъ окончаніемъ класса, всѣ выставленные у
стола либо тихонько крестились, заслоня себя книгами,
либо гадали, разводя руки и стараясь съ закрытыми гла-
зами однимъ среднимъ пальцемъ попасть въ другой: не
сойдутся пальцы оконечностями — значить высѣкутъ, а сой-
дутся — такъ горькая чаша пройдетъ мимо. Однажды Петръ
Матвѣичъ замѣтилъ, какъ одинъ изъ стоявшихъ передъ
нимъ шалуновъ, зажмуря такимъ образомъ глаза и раз-
двинувъ руки, допытывался о томъ, что ждетъ его въ концѣ
урока. Педагогъ нашъ нагнулся и въ ту самую минуту,
какъ пальцы гадающего счастливо встрѣтились, крикнулъ
ему надъ самымъ ухомъ: „гадай, не гадай, дурацкая кукла —
хоть сто разъ сойдется, а я тебя выпорю!“ И тотчасъ же
онъ показалъ бѣдняку на дѣлѣ, какъ шатки всѣ наши
гаданья о будущемъ.

По всѣмъ предметамъ въ училищѣ у насъ шло постоянное зубреніе, то-есть выучиваніе наизусть задаваемыхъ по книгамъ уроковъ. Намъ не позволяли отступать отъ печатныхъ руководствъ ни въ одномъ словѣ, какъ евреямъ отъ священнаго текста библіи. Разсказывать что-нибудь своими словами строго запрещалось, на томъ основаніи, что учебную книгу сочиняли люди гораздо умнѣе глупыхъ школьниковъ. При совершенномъ знаніи урока самому лучшему ученику, за одну перестановку двухъ-трехъ словъ, ставили уже неполные балы. „Я тебѣ дамъ, дурацкая кукла, кричить бывало Петръ Матвѣичъ, перемѣнять противъ книги: говори, какъ въ ней написано!“ Отъ этого мы иногда заучивали текстъ съ самыми грубыми ошибками, боясь наказанія за всякую самовольную поправку. Помню, что въ книгѣ всеобщей исторіи, при разсказѣ объ открытіи Америки, было напечатано: „по выходѣ Колумба въ море, испанскіе короли разлучены были бурей“, и всѣ мы, понимая, что дѣло идетъ о корабляхъ, говорили однакожь при отвѣтѣ урока, что буря разлучила испанскихъ королей, пока наконецъ учитель нашъ велѣлъ поправить эту опечатку.

Благодаря такой раціональной методѣ, однажды вышелъ у насъ въ училищѣ скандалъ. По какому-то случаю—кажется, по поводу поправки училищнаго дома, пріѣхалъ къ намъ во время уроковъ городской глава. Онъ вошелъ въ первый классъ, гдѣ тогда занимался Петръ Матвѣичъ.

Не помню, предложили-ли почетному гостю сдѣлать испытаніе или самъ онъ вздумалъ проэкзаменовать насъ — только посѣтитель задалъ намъ по одному вопросу изъ каждого предмета. Началось съ катихизиса, которому въ то время у насъ обучалъ не священникъ, а одинъ изъ учителей. — «Какъ вы понимаете Бога?» спросилъ голова. Ему не отвѣтили на это, потому-что вопросъ былъ сдѣланъ не по-нашему. Еслибы гость спросилъ: что есть Богъ, — всякій изъ насъ прочелъ бы ему, не задумываясь, выученное въ книгѣ опредѣленіе. Затѣмъ по русскому языку предложили намъ рѣшить: сколько буквъ въ азбукѣ? Этого мы не знали, потому-что никогда не считали ихъ. Испытаніе кончилось ариѳметикой. Гость вызвалъ одного мальчика и велѣлъ ему положить на счетахъ число учениковъ въ каждомъ классѣ, чтобы узнать, сколько всѣхъ насъ въ училищѣ. Такого желанія мы ужъ положительно не могли исполнить, потому-что возясь съ простыми и десятичными дробями, никогда не дотрогивались до русскихъ счетъ. Послѣ этого блестящаго экзамена посѣтитель вышелъ изъ класса. Мы ждали, что всѣхъ насъ пересѣкутъ поголовно, но къ удивленію нашему все кончилось тѣмъ, что Петръ Матвѣичъ, проводя гостя, энергически плюнулъ и проговорилъ: дурацкая кукла! Такъ-какъ восхлицаніе это было въ единственномъ числѣ, то мы и не принимали его на свой счетъ.

VI.

МОСКОВСКІЕ САМОДУРЫ.—КРѢПОСТНОЙ БАЛЕТЪ.—ИМЕННИНЫ БАНКРОТА.—ДУХОВНЫЙ ПОЛКОВНИКЪ.

Въ училищѣ трехъ-мучителей завязалась у меня первая дружба. Изъ трехъ десятковъ класныхъ товарищей я сошелся особенно съ Колей Соколовымъ, сыномъ главнаго управляющаго князя Юсупова. Мальчикъ этотъ былъ двумя годами старше меня, но мы сходились съ нимъ по степени развитія и познаніямъ. Изъ всей класной толпы онъ замѣтно выдѣлялся своей богатой, хоть и испорченной натурой. Учился онъ дурно по небрежности, а шалилъ постоянно, не столько изъ потребности, сколько изъ кокетства передъ товарищами. Послѣдній въ наукѣ, Коля былъ первымъ въ другомъ отношеніи: онъ отлично бѣгалъ на конькахъ, мастерски кричалъ перепеломъ, бойко чертилъ на класной доскѣ карикатуры учителей и передразнивалъ ихъ съ каеэдра. Разумѣется, эти таланты

въ глазахъ товарищей цѣнились гораздо больше класныхъ успѣховъ, и Колю все любили, кромѣ одного цензора, котораго онъ не щадилъ въ своихъ сценическихъ представленіяхъ. Мальчикъ этотъ надолго сталъ для меня авторитетомъ, и сближеніе съ нимъ принесло мнѣ въ послѣдствіи не мало вреда.

Коля жилъ съ отцомъ своимъ въ княжескомъ домѣ, у Харитонья-въ-Огородникахъ. Мнѣ хорошо памятенъ и этотъ домъ, и его вельможный владѣлецъ. Князь принадлежалъ къ остаткамъ тѣхъ послѣднихъ могиканъ московскаго барства, которые мало-по-малу вымерли подъ наплывомъ новой жизни, какъ племена краснокожихъ американцевъ, и въ настоящее время ждутъ уже своего Купера.

Домъ Юсупова поразилъ меня своимъ богатствомъ и роскошью и оставилъ во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Обширныя залы со штофными обоями, мраморными каминными и золоченой мебелью, обвѣшенные картинами, уставленные статуями, казались мнѣ чертогами изъ волшебной сказки. Въ верхнемъ этажѣ широкая галерея вела въ птичникъ, гдѣ на подставкахъ и въ привѣшенныхъ къ потолку кольцахъ качались сѣрые попугаи, бѣлые какаду и красные ара; а въ клѣткахъ сидѣли золотые и серебряные фазаны, длинноносые пеликаны и пестрые инсепарабли. По другой галереѣ открывался переходъ въ зим-

ній садъ съ куртинами благоухающихъ цвѣтовъ и съ рядами дорожекъ, обставленныхъ экзотическими деревьями и кустами и обведенныхъ шпалерами изъ диваго винограда. По срединѣ, надъ бассейномъ, поднимался высокій фонтанъ. Когда я впослѣдствіи читалъ „Гулава и Людмилу“, то при описаніи волшебныхъ садовъ Черномора невольно вспомнилъ оранжерею Юсупова, въ то время, какъ смотрѣлъ бывало сквозь ея кристаллыныя стѣны на покрытые снѣгомъ дворы и улицы. Изъ зимняго сада былъ особый выходъ въ княжескій театръ, на которомъ мнѣ и привелось видѣть въ первый разъ сценическое представленіе.

Вечеръ этотъ навсегда остался у меня въ памяти. Были святки. Коля пріѣхалъ къ намъ утромъ и съ позволенія отца увезъ меня на цѣлыя сутки. У князя въ этотъ день былъ парадный обѣдъ и вечерній спектакль. Въ сумерки вся улица и прилежающіе къ ней переулки заставились экипажами. Въ огромной кухнѣ повара, точно бѣлыя привидѣнія, толпились передъ сіяющей посудой, а по комнатамъ сновали взадъ и впередъ сотни лакеевъ, въ ливреѣ съ княжескими гербами. Въ столовой залѣ, куда мы успѣли заглянуть во время самаго обѣда, говоръ гостей покрывался оркестромъ — и въ блескѣ безчисленныхъ люстръ и жирандолей пестрѣли золотомъ расшитые мундиры и свергающія брилліантами головы и шеи. Отецъ

Коли былъ въ хлопотахъ и мы его почти не видали; только вечеромъ онъ отвелъ насъ въ театръ и поручилъ какимъ-то дамамъ.

Театръ былъ уже освѣщенъ. Меня поразила невиданная еще картина. Чѣмъ-то сказочнымъ показалась мнѣ эта обширная зала, освѣщенная люстрой и множествомъ кенкетовъ, окаймленная тройнымъ поясомъ ложъ, уставленная рядами кресель и замѣнутая какимъ-то ландшафтомъ, въ которомъ я еще не подозрѣвалъ занавѣса. Въ среднемъ поясѣ, прямо противъ этой живописной стѣны, выдѣлялась большая ложа, драпированная зеленымъ бархатомъ, надъ которой возвышался щитъ съ княжескимъ гербомъ. Скоро ложи наполнились роскошно одѣтыми женщинами, а ряды кресель исчезли подъ сплошной массою мундировъ и фраговъ. Княжеская ложа была еще пуста. Въ залѣ носился глухой, сдержанный гулъ. Но вдругъ все замолкло; мужчины встали и обратились къ зеленой ложѣ: въ ней показался князь. Это былъ невысокій, сѣдой старикъ, во фракѣ со звѣздою. Съ нимъ вошло нѣсколько мужчинъ и дамъ, изъ которыхъ одна, какъ мнѣ сказали, была танцовщица, управлявшая княжескимъ балетомъ. Только-что князь сѣлъ съ своими гостями, загремѣлъ оркестръ, и вскорѣ поднялся занавѣсъ. Давали балетъ «Зефиръ и Флора». Я въ первый разъ увидѣлъ театральную сцену, и на ней посреди зе-

лени и цвѣтовъ, толпу порхающихъ женщинъ, въ ка-
кихъ-то воздушныхъ нарядахъ. Я не зналъ еще тогда,
что весь персоналъ труппы—и музыканты въ оркестрѣ,
и танцоры, и танцовщицы были крѣпостные люди князя.
Мнѣ и въ голову не приходило, что этотъ гостепріим-
ный вельможа

На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ,
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей.

Я видѣлъ только, какъ сотни зрителей любовались
танцами и дружно хлопали при появленіи Флоры. Когда
упалъ занавѣсъ, артистку позвали въ княжескую ложу,
гдѣ она выслушала что-то отъ своего властителя и по-
цѣловала ему руку. Мнѣ показалось это страннымъ и
неприличнымъ.

— Какъ ей не стыдно? сказала я Колѣ.

— А не поцѣлуетъ, такъ пожалуй высѣкутъ, отвѣ-
чалъ онъ.

— Большую-то и такую хорошенькую?

— Да вѣдь она крѣпостная дѣвка!

Это возмутило меня, и стали мнѣ противны и этотъ
великолѣпный князь, и его великолѣпный театръ.

Не забыть я и того, какъ весною князь переѣзжалъ
въ свое подмосковное село Архангельское. За недѣлю
въ домѣ начинались сборы — готовили экипажи, уклады-
вали вещи. Переселеніе совершалось не вдругъ. Въ про-

долженіе нѣсколькихъ дней изъ княжескаго дома тянулись ряды крестьянскихъ подводъ и особыхъ приспособленныхъ къ переѣздамъ фургоновъ. Сначала шель обозъ съ прачками и полотерами, барская кухня съ посудой и поварами, потомъ везли птицъ и обезьянъ, княжескій гардеробъ, часть городской библіотеки, наконецъ отправляли музыкантовъ, съ возами инструментовъ и нотъ. Наступалъ и день отъѣзда самого князя. Подъ него готовилось около десяти экипажей, заложенныхъ шестериками и четверками. Толпа людей уѣзжала съ княземъ, другая еще многочисленнѣе собиралась къ воротамъ и долго глазѣла за поѣздомъ, когда дыма облаками пыли, онъ скрывался изъ Харитоньевской-улицы. Въ домѣ настала какая-то безжизненная тишина, и до осени онъ запылалъ съ закрытыми воротами и забѣленными окнами.

Это была послѣдняя агонія екатерининскаго барства. При своей дикой жизненности оно долго держалось на старой почвѣ, но подточенное мало-по-малу внутри, рухнуло наконецъ подъ вліяніемъ новыхъ идей. Богатства, бессмысленно стекавшіяся въ руки любимцевъ случая, также бессмысленно и разсыпались; тамъ перешли они въ монастыри или на столы банкометовъ, здѣсь испарились въ безтолковыхъ предпріятіяхъ и необдуманныхъ затѣяхъ. Послѣдніе выродки барства жили въ эпоху печальную: они, можно сказать, присутствовали на собственномъ погре-

беніи. Въ ихъ глазахъ побѣги новой жизни глушили ихъ старыя нивы. Въ каждой университетской кафедрѣ, во всякомъ новомъ стихотвореніи Пушкина имъ долженъ былъ слышаться неотразимый приговоръ. Стукомъ могильнаго заступа звучалъ для нихъ аукціонный молотокъ, передавая въ руки откупщиковъ и лабазниковъ фамиліи дворцовъ съ раззолоченной мебелью и сокровища искусства, свезенныя изъ далекихъ концовъ Европы. Что чувствовали эти люди, когда проѣзжая мимо громаднѣхъ домовъ, гдѣ ломились бывало столы подъ серебряной посудой и крѣпостные музыканты помогали пищеваренію, они видѣли на нихъ лаконическія надписи: Больница-чернорабочихъ, Губернская гимназія, Комитетъ для разбора нищихъ? А можетъ-быть вымирающая раса, при видѣ такихъ эпитафій своему былому величію, ничего не думала о будущемъ и помнила только одну утѣшительную мысль: après nous le déluge. ✓

Но блестящее самодурство нашего барства смѣнилось болѣе грубымъ самодурствомъ купечества, въ руки котораго переходили роскошныя палаты московскихъ вельможъ. У новыхъ владѣльцевъ этихъ дворцовъ въ мраморныхъ залахъ явились изразцовыя лежанки, домашніе музыканты и танцовщицы смѣнились цыганками и пѣсельниками Марьиной-рощи и Перовскаго-трактира, поѣздки въ Парижъ уступили мѣсто увеселительнымъ прогулкамъ.

Миллюковъ.

камъ на макарьевскую ярмарку—и новое русло безтолковой жизни такъ-же быстро уносило деньги, какъ и старое. Въ то время, когда князь Юсуповъ угощаль аристократическую Москву своими обѣдами и крѣпостнымъ спектаклемъ, фабрикантъ К... удивилъ коммерческую Москву небывалымъ умѣньемъ спускать миллионы. Отецъ этого блуднаго сына былъ настоящимъ патриархомъ всѣхъ московскихъ гарпагоновъ. Въ городѣ говорили, что въ началѣ своей коммерческой дѣятельности онъ торговалъ рукавицами на Балчугѣ, потомъ завелъ фабрики, открылъ большіе обороты и въ нѣсколько лѣтъ терпѣніемъ и скупостію нажилъ болѣе десяти миллионовъ. Скарденность его была баснословная. Рассказывали, между прочимъ, что онъ пробилъ окно въ нижнемъ этажѣ своего дома, прямо противъ уличнаго фонаря, чтобъ не жечь свѣчи и пользоваться въ конторѣ даровымъ освѣщеніемъ. Каждую ночь ходилъ онъ по двору лаять около кладовыхъ и сараевъ, единственно потому, чтобъ не держать и не кормить собакъ. Въ этомъ искусствѣ достигъ онъ, говорили, такого совершенства, что даже сосѣди полагали, что у него берегутъ домъ цѣпныя собаки. И во всѣ долгіе годы своихъ торговыхъ занятій, К... ни разу не выплатилъ денегъ безъ того, чтобы не удержать и не оттянуть у получателя, подъ разными благовидными и неблагоприятными предлогами, хоть гривну, хоть одну копѣйку.

По смерти чудака, огромное состояніе его перешло къ единственному сыну, который только-что достигъ совершеннолѣтія. Все воспитаніе этого молодого человѣка ограничилось тѣмъ, что его научили кое-какъ читать, писать и выкладывать на счетахъ. Не позволялось ему ни выходить изъ дому, ни заводить знакомствъ; о развлеченіяхъ и удовольствіяхъ не было и рѣчи. Говорили, что однажды отецъ безпощадно его высѣлъ и нѣсколько дней продержалъ на хлѣбѣ и водѣ въ пустомъ амбарѣ за то, что онъ какъ-то осмѣлился сходить съ прикащикомъ въ театръ. И вотъ въ одинъ прекрасный день этотъ загнанный и забитый юноша, незнакомый съ жизнію и людьми, сдѣлался полновластнымъ хозяиномъ двѣнадцати или тринадцати милліоновъ. Разумѣется, вышло то, чего и слѣдовало ожидать: онъ закружился въ толпѣ импровизированныхъ пріятелей, цыганокъ и танцовщицъ; попило шампанское, загремѣли пѣсельники, явились тройки и рысаки — и черезъ три года москвичи прочли въ вѣдомостяхъ, что купецъ К... за неплатежъ гильдейскаго капитала выписывается въ мѣщане. Это былъ, сколько я помню, самый капитальный скандалъ въ кругу обильнаго скандалами московскаго купечества.

Впрочемъ фабрикантъ, къ которому поступилъ мой отецъ, внесъ въ эту скандальную хронику новый фактъ, хотя не столько трагическій, но едва-ли не болѣе харак-

терный. Это былъ человекъ не глупый, но мало образованный и безпечный. Дѣла принялъ онъ отъ своего отца въ довольно хорошемъ состояніи, но не умѣлъ поддерживать ихъ. Его нельзя было назвать расточителемъ; правда, онъ любилъ жирныхъ лошадей, ѣздилъ по гуляньямъ, но не знакомился съ цыганками, не давалъ пировъ и пооекъ и не попадалъ на тѣ пути, какими утекли милліоны К... Не смотря на то, дѣла его шли очень плохо, и я не разъ слышалъ, какъ отецъ мой говорилъ матери о незавидномъ положеніи фабрики. Я догадывался, что нашему патрону грозитъ бѣда. И скоро разрѣшилась катастрофа, которая по своей оригинальности удивила все московское купечество. Это было зимою.

Подходилъ день хозяйскихъ именинъ, и нашъ амфітріонъ затѣялъ большой пиръ. Не смотря на представленія моего отца о дурномъ состояніи кассы, онъ сдѣлалъ распоряженія къ великолѣпному обѣду. За нѣсколько дней въ домѣ начались приготовленія—закупали аршинныхъ стерлядей, возили ящиками вина и фрукты. Родня хозяйина въ этомъ пирѣ не участвовала: приглашены были одни кредиторы, которыхъ впрочемъ оказалось у него гораздо больше, чѣмъ родныхъ. Менѣе значительнымъ разсылались изъ конторы пригласительныя письма, а къ болѣе крупнымъ ѣздилъ самъ хозяинъ. Для этого была куплена новая щегольская коляска и въ ней, на парѣ

породистыхъ воронныхъ жеребцовъ, нашъ амфитріонъ развѣзжалъ цѣлый день по Москвѣ къ своимъ заимодавцамъ, приглашая ихъ на убогую трапезу.

Насталъ и день тезоименитства. Къ назначенному часу съѣхалась въ домъ цѣлая толпа приглашенныхъ, и въ числѣ ихъ нѣсколько самыхъ крупныхъ московскихъ тузовъ. Обѣдъ вышелъ баснословный. Роскошныя блюда, созданныя подъ наблюденіемъ нарочно приглашеннаго повара изъ англійскаго клуба, и дорогія вина, какія только можно было достать въ Москвѣ, привели гостей въ то благодушное настроеніе, когда всякій человѣкъ, въ особенности русскій, готовъ и прощать, и благотворить. Стерляжья уха и свѣжая земляника расположили гостей къ хозяину; съ нѣжностью посматривали они на своего амфитріона и въ одинъ голосъ хвалили его гостепріимство и радушіе. Но вотъ, въ концѣ этого блестящаго пира, хозяинъ встаетъ неожиданно изъ-за стола, опускается на колѣни посреди комнаты и, поклонясь въ ноги удивленнымъ гостямъ, обращается къ нимъ съ слѣдующей рѣчью:

„Почтенные и многоуважаемые мои гости и доврители! Благодарю васъ отъ полноты душевной за то, что вы не побрезгали моею убогой трапезой: я принялъ васъ по пословицѣ—чѣмъ богать, тѣмъ и радъ. Дѣла мои не позволили мнѣ угостить васъ такъ, какъ-бы желало мое

сердце. Въ послѣдніе годы Богу не угодно было благословить успѣхомъ моихъ трудовъ по фабрикѣ, что вы сами изволите усмотрѣть изъ книгъ, которыя я сейчасъ буду имѣть честь представить на ваше разсмотрѣніе. Въ настоящее время положеніе моихъ дѣлъ не позволяетъ мнѣ сдѣлать расчетовъ по моимъ долговымъ обязательствамъ, и покоряясь печальной и тяжелой для сердца моего необходимости, я принужденъ предложить вамъ въ удовлетвореніе по двадцати пяти копѣекъ за рубль. Вспомните, почтенные мои кредиторы, что всѣ мы подъ Богомъ ходимъ — будьте милостивы, не погубите меня и не лишите впередъ вашего довѣрія.“

Понятно, что при такомъ неожиданномъ и выразительномъ спичѣ, фізіономіи гостей начали вытягиваться и едва только ораторъ заключилъ рѣчь новымъ земнымъ поклономъ передъ своими слушателями, какъ между ними поднялся оживленный говоръ:

„Что это такое? послышалось въ залѣ. Съ какой стати хочеть онъ такимъ порядкомъ въ трубу вылетѣть да и насъ за добро наше сажай выпачкать? Потагать такимъ людямъ значить совсѣмъ отъ дѣлъ отказаться. Если онъ по книгамъ и выдетъ чистъ, зачѣмъ-же зѣвалъ! На печи лежа дѣлъ не дѣлають. А можетъ, и припряталъ что подъ спудъ — такъ мы достанемъ. На это у Иверскихъ-воротъ яма есть. Не раззоряться же изъ-за всякаго! У

насъ свои дѣла и кредиторы: мы тоже по обязательствамъ не щепками, а деньгами платимъ. Въ яму его!“

Не смотря однакожъ на такія суровыя рѣчи, большинство гостей, благодаря своей опытности, а можетъ-быть и лукулловскому обѣду, обратились на сторону гостепріимнаго именинника. Скоро слышались отзывы въ другомъ тонѣ:

„Чтожъ такое? заговорили гости. Въ первый разъ что-ли случаются у насъ въ Москвѣ такія дѣла? Нового тутъ ничего нѣтъ: двадцать пять копѣекъ за рубль еще не Богъ знаетъ какое банкротство. Мы человѣка не первый годъ знаемъ: въ мотовствѣ да въ праздности онъ не замѣченъ, а грѣхъ да бѣда на кого не живетъ. Другіе не отъ Божьей воли, а злонамѣренно такія дѣла дѣлають. Иной мошенникъ при такомъ случаѣ и головой не кивнетъ кредиторамъ, а этотъ хоть по христіански поступилъ: онъ насъ въ домъ принялъ, да честь и почтеніе оказалъ и въ ноги поклонился. Неужели за его хлѣбъ-соль хуже другихъ съ нимъ поступить, да лежачаго убить наповаль? Христось съ нимъ! пусть покажетъ книги да и кончаетъ дѣло съ Богомъ. Въ человѣкѣ видимо душа есть — поправится, можетъ и старые счета сведетъ и нашей ласки не забудетъ. Чтожъ? помиловать что-ли?“

— Помиловать! помиловать! заголосили въ залѣ.

И гости подняли именинника, крѣпко его выругали

и такъ-же крѣпко расцѣловали, а потомъ потребовали шампанскаго и подъ конецъ принялись даже качать на рукахъ и проѣли ему многая лѣта. Такимъ-образомъ, благодаря этому остроумно рассчитанному обѣду, коммерческій кризисъ нашего банкрота кончился семейной сдѣлкой, и онъ продолжалъ вести дѣла съ немальшимъ довѣріемъ и кредитомъ, хотя исторія его пира пронеслась по всѣмъ угламъ Москвы.

Наряду съ барскимъ и купеческимъ самодурствомъ мнѣ удалось въ это время познакомиться съ другого рода юридическими, какихъ едва-ли можно найти гдѣ-нибудь кроме Москвы. Я говорю про Доможирова. Какъ теперь помню я эту оригинальную личность. Мы проходили съ отцомъ по Срѣтенкѣ, какъ вдругъ на ближайшей колокольнѣ послышался необычайный въ это время трезвонъ. „Вѣрно преосвященный ѣдетъ,“ сказалъ отецъ, и тотчасъ же прибавилъ: „такъ и есть! вотъ Доможировъ!“ Я обернулся и увидѣлъ, что на трясучихъ извозничьихъ дрожкахъ, полусидя и полустоя, скачетъ низенькій, приземистый господинъ, въ военномъ сюртукѣ съ красными отворотами и въ треугольной шляпѣ, изъ-подъ которой опускается заплетенная въ ленту коса. Затѣмъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ показалась карета на высокихъ рессорахъ, сквозь стекла которой виднѣлся бѣлый клубокъ и благословляющая рука.

Доможировъ величался въ Москвѣ духовнымъ полковникомъ. Это былъ, какъ говорили, офицеръ павловскихъ временъ, который при московскомъ бездѣльи, вмѣсто того, чтобъ по примѣру Луки Лукича гонять голубей, выбралъ себѣ специальную професію провожать митрополита въ соборы. Получилъ-ли онъ на это разрѣшеніе или ему только не мѣшали въ такомъ благочестиво-безвредномъ занятіи, только онъ сдѣлался какъ-бы официальнымъ лицомъ при архіерейской службѣ. Передъ папертью церкви, гдѣ долженъ былъ служить преосвященный, онъ соскакивалъ обыкновенно съ дрожекъ, и расталкивая народъ, прочищалъ путь владыкѣ, а во время служенія ставилъ къ образамъ свѣчи, поправлялъ лампы и распоряжался, какъ муха на пашнѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ сдѣлался одною изъ московскихъ знаменитостей.

Понятно послѣ этого, какой говоръ пошелъ во всемъ нашемъ околodкѣ, когда Доможировъ поселился прямо противъ дома Луки Лукича. Тутъ я видалъ его подъ окномъ, съ пудренными завитками на вискахъ и съ косою на спинѣ: по цѣлымъ часамъ, съ огромными очками на носу, читалъ онъ какую-то большую книгу, а въ дни архіерейской службы съ раннего утра отправлялся на свою добровольную и безвозмездную работу. Благодаря этому содѣйству, у насъ въ домѣ всегда знали, гдѣ служить преосвященный, когда освящаетъ новую церковь или постри-

гаетъ какого-нибудь архіерея. Но Доможировъ не долго оставался нашимъ сосѣдомъ. Оказалось, что господинъ этотъ за служеніе свое московскому обществу пользуется отъ него даровымъ помѣщеніемъ, на небывалыхъ правилахъ. Дѣло было вотъ какъ:

Нанимая квартиру, онъ не далъ хозяину никакого задатка, но заявилъ, что благородное слово его вѣрнѣе всякихъ контрактовъ. И въ-самомъ-дѣлѣ онъ сдержалъ его честно и переѣхалъ въ назначенный день. Когда-же по прошествіи мѣсяца домохозяинъ попросилъ у жильца денегъ, тотъ отвѣчалъ, что въ это время не можетъ заплатить. На другой и на третій мѣсяцъ повторилось тоже. Выведенный изъ терпѣнія хозяинъ, послѣ просьбъ, жалобъ и угрозъ, обратился наконецъ въ полицію.

— Да чего-же вы хотите? спрашиваютъ его въ части.

— Конечно, денегъ.

— Отъ Доможирова-то?

— А развѣ онъ даромъ живетъ?

— Разумѣется, даромъ. Это всѣмъ извѣстно. Справьтесь, гдѣ онъ прежде нанималъ — нигдѣ ни копѣйки не платилъ. Будто вы не знаете?

— Да отчего-же это?

— А такъ заведено съ испоконъ вѣка. Вѣдь онъ духовный полковникъ... у преосвященнаго состоитъ... Мы на него и жалобъ не принимаемъ; какъ хотите, если вы

на него искать станете, ничего не выйдетъ... напрасно время потратите.

— Что-жъ мнѣ дѣлать?

— Если вы совѣта спрашиваете, мы пожалуй готовы помочь. Вы приищите-ка для него приличную квартиру, заплатите за мѣсяць впередъ, а тамъ поклонитесь ему и попросите его переѣхать... Или лучше мы вотъ что сдѣлаемъ: вы насъ поблагодарите, какъ слѣдуетъ, а мы перевеземъ его сами... у насъ есть свои счета съ однимъ домохозяиномъ... гордъ очень... мы къ нему и помѣстимъ жильчика... квартира хорошая... А ужъ о деньгахъ за прошлое вы и не говорите Доможирову—напрасно будетъ... гроша не получите.

И хозяинъ, слѣдуя этому благоразумному совѣту, отложилъ попеченіе о квартирныхъ деньгахъ, поклонился павловскому служакѣ, сдѣлалъ надлежащее приношеніе полиціи, и та перевезла духовнаго полковника въ какой-то купеческій домъ, на владѣльца котораго она давно точила зубы по случаю его строптивости, выражавшейся манкировкой праздничныхъ визитовъ и непамятованіемъ дней рожденія и тезоименитства частнаго пристава. Тамъ предполагалось держать бесплатнаго жильца до тѣхъ поръ, пока брыкливый домохозяинъ запроситъ пардона; и мы узнали впослѣдствіи, что полиція вполне достигла своей цѣли: непріязненный ей домовладѣлецъ смирился, и ду-

ховнаго полковника тѣмъ-же порядкомъ стали перевозить на новыя квартиры, для укрощенія другихъ непокорныхъ гражданъ. Оказалось, что Доможировъ проживалъ такимъ-образомъ на счетъ московскаго общества многіе годы, и переѣзды его на новую квартиру совершались всегда на деньги хозяина, съ которымъ онъ разставался, да и то въ такомъ только случаѣ, когда послѣдній давалъ въ честь его хорошій обѣдъ или прощаясь подносилъ ему на память какой-нибудь приличный подарокъ.

VII.

ПАМЯТНЫЯ ЗРѢЛИЩА.—Ночь на Ивановской-коло-
кольнѣ.—Царская коронація съ высоты птичьяго
ПОЛЕТА.

Воспоминанія мои становятся полнѣе и тверже съ коронаціи императора Николая. Мнѣ минуло тогда восемь лѣтъ, и всѣ праздники, какіе удалось намъ видѣть при этомъ торжествѣ, живо остались въ моей памяти, можетъ-быть потому особенно, что они долгое время служили предметомъ разговоровъ въ нашемъ семействѣ. Отецъ мой не любилъ публичныхъ зрѣлищъ—не бывалъ ни въ театрѣ, ни на гуляньяхъ, и только раза два или три въ лѣто ходили мы съ нимъ въ Симоновъ или Новодѣвичій-монастырь, помолиться и попить чаю на свѣжемъ воздухѣ. Не такова была моя мать. Я не встрѣчалъ женщины, которая до такой степени любила-бы всякаго рода общественныя зрѣлища. При всей заботливости о дѣтяхъ

и домашнемъ хозяйствѣ, она никогда не упускала случая побывать на городскомъ или загородномъ гуляньѣ и по-смотреть какую-нибудь церемонію. Наши болѣе чѣмъ ограниченные средства не позволяли бывать въ театрѣ, но она находила какъ-то возможность знакомиться со всѣмъ, что особенно выдавалось на московской сценѣ—видѣла «Днѣпровскую Русалку» и «Князя Невидимку», слышала Каталани и Сандунову. Что касается до зрѣлищъ дешевыхъ и особенно даровыхъ, то она рѣдко пропускала ихъ: ходила на военные парады и постриженія архіереевъ, дежурила по цѣлымъ днямъ въ Кремлѣ, когда прѣзжалъ кто-нибудь изъ царской фамиліи, и пѣшкомъ отправлялась въ Марьину-рощу и Сокольники посмотреть какого-нибудь силача или скорохода. И потомъ все это служило ей предметомъ разсказовъ и долгихъ воспоминаній.

Когда мнѣ пошелъ восьмой годъ, мать стала и меня брать съ собою на такія прогулки и зрѣлища. Я очень полюбилъ ихъ. И все одинаково занимало меня—и большіе крестные ходы, съ сотнею сверкающихъ серебромъ и золотомъ хоругвей и нескончаемой вереницей духовенства въ разноцвѣтныхъ парчевыхъ ризахъ, и народныя гулянья подъ Новинскимъ и на Москвѣ-рѣкѣ, передъ длиннымъ рядомъ, изукрашенныхъ флагами и вывѣсками, балагановъ, при громѣ музыки и болтовнѣ паяцовъ, и иллюминаціи въ Александровскомъ-саду, съ огненными

гирляндами на кремлевской стѣнѣ и сверкающими щитами у Иверскихъ-воротъ и на Троицкомъ-мосту. Я былъ и на Тверской, когда провозили черезъ Москву тѣло государя Александра Павловича, на колесницѣ, убранной черными перьями, за которой ѣхали какіе-то желѣзные рыцари съ опущенными забралами; помню и торжественный поѣздъ императора Николая изъ Петровскаго-дворца съ длиннымъ рядомъ золотыхъ каретъ и толпою всадниковъ съ орденскими лентами на груди и бѣлыми султанами на треугольныхъ шляпахъ.

Но всего памятнѣе осталось для меня время коронаціи. Мы ходили съ матерью въ церкви, когда раздавали серебряные жетоны, были на улицахъ при торжественномъ поѣздѣ герольдовъ и чтеніи манифеста, дежурили и у подъѣздовъ посольскихъ домовъ, когда тамъ давались балы для императорской фамиліи. Но изъ всѣхъ этихъ праздниковъ больше всего произвели на меня впечатлѣніе два эпизода — ночь наканунѣ коронаціи и народный обѣдъ на Дѣвичьемъ-полѣ.

Мать моя больше недѣли хлопотала о томъ, чтобы помѣститься какъ-нибудь въ Кремлѣ въ самый день торжества. Съ помощью какой-то протекціи ей удалось наконецъ записаться билетомъ на мѣста, подѣланные для зрителей звонарями на Ивановской-колокольнѣ. Не смотря на возраженія отца, она объявила, что и меня возьметъ

съ собою. Я, разумѣется, былъ въ большой радости. Въ городѣ заранѣе стало извѣстно, что наканунѣ праздника всѣ кремлевскія ворота запрутъ съ вечера, а на другой день будутъ пропускать въ нихъ только лицъ участвующихъ въ церемоніи, да тѣхъ, кто получили особые проѣздные билеты отъ придворной канторы. Разумѣется, мы не принадлежали ни къ той, ни къ другой категоріи, а потому намъ предстояло отправиться въ Кремль наканунѣ торжества ночевать на колокольнѣ. Мать моя съ утра еще начала готовиться къ этому путешествію: испекли пироги, зажарили курицу и завязали въ салфетку, вмѣстѣ съ чаемъ, сахаромъ и мѣшечкомъ кедровыхъ орѣховъ, для сокращенія долгихъ часовъ ожиданія.

Передъ вечерними простились мы съ отцомъ и пошли въ Кремль, гдѣ намъ слѣдовало провести цѣлыя сутки. Осмотрѣвъ построенныя между дворцомъ и соборами мостки, по которымъ на другой день должна была двигаться процессія, мы помолились передъ запертыми дверями церквей и начали подниматься по темнымъ изгибамъ каменныхъ лѣстницъ на Ивановскую-колокольню, откуда будемъ любоваться торжествомъ слѣдующаго дня. Тамъ почти никого еще не было, такъ-что мы пришли если не первыми, то по-крайней-мѣрѣ изъ первыхъ. Жена звонаря, съ которой мать успѣла познакомиться заранѣе, показала намъ комнату, гдѣ мы должны провести ночь

вмѣстѣ съ другими посѣтителеми. Здѣсь на полу наваленъ былъ цѣлый ворохъ рогожъ, предназначенныхъ гостямъ, въ замѣну тюфяковъ и подушекъ. Судя по количеству проданныхъ билетовъ, намъ предстояло помѣститься тутъ не просторнѣе того, какъ сельди укладываются въ боченкахъ. Хотя наша хозяйка и поспѣшила заявить, что въ комнатѣ этой будутъ спать однѣ женщины съ дѣтьми, а мужчины расположатся въ другомъ мѣстѣ, но матери моей сильно не понравился этотъ ночлегъ. Она стала просить звонариху помѣстить насъ гдѣ-нибудь особо, и послѣ долгихъ переговоровъ, хозяйка согласилась пріютить насъ въ маленькой боковой коморкѣ, гдѣ была ея спальня.

Успокоенные насчетъ своего ночлега, мы пошли съ звонарихою посмотрѣть мѣста, съ которыхъ завтра будемъ глядѣть на церемонію. Оказалось, что они были въ среднемъ отдѣленіи колокольни, въ главной пролетной аркѣ, подъ самымъ почти большимъ колоколомъ въ пять тысячъ пудовъ, котораго желѣзный языкъ долженъ былъ работать неустанно во все слѣдующее утро. Здѣсь, на каменной площадкѣ, передъ желѣзной рѣшеткой, замыкающей арку, настроены были скамьи, одна выше другой, какъ это дѣлается въ балаганахъ. Наше мѣсто приходилось въ третьемъ ряду, что обѣщало несовсѣмъ полную возможность видѣть завтрашнюю процессію, не говоря уже о томъ, что края исполинскаго колокола были всего аршина

на два отъ нашей скамейки. Мать выразила звонарихѣ опасеніе на-счетъ того, какъ-бы намъ не оглохнуть, когда надъ ушами цѣлые часы будетъ звучать эта мѣдная громада; но хозяйка успокоила насъ тѣмъ, что мужъ ея, который нѣсколько лѣтъ уже звонить собственноручно въ этотъ колоколъ, нисколько не потерялъ слуха и бѣжитъ на ея голосъ при первомъ словѣ. Она только совѣтовала намъ не сжимать плотно губъ во время благовѣста, а сидѣть съ открытымъ ртомъ, что рекомендуютъ будто-бы всѣ звонари Ивановской-колокольни. Дѣлать было нечего: не мѣнять-же билета, когда и безъ того покупка мѣста и плата за ночлегъ въ звонарихиной спальнѣ обошлись недешево.

Наступилъ вечеръ. Мы напились чаю съ какою-то толстой и краснолицей купчихой, которую хозяйка помѣстила вмѣстѣ съ нами въ своей коморѣ. Всенощная давно кончилась и въ Кремлѣ настала торжественная тишина. Мы сѣли съ матерью подъ окномъ, которое выходило на Царскую-площадку. Ночь была ясная. Подъ ногами у меня виднѣлись окаймленные балюстрадой широкіе мостки. Направо поднимался Успенскій-соборъ, налѣво Архангельскій—и на ихъ темныхъ силуэтахъ, при свѣтѣ горящихъ у дверей лампадохъ, колебались исполинскіе фрески. Прямо передъ нами возвышался главный фасадъ большаго дворца, съ примыкающимъ къ нему

Краснымъ-крыльцомъ. Въ окнахъ его не видать было ни одного огонька, и все зданіе казалось пустымъ и необитаемымъ. Я вслушивался: до насъ не долетало снизу никакихъ звуковъ, кромѣ мѣрнаго шага часовыхъ, да ихъ протяжной и какъ-будто сдержанной переключки. Только разъ на площади раздался лошадиный топотъ и бряцаніе сабель и показалась группа всадниковъ: это, какъ мы узнали послѣ, генераль-губернаторъ объѣзжалъ запертый со всѣхъ сторонъ Кремль,

Но въ то самое время, когда внизу стояла такая величавая тишина, на колокольнѣ слышался у насъ шумъ и неумолкающій говоръ. Къ заутренней церемоніи собралось уже, по словамъ нашей хозяйки, до трехъ сотъ человѣкъ посѣтителей. Спать приходилось далеко не всѣмъ: на разостланныхъ по комнатамъ рогожкахъ могла помѣститься едва-ли третья часть публики; прочимъ предстояло лежать на голомъ полу, или вовсе не смыкать глазъ, и многіе конечно предпочли послѣднее. Къ ночи голодъ и бездѣлье превратили нашу колокольню въ какое-то подобіе трактира или постоялаго двора. Вездѣ, гдѣ можно было пріютиться, расположились группы мужчинъ и женщинъ, кто за столомъ, кто передъ окнами, а кто и просто на полу, поджавъ калачомъ ноги. Развязались запасные узлы и кулечки съ разнаго рода съѣстными припасами; у иныхъ приѣтомъ оказались штофы и бу-

*

тылеи. Мало-по-малу начали заводиться знакомства; слышался веселый говоръ и хохоть. У любителей нашлись даже карты, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ пошла игра съ обычнымъ шумомъ и спорами. На лѣстницахъ задымались самовары, а въ открытомъ переходѣ, передъ самымъ дворцомъ, кто-то выставилъ для удобства пылающую плошку. Наконецъ раздалась гдѣ-то и полупьяная хоровая пѣсня.

Такъ-какъ утромъ намъ предстояло встать довольно рано, то вскорѣ послѣ всенощной мы съ матерью поужинали и легли спать въ своей коморѣ, на приготовленномъ въ углу тюфякѣ. Толстая купчиха давно уже храпѣла на хозяйской постели. Шумно доносились къ намъ изъ сосѣднихъ комнатъ пьяныя восклицанія разгулявшихся гостей. Я однакожь задремалъ, не смотря на то, что мать долго еще шепталась съ хозяйкой, выражая опасеніе, какъ-бы не вышло какой-нибудь непріятности изъ этого шума нашихъ сосѣдей. И предчувствіе не обмануло ее: бѣда не замедлила разразиться надъ веселой публикой ивановскаго амфитеатра. Я успѣлъ уже заснуть, какъ вдругъ меня разбудилъ торопливый шопоть надъ самой головою. Слышу знакомые голоса матери и нашей звонарихи.

— Бѣда! говорить хозяйка.

— Да что-жъ я-то сдѣлала? спрашиваетъ мать: мы спокойно спимъ и никого не тревожимъ.

— Всѣхъ, матушка, велѣно выпроводить отсюда... Такое горе! Внизу-то самъ губернаторъ стоитъ.

— Что же онъ?

— Всю ночь ѣздитъ вишь по Кремлю дозоромъ: услыхалъ, какъ пѣсни-то орутъ, да увидалъ, что площадка горитъ у паліея... — Что это такое? спрашиваетъ. — Да гости, говорятъ, у звонарей собрались на церемонію... — Онъ и вспылилъ: такъ-то, говоритъ, ждутъ они святаго дня царскаго помазанія... очистить колокольню, чтобъ души живой не было! Ну, и послалъ полиціимейстера съ казаками. Чуюло мое сердце!

— Какъ же быть?

— Ужъ я не знаю, что и дѣлать... Выведутъ васъ чего добраго съ колокольни... обыскиваютъ вездѣ казаки-то.

— Можетъ, сюда не зайдутъ?

— Охъ, боюсь я! По всѣмъ, вишь, квартирамъ ходятъ; въ нижнихъ ярусахъ каждый уголокъ обшарили — ни одного мѣста, съ позволенія сказать, не пропустили; подъ кровати даже заглядываютъ. Сейчасъ сюда будутъ...

— Спрячьте насъ бога-ради!

— Куда-же мнѣ спрятать-то васъ? Я право и ума не приложу... Развѣ въ чуланчикъ, подъ лѣстницей? Жалко мнѣ васъ, Лизавета Ивановна; всей душой хочется вамъ

услужить... Экой грѣхъ вышелъ!.. Пойдемте же съ Богомъ, да потише; огня зажечь нельзя—я васъ поведу за руку, а вы ужъ мальчика-то возьмите.

— Вставай, Саша! прошептала, нагнувшись ко мнѣ, мать.

Но я давно уже не спалъ, прислушиваясь къ каждому звуку этого тревожнаго шопота. Вечеромъ меня не совсѣмъ раздѣли, а потому я вскочилъ и былъ готовъ въ одну минуту. На цыпочкахъ стали мы подвигаться къ маленькой двери, которая едва виднѣлась въ глубинѣ нашей коморки. Звонариха очевидно хотѣла, чтобъ ни купчиха, ни гости въ сосѣдней комнатѣ не замѣтили нашего бѣгства. А тамъ уже знали объ опасности: огонь былъ погашенъ, говоръ замолкъ, и только слышался глухой шумъ и сдержанный шопотъ. Не то было въ коридорѣ, куда вывела насъ хозяйка: тамъ никто уже не спалъ; вдали мелькали движущіеся огни, подъ низкими каменными сводами раздавался тяжелый шумъ шаговъ, бряцаніе сабель и шпоръ и смѣшанный гулъ грозящихъ и умоляющихъ голосовъ. Мы повернули въ другую сторону, прошли ощупью нѣсколько шаговъ, опустились ступеней на пять по каменной лѣстницѣ, и наша проводница отворила какую-то скрипучую дверь.

— Сидите тутъ съ Христомъ—я васъ запру! прошептала звонариха, притворяя опять за нами дверь — и вскорѣ

послышалось, какъ она вложила въ пробой висячій замокъ и повернула ключемъ.

Мы остались въ глубокой темнотѣ.

— Смотри же, Саша—не шевелись! сказала мнѣ мать. Можетъ-быть, насъ и не найдутъ здѣсь. Богъ милостивъ!.. Постой-ка, что у нихъ тутъ въ чуланѣ наставлено?.. Корзины какія-то... кажется, щепки да уголья... Садись-ка здѣсь, вотъ сюда!

Я нащупалъ руками какую-то плетеную корзину и кое-какъ уgnѣзился на ней, притаивъ дыханіе. Между-тѣмъ тревога въ коридорѣ съ каждой минутой становилась слышнѣе, топотъ шаговъ и звонъ сабель раздавался все ближе и ближе. Можно уже было различать голоса, и наконецъ все стало слышаться отчетливо и ясно. Кто-то говорилъ громко и повелительно: давай огня!—и черезъ минуту прибавилъ: такъ и есть! и тутъ гости!.. извольте-ка вставать, господа, да проворнѣе... колокольню приказано очистить!

— Ваше высокоблагородіе! слышались другіе, умоляющіе голоса: мы ни въ чемъ не виноваты... какъ пришли, такъ и заснули... Съ вечеренъ еще легли.

— Некогда мнѣ васъ разбирать—возражалъ первый голосъ: велѣно всѣхъ выпроводить отсюда... Дошли до такого безобразія! Въ этакій великій день молиться-бы должны, а у нихъ пьянство да пѣсни! Будьте еще до-

вольны, что такъ дешево отдѣлаетесь: вамъ бы кресты на спину, да въ работу. Ну же, проворнѣе!

— Сдѣлайте божескую милость, ваше высокородіе! вопили просительные голоса: мы совсѣмъ ничего не пили и не ѣли, помолились только Богу за батюшку государя да и спать легли со всякой тишиною. Не заставьте невинныхъ за чужіе грѣхи отвѣчать.

— Никого не могу оставить: что ни говорите, напрасно будетъ... Собирайтесь всѣ! Живѣе!

— Гдѣ-же мы ночь проведемъ, ваше превосходительство? спросилъ какой-то мужской голосъ.

— Надо-бы на стѣзжей, да ужъ дѣлать нечего—по домамъ переночуете.

— А какъ же завтра попадемъ на церемонію-то?

— Да, вѣроятно, вамъ отъ двора билеты пришлютъ и прямо во дворецъ повезутъ въ золотыхъ каретахъ! отвѣчалъ иронически первый голосъ. Такимъ приличнымъ гостямъ слѣдуетъ быть не на колокольнѣ, а въ царскихъ палатахъ... Церемонія! Я вамъ дамъ церемонію! Сейчасъ вонъ изъ Кремля—чтобы и духу вашего не было!.. Ну, а тутъ что такое? Давай сюда огня!.. Тоже народъ! А! да это дамская половина! Эй! барыни! вставайте скорѣе, а нето прикажу казакамъ будить.

Въ отвѣтъ на эти послѣднія слова, которыя послышались гораздо отчетливѣе и ближе, поднялась тревога—

раздался плачь и цѣлый умоляющій хоръ женскихъ голосовъ:—Ваше сіятельство! помилуйте! Заставьте за себя Бога молить и на томъ и на этомъ свѣтѣ. Приставьте къ намъ солдатъ на часы — и если мы хоть ротъ раскроемъ, дѣлайте съ нами что вамъ угодно.

— Солдатъ у меня лишнихъ нѣтъ про васъ и оставить никого не могу. Сами виноваты, что не сидѣли смиренно съ вашими кавалерами. Собирайтесь-же проворнѣе: сейчасъ очистить мнѣ комнату.

— Да какъ-же мы при мужчинахъ одѣваться станемъ?

— Ничего: намъ теперь не время любоваться вашими прелестями; да пожалуй мы и отвернемся, покуда вы займетесь туалетомъ.

— Насъ ограбятъ дорогой! вопили женщины; куда мы пойдемъ? теперь полночь!

— Не бойтесь! я дамъ казаковъ—проводятъ. Одѣвайтесь-же скорѣе! Безъ разговоровъ!.. А тутъ что за дверь? Эй, хозяйка!

— Здѣсь моя спальня, ваше превосходительство! слышался полунаивный, полуйсуганный голосъ звонарихи. Тамъ чужихъ у меня нѣтъ.

— Посмотримъ. Урядникъ, свѣти сюда!.. А это кто лежитъ на постели?

— Сестричка моя.

— Она здѣсь постоянно живетъ?

— Квартируетъ.

— А гдѣ ея постель?

— Да тутъ-же со мной почиваетъ на одной кровати... не привередлива она...

— Тѣсненько... Вставайте-ка, сестрица! одѣвайтесь живѣе да и съ Богомъ! Безъ криковъ, пожалуйста!.. Теперь сюда давай огня!.. Тутъ что? проговорилъ страшный голосъ, остановившись у нашей двери и ударяя по замку чѣмъ-то металлическимъ.

Въ ту-же минуту мелькнулъ свѣтъ черезъ дверную щель и яркой полосой протянулся въ нашъ чуланъ. У меня замерло дыханіе, и я только почувствовалъ, какъ мать крѣпко обняла мою шею.

— Это чуланчикъ, ваше превосходительство! Кое-какую держимъ посудешку, да уголья на самоварчикъ—отвѣчала звонариха.

— Отвори!

— Никого тамъ нѣтъ у меня, какъ передъ Богомъ. И человѣкъ-то не усядется... Мы сами лазимъ туда согнувшись въ три погибели... Давно ужъ прошу у начальства, получше бы дали... Совсѣмъ несподручно... Вонъ у зазвончиковъ большіе чуланы, просторные...

— Дай ключъ!

— Сейчасъ принесу, ваше высокоблагородіе.

Долго я не могъ вспомнить этой минуты безъ невольнаго содроганія. Я хорошо понималъ, что мы съ матерью ничѣмъ не виноваты, да и вся опасность-то ограничивается тѣмъ, что мы не увидимъ завтра процессію; но я чувствовалъ, какъ дрожала рука моей матери, къ которой я приникъ въ невольномъ трепетѣ, и какимъ томительнымъ мученіемъ ныла моя дѣтская грудь. Не помню, чтобы когда-нибудь послѣ испытывалъ я такое тяжелое чувство. У меня невольно зашевелилась мысль о томъ, что можетъ-быть и многимъ приходится на свѣтѣ быть безъ вины виноватыми. И не столько беспокоило меня предстоящее возвращеніе домой посреди глубокой ночи и неизбежная потеря занимательнаго праздника, сколько увѣренность, какъ это огорчить мою мать, которая не жалѣла трудовъ и издержекъ, чтобы полюбоваться торжествомъ царской коронаціи. Какъ древнимъ римлянамъ, ей зрѣлища были также необходимы, какъ и хлѣбъ.

— Живѣ у меня поворачивайся! крикнулъ прежній повелительный голосъ, вслѣдъ уходившей звонарихѣ... Ну, а тамъ еще нѣтъ-ли кого? прибавилъ онъ, отходя звенящими шагами отъ нашей двери. — Огня сюда давай!.. Изнутри заперто? Эй, отоприте — не то велю двери выломать! Слышите-ли? скорѣй! Некогда мнѣ съ вами возиться.

Гдѣ-то по другую сторону коридора щелкнула и закричала дверь, а за нею опять раздались мольбы и плачь. Словъ я на этотъ разъ не могъ разслышать; но видно было, что нашли еще новый, многочудный пріютъ и также очищали его отъ гостей. Затѣмъ, минутъ черезъ десять, шаги удалились еще больше и потомъ опять гдѣ-то, гораздо дальше, смутно слышались голоса.

— Молись Богу, Саша—прошептала мать: авось они не воротятся.

Но надежда ея не сбылась. Снова послышался шумъ и говоръ, звонъ сабель и шпоръ, и все ближе начали раздаваться крики: Вонъ! никого не оставлять! всѣхъ выпроводить въ Спаскія-ворота! Урядникъ! возми жандармовъ на Запасномъ-дворѣ! Скорѣе!—И голоса слышались ближе и ближе, шаги раздаются опять передъ самой дверью нашего чулана, и изъ щели ея протягивается къ намъ таже свѣтлая полоса. Я замеръ отъ страха и припалъ съ трепетомъ къ груди моей матери, едва удерживая слезы и рыданія. Нѣсколько минутъ прошло въ какомъ-то безсознательномъ забытіи. Но вотъ я приподнялъ голову: въ дверной щели не видать больше свѣта, шумъ и бряцанье сабель замѣтно утихаютъ, и только вдали слышны еще крики: скорѣе выходить! не останавливаться! Но затѣмъ и словъ уже больше не слышать, только доносится еще

слабо невнятный шумъ; наконецъ и онъ совсѣмъ затихъ. Я началъ дышать свободнѣе.

— Ну, слава-Богу, ушли! прошептала мнѣ мать.

— Не воротились-бы?

— Кажется, теперь не придутъ больше. Видишь, Саша, какъ Богъ милостивъ! хотъ и напугали насъ, а все-же мы увидимъ церемонію. Какъ я рада! Завтра-же свѣчку поставлю Заступницѣ... ничего не слышать.

И въ-самомъ-дѣлѣ, въ нашемъ чуланѣ настала такая мертвая тишина, что кажется можно было-бы слышать біеніе моего сердца. Прошло съ полчаса. Я начиналъ уже дремать, склоняясь головой на колѣни матери. Но вотъ слышались въ коридорѣ осторожные шаги, ключъ повернулся въ нашемъ замкѣ и дверь стала потихоньку отворяться.

— Вы-ли это? спросила мать.

— Я, матушка, отвѣчала шопотомъ наша хозяйка.

— Ну, что?

— Пронесъ Господь: ушли. Теперь можно выйти, только пожалуйста тише. Я боюсь зажигать огонь: какъ-бы опять чего не вышло... Давайте мнѣ руку — васъ проведу въ покои... уснуть вамъ надобно... Ну, ужъ страхъ!.. И мы-то изъ-за васъ натерпѣлись: я до сей поры еще въ себя не приду... Экой погромъ, прости Господи! Всѣхъ-то нашихъ постояльцевъ выпроводили: на колокольнѣ и десяти человѣкъ поди не удалось спрятать.

— Какъ насъ-то Богъ спасъ?

— Да видно ваши молитвы до Христа дошли. Вѣдь всѣ мышьи норки они, разбойники, обшарили... Куда только полиціймейстеръ-то носа не соваль. Вонъ у сосѣдки купецъ-богатый подъ печкой былъ запрятанъ—и оттуда вытащили. А мы не со всѣхъ еще и деньги-то собрали. Этакой грѣхъ!

Между-тѣмъ мы ощупью подвигались по темному коридору, въ которомъ не видно ужъ было ни одного огонька, не слышно ни малѣйшаго звука, и скоро звона-риха привела насъ въ прежнюю коморку и уложила на своей кровати. Кромѣ насъ въ этомъ отдѣленіи колокольни уцѣлѣла еще одна молодая женщина, котсрую умудрились спрятать въ какую-то кадешку. Остальную ночь мы провели спокойно, и поутру оказалось, что полицейская облава на зрителей послужила намъ въ несомнѣнную пользу: на колокольнѣ въ-самомъ-дѣлѣ осталось не больше десятка гостей, и потому намъ можно было выбирать какія угодно мѣста на передней скамейкѣ амфитеатра. Хотя утромъ и набралось откуда-то опять до сотни зрителей, но тутъ не было уже ни тѣсноты, ни ссоръ—и вся процессія царскаго выхода прошла передъ нашими глазами, причемъ конечно съ двадцати-саженной высоты намъ приходилось любоваться ею только à vol d'oiseau.

До-сихъ-поръ мнѣ живо представляется эта картина, полная блеска и грома. Какъ теперь вижу я широкій помостъ между Краснымъ-крыльцомъ и соборами, устланый алымъ сукномъ, а на немъ эту двигающуюся процессію—балдахинъ съ вѣющими наверху бѣлыми перьями и подъ нимъ двѣ царственныя фигуры въ горностаевыхъ порфирахъ, впереди-же и позади цѣлый потокъ людей, сверкающихъ серебромъ и золотомъ. И вся эта разнообразно-сіяющая масса медленно прошла изъ дворца въ соборъ и изъ собора во дворецъ, точно картина въ испанской панорамѣ, между рядами окаймляющаго балюстраду войска, при неумолкающихъ выстрѣлахъ, при звонѣ сотни колоколовъ, при крикахъ многотысячной толпы, въ хаосѣ непрерывающаго гула. Цѣлый часъ тянулось взадъ и впередъ это торжественное шествіе, подъ яснымъ лѣтнимъ небомъ, между величавыми стѣнами кремлевскихъ святынь. Но легко представить, каково было намъ съ матерью сидѣть цѣлые часы подъ большимъ ивановскимъ колоколомъ. Вся колокольная дрожала при усиленномъ звонѣ, и потрясающіе звуки мѣднаго исполина, разливаясь волнами надъ нашей головою, гудѣли такъ оглушительно, что сквозь нихъ едва можно было различить пушечные выстрѣлы и народныя восклицанія. Долго послѣ того, какъ кончилась церемонія, мнѣ еще казалось, будто подо мною

качается башня и въ ушахъ гудитъ звонъ „во всю ивановскую“. Это чудилось мнѣ даже и на другой день; а мать моя цѣлую недѣлю жаловалась на головную боль, хотя нисколько не раскаивалась въ томъ, что намъ, ради удовольствія, пришлось выдержать такую пытку подъ кремлевскимъ колоколомъ.

VIII.

Праздникъ на Дѣвичьемъ-полѣ.—Пожаръ безъ
огня.—Царь-колоколъ и царь Петръ.

Другимъ, особенно памятнымъ для меня, эпизодомъ этого времени былъ народный обѣдъ на давно-знакомомъ мнѣ Дѣвичьемъ-полѣ.

Приготовленія къ этому достопамятному пиршеству длились нѣсколько недѣль. На всемъ пространствѣ огромной площади построены были ряды досчатыхъ столовъ, обрамленныхъ грубыми скамейками. На этихъ столахъ дня три готовились кушанья и лакомства для народнаго угощенія: калачи съ позолоченными ручками, куры и гуси, обвитые зеленью, цѣликомъ зажаренные бараны и быки, съ золочеными рогами и копытами, и наконецъ, въ качествѣ десерта, большія пирамиды разноцвѣтныхъ пряниковъ и коврижекъ. Посуды при этомъ не было, да и ножей для публики не полагалось, конечно въ томъ

соображеніи, что глотать цѣлыхъ быковъ не будутъ и потому никто не подавится, а между-тѣмъ съ голыми руками гостямъ будетъ гораздо безопаснѣе. Между столами, по концамъ поля, возвышались деревянные павильоны съ бассейнами, выбѣленными и раскрашенными яркими гирляндами. Въ бассейнахъ этихъ, изъ накаченныхъ внизу бочекъ, полагалось пустить фонтаны бѣлаго и краснаго вина, и для услажденія имъ кругомъ развѣшены были жестяные ковши и кружки.

Но банкетъ не долженъ былъ ограничиться одними желудочными удовольствіями: для публики готовились и наслажденія эстетическія. На одной изъ продольныхъ сторонъ Дѣвичьяго-поля, лицомъ къ обѣденнымъ столамъ, построили нѣсколько высокихъ эстрадъ съ кулисами и декораціями. Это были открытые балаганы, гдѣ фокусники и акробаты должны забавлять царскихъ гостей даровымъ спектаклемъ. Между эстрадами подымались перекидные качели съ двумѣстными бесѣдками; а по оконечностямъ поля возвышались русскія горы съ красивыми бельведерами, откуда любители могли кататься въ легкихъ колясочкахъ по деревяннымъ рельсамъ. Въ центрѣ-же этихъ построекъ стояла врытая въ землю высокая и гладкая мачта, на которой развѣшены были разныя вещи—платки, кушаки, шапки, кафтаны, чѣмъ выше, тѣмъ лучше и цѣннѣе, а на самой верхушкѣ, подъ бу-

кетомъ изъ зелени и цвѣтовъ, прицѣплялся кошелекъ съ полуимперіалами. Предполагалось, что русскіе люди, для показанія своей ловкости и на потѣху присутствующей публикѣ, полѣзутъ по этому дереву за развѣшенными призами, и наконецъ отыщется между ними и такой удалецъ, который доберется до верхушки мачты, гдѣ въ награду за подвигъ ждетъ его кошелекъ съ золотомъ.

Противъ качель и балагановъ по другой сторонѣ площади, тянулся рядъ деревянныхъ галерей назначенныхъ для зрителей параднаго банкета. Эти красивыя строенія, прорѣзанныя легкими арками съ лицевой стороны, обращенной къ обѣденнымъ столамъ, обиты были парусиной и по ней выбѣлены. Время стояло сухое и теплое, а потому эта окраска прекрасно высохла, и длинныя аркады блистали на солнцѣ, точно мраморныя. Наконецъ на поперечной сторонѣ поля, примыкающей къ Дѣвичьему-монастырю, построены были два большіе бельведера для особъ двора и дипломатическаго корпуса, а посреди ихъ возвышался изящный павильонъ императорской фамиліи, обитый коврами и убранный оранжерейными цвѣтами и деревьями. Все это было готово еще за нѣсколько дней до обѣда, и москвичи толпами ходили смотрѣть на невиданныя приготовленія.

Разумѣется, что мать моя, при своей любви къ зрѣлищамъ, не могла пропустить такого замѣчательнаго

праздника. Недѣли за двѣ еще начала она хлопотать о томъ, какъ-бы лучше увидѣть его. Сначала она думала смотрѣть обѣдъ изъ дома покойнаго дяди Семена Аоанасыча но оказалось, что даже изъ верхняго этажа фабричнаго корпуса видны были однѣ заднія стѣны галерей, построенныхъ для зрителей. Заходила она и въ Дѣвичій-монастырь узнать, нельзя-ли будетъ помѣститься на его зубчатой оградѣ, но оттуда видѣнъ былъ только конецъ поля съ императорскимъ павильономъ. Наконецъ мать, послѣ долгихъ колебаній, рѣшилась купить билетъ въ нумерованной галереѣ, и разумѣется на одной изъ заднихъ, болѣе дешевыхъ скамеекъ. Послѣ этого мы спокойно ждали праздника.

Между-тѣмъ по городу и въ окрестностяхъ раздавались афиши, извѣщавшія православный народъ о приготовленномъ для него отъ царя даровомъ пиршествѣ. Въ этихъ объявленіяхъ, вмѣстѣ съ приглашеніемъ, излагался подробно и самый порядокъ праздника. Извѣщая гостей о мѣстѣ и времени обѣда, ихъ просили въ назначенный день ждать терпѣливо положеннаго часа и умѣрять свой аппетитъ до пріѣзда императорской фамилии. Самый ходъ обѣда опредѣлялся флагами, которые должны будутъ выкидываться при царскомъ павильонѣ: по первому сигналу гостей просили становиться у скамеекъ, по второму садиться за столы, а по третьему начинать и самую тра-

пезу. Послѣ обѣда посѣтителямъ предоставлялось гулять по полю, прохлаждаться винами изъ бассейновъ, кататься съ горъ и любоваться представленіями гимнастовъ и акробатовъ. Судя по программѣ, все это должно было представлять идиллическую картину народнаго веселья и радости, хотя заранѣе скептики сомнѣвались въ томъ, чтобы русскій людъ въ состояніи былъ выполнить такую трудную задачу, не вполнѣ согласную съ его «свычаями и обычаями».

Въ назначенный день мы съ матерью были уже съ ранняго утра на Дѣвичьемъ-полѣ. Тагъ-какъ намъ предстояло участвовать въ царскомъ пирѣ только въ качествѣ зрителей, то разумѣется мать позаботилась о томъ, чтобы смотрѣть на обѣдающихъ не съ пустымъ желудкомъ: какъ и въ день коронаціи, мы взяли съ собою узелокъ съ кое-какими припасами и лакомствами. Какъ ни рано пришли мы, но въ амфитеатрѣ было уже довольно много народу: не только заднія скамьи, гдѣ было наше мѣсто, но и передніе ряды стульевъ пестрѣли уже праздничными нарядами. Публика была здѣсь чище, нежели на Ивановской-колокольнѣ, и лакомилась принесенными съ собою запасами съ полнымъ приличіемъ, такъ-что наша галерея походила уже не на грязную харчевню, а на приличную кондитерскую.

Погода вполнѣ баловала любителей зрѣлищъ: день

былъ ясный и теплый. Разноцвѣтные флаги, вывѣшенные на балаганахъ и катальныхъ горахъ, едва шевелились отъ легкаго вѣтра. Къ полдню все громадное пространство Дѣвичьяго-поля покрылось народомъ, который безпрестанно приливалъ изъ прилегающихъ къ площади улицъ, точно струи потоковъ въ волнующееся озеро. Въ воздухѣ стоялъ неумолкающій гулъ, словно ропотъ морскаго прибоя. А посреди этой колыхающейся массы тянулись длинные ряды обѣдненныхъ столовъ, съ поднимающимися между ними бассейнами, окаймленные сплошной цѣпью казаковъ, обязанныхъ сдерживать преждевременный аппетитъ и жажду гостей, приглашенныхъ къ царскому пиршеству. Въ разныхъ мѣстахъ площади виднѣлись кучки военныхъ музыкантовъ, сверкая на солнцѣ своими мѣдными инструментами. Въ нашей галерей было очень весело: въ ожиданіи праздника шутили, смѣялись, дѣлали разныя замѣчанія. Помню, что какая-то жеманная барыня, въ первомъ ряду стульевъ, начала жаловаться на дурной запахъ, доносимый будто-бы вѣтромъ отъ приготовленныхъ на столахъ припасовъ, и погрозила упасть въ обморокъ. Это возбудило общую веселость. Какой-то шутникъ добылъ при этомъ скляночку духовъ и любезно подаль ей для успокоенія тонкаго обонянія. Но меня больше всего занимала народная толпа.

— Усядутся-ли всѣ за столъ? спрашивалъ я мать.

— Ну, кому мѣста не достанетъ, и стоя пообѣдаетъ, отвѣчала она.

— Кто-же будетъ рѣзать кушанье?

— Да вѣрно придворные лакеи!

— Кому-то достанется кошелекъ съ мачты?

— Вотъ-бы твоему пріятелю Колѣ попробовать: онъ такой ловкій!

Между-тѣмъ къ бельведерамъ, назначеннымъ для императорской свиты, начали подъѣзжать одинъ за другимъ придворные экипажи и кареты посланниковъ, и наша публика принялась угадывать, по разноцвѣтнымъ перьямъ лакеевъ, къ какимъ дворамъ принадлежали съѣзжавшіеся дипломаты. Скоро оба бельведера зашестрѣли расшитыми въ золото мундирами и дамскими платьями и наполнились тѣми избранными зрителями, которые сами для насъ служили зрѣлищемъ. Но вотъ со стороны Зубовскаго-бульвара послышался глухо-протяжный крикъ, и возраста съ каждой минутой, охватывая гуломъ своихъ раскатовъ все громадное поле — и въ народной толпѣ, надъ сплошной массою головъ, показалась какая-то полоса изъ бѣлыхъ султановъ и сверкающихъ стеклами золотыхъ каретъ. Это былъ царскій поѣздъ, который медленно двигался черезъ площадь, въ направленіи къ главному павильону.

Какая-то знакомая матери купчиха, сидѣвшая въ пер-

вомъ ряду стульевъ, позвала меня въ это время впередъ и поставила передъ собою, у самой балюстрады, окаймлявшей нашу галерею. Отсюда мнѣ было хорошо видно все поле, съ его разнообразными постройками. Поѣздъ медленно перерѣзалъ наводненную народомъ площадь и остановился у павильона. Черезъ нѣсколько минутъ царская фамилія показалась на балконѣ, и я увидѣлъ, какъ государь вышелъ впередъ и отвѣчалъ поклономъ на привѣтственные крики, которые переливались раскатами по всему пространству обширнаго поля.

Наконецъ мало-по-малу все успокоилось, самое эхо народныхъ криковъ замолкло, и всѣ глаза обратились къ высокому шпилью, гдѣ долженъ былъ явиться показанный афишами сигналъ. Кажется, всѣ мы ждали его съ такимъ-же нетерпѣніемъ, какъ и тѣ гости, которые толпились передъ обѣденными столами и винными бассейнами.

— Флагъ! флагъ! крикнуло вдругъ нѣсколько головъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ надъ императорскимъ павильономъ показался первый сигнальный флагъ, которымъ по программѣ должно было открыться народное пиршество. Но этотъ первый сигналъ былъ въ то-же время и послѣднимъ. Едва только вождеденный флагъ взвился надъ волнуемой толпою, какъ живыя народныя стѣны, поддерживаемыя до тѣхъ-поръ контрафорсами изъ казаковъ, по-

дались одна къ другой передъ столами, сомкнулись въ одну плотную массу—и въ минуту не стало ни обѣденныхъ столовъ, ни разставленныхъ на нихъ припасовъ. Кучи позолоченныхъ калачей и пряниковъ рассыпались, быки и бараны какъ-будто провалились сквозь землю, столы и скамейки разобраны по доскѣ вмѣстѣ съ подставками — и на томъ мѣстѣ, «гдѣ столъ былъ яствъ», виднѣлась только сплошная волнующаяся толпа народа. И въ то самое время, когда алчущіе распоряжались такимъ-образомъ съ кушаньями, жаждущіе хлынули толпами къ бассейнамъ, гдѣ только-что начали бить фонтаны бѣлаго и краснаго вина. Одни гости бросились къ ковшамъ и кружкамъ, другіе принялись черпать даровой напитокъ шапками, а иные прямо ртомъ приникли къ резервуарамъ. Между-тѣмъ напирające сзади, не желая ждать очереди или не вѣря въ неистощимость фонтановъ, стали отрывать припавшихъ къ бассейнамъ, а упорныхъ оттащить даже за волосы. Наконецъ кто-то смекнулъ, что вся суть дѣла скрывается подъ бассейнами—и догадливые тотчасъ-же забрались въ подвалы и разбили бочки. Фонтаны перестали бить, и попойка пошла уже внизу, въ лужахъ вина, смѣшаннаго съ грязью.

Народныя увеселенія кончились такъ-же быстро и неожиданно. Едва-только, одѣтые въ трико и разукрашенные лентами и блестками, акробаты вышли на эстрады бала-

гановъ, а на горахъ показались катальщики съ своими колясочками, какъ почтенные гости, предпочитая существовавшую поживу идиллическимъ удовольствіямъ, бросились на мѣста этихъ потѣхъ и порѣшили съ ними такъ-же, какъ и съ обѣдомъ. Въ нѣсколько минутъ флаги и вывѣски были сняты, колясочки и бесѣдки съ качель исчезли, даже оборваны самыя доски — и на мѣстѣ всѣхъ этихъ красивыхъ построекъ остались одни остовы изъ тяжелыхъ бревенъ, которыя пришлось не подъ силу гуляющему люду или не представляли для него привлекательной добычи. Съ мачтой и развѣшенными на ней призами народъ распорядился еще проще. Не желая вѣроятно упражняться въ нѣмецкихъ хитростяхъ, когда можно обойтись съ одной русской догадливостью, гости посвоему распорядились съ этой головоломной потѣхой. Только что добросовѣстные искусники начали карабкаться на скользкую мачту въ надеждѣ на приманчивые подарки, какъ болѣе практическая толпа наперла со всѣхъ сторонъ, прорвала двойной рядъ казаковъ, повалила массивный столбъ, обобрала развѣшенные на немъ сюрпризы и такимъ-образомъ положила конецъ всему торжеству. Черезъ четверть часа отъ поднятія флага, къ удивленію всѣхъ незнакомыхъ съ русскимъ характеромъ того времени, на мѣстѣ народнаго праздника осталось одно голое, истоптанное поле, съ волнующейся на немъ толпою.

Помню, что многихъ возмутило такое быстрое и неожиданное окончаніе народнаго банкета.

— Это дикіе звѣри! людоѣды! ворчалъ подлѣ меня какой-то господинъ, судя по выговору иностранецъ.

— Да, чуть и нѣмецкихъ паяцовъ не переѣлъ! отвѣчалъ ему какой-то купецъ.

Прислушиваясь къ этимъ шуткамъ, я не думалъ, что и здѣсь, какъ на Ивановской-колокольнѣ, намъ грозила близкая и еще болѣе серьезная опасность. Въ то время, какъ дворъ началъ развѣзжаться, народъ вздумалъ по старому русскому обычаю „взять на царя“ и самыя мѣста, гдѣ помѣщались зрители. Какіе-то молодцы забрались незамѣтно на крыши галерей и начали обдирать выбѣленный холстъ, которымъ обиты были арки. Краска такъ высохла отъ жара, что начала подниматься при этой операціи, въ видѣ клубовъ густаго дыма. Въ испугѣ, а можетъ-быть и съ умысломъ, въ толпѣ зрителей кто-то крикнулъ: мы горимъ, пожаръ! При этомъ всѣ хлынули изъ галерей, а снаружи другая толпа полѣзла на мѣста разбирать наши стулья и сдирать драпировку съ арокъ. Поднялась суматоха, раздались крики и вопли.

Отдѣленный отъ матери рядами стульевъ и скамеекъ, я не успѣлъ опомниться, какъ потерялъ ее изъ виду и былъ затертъ народомъ. Не знаю, какимъ-образомъ толпа вынесла меня живаго изъ этой давки; но я очутился не-

далеко отъ царскаго павильона, посреди незнакомыхъ лицъ, въ толкотнѣ и шумѣ. Не видать было ни матери, ни купчихи, которая пріютила меня у своего стула. Скоро однакожь кто-то поднялъ меня изъ сожалѣнія на руки и поставилъ на выступъ павильона, гдѣ я не рисковалъ уже быть раздавленнымъ. Передо мной раскрылась вся картина этой тревожной сцены. Галереи стояли всѣ въ дыму отъ бѣлой пыли сдираемаго холста; изъ ихъ широкихъ арокъ прыгали люди съ похищенными стульями, а жандармы и казаки заѣзжали съ двухъ сторонъ, оцѣпляя толпу грабителей. Въ шумѣ едва слышны были крики, которыми вдали народъ провожалъ удалявшійся поѣздъ царской фамилии. Впослѣдствіи рассказывали, что во время этой сумятицы многія изъ зрительницъ лишились платковъ и шалей, а инныя не нашли даже и серегъ въ ушахъ.

Въ то время, какъ я плакалъ, стоя на выступѣ царскаго павильона и напрасно стараясь увидѣть въ толпѣ мою мать, ко мнѣ обратился какой-то высокій и плотный мужикъ. По бараньей головѣ съ золочеными рогами, которую онъ держалъ въ рукахъ, можно было заключить, что онъ принималъ непосредственное участіе въ народномъ обѣдѣ; а красный пузырь подъ глазомъ и разорванный почти во всю длину новый синій кафтанъ ясно доказывали, какъ недешево обошлось ему даровое пиршество.

— Ты, мальчикъ, чего плачешь? спросилъ онъ меня.

Я сказалъ ему, что потерялъ мать и не знаю какъ найти ее.

— Да вы далеко-ль живете?

— За Сухаревой-башней.

— Ну, мнѣ не попути, а то-бы довелъ... ты, поди, дороги-то не знаешь.. Жаль мнѣ тебя... Да нѣтъ-ли у васъ сродственниковъ или знакомыхъ поблизости?

— На фабрикѣ есть.

— На какой фабрикѣ?

— А вонъ большой каменный домъ.

— Ладно... Такъ я тебя, паренекъ, снесу туда, а то задавать... Вишь какъ озарничаютъ!

Покровитель мой далъ мнѣ держать за рога баранью голову, а меня взялъ на руки и понесъ черезъ волнующуюся толпу народа, богатырски расталкивая ее своими широкими плечами. Черезъ нѣсколько минутъ мы вышли на заднюю сторону галерей и были уже у воротъ дома покойнаго дяди, гдѣ встрѣтили испуганную мать, которая съ толпою фабричныхъ собралась меня отыскивать. Спаситель мой передалъ меня на руки матери и не только отказался отъ всякаго вознагражденія, но подарилъ мнѣ еще какой-то позолоченный пряникъ.

Съ часъ мы пробыли на фабрикѣ, какъ потому, что сильно испуганная мать хотѣла немного успокоиться,

такъ и затѣмъ, чтобы переждать, когда толпа отвалить съ Дѣвичьяго-поля. Не смотря на то, что на площади кромѣ парскаго павильона все уже было давно сломано и уничтожено, народъ еще толпился на ней большими массами. Въ то время, какъ мать моя отдыхала въ комнатѣ, я побѣждалъ въ давно знакомый мнѣ садъ. Когда мы пошли домой, намъ попадались еще мужики — кто со стуломъ, кто съ кускомъ парусины, а кто просто съ какой-нибудь доскою. Говорили потомъ, что оберъ-полицѣймейстеръ поставилъ было на выходахъ съ поля солдаты съ приказаніемъ отбирать награбленную мебель, но государь отмѣнилъ это распоряженіе—и потому все забранное народомъ на площади въ тотъ-же день распродано было за безцѣнокъ по сосѣднимъ кабакамъ.

Когда отецъ узналъ о томъ, что съ нами случилось на Дѣвичьемъ-полѣ, онъ сдѣлалъ матери серьезное замѣчаніе и не позволилъ ей брать меня на другія зрѣлища и гулянья, а потому мнѣ не удалось видѣть ни большой кремлевской иллюминаціи, ни фейерверка на Лефортовскомъ-полѣ, чѣмъ заключились праздники коронаціи императора Николая.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ однакожь мнѣ пришлось побывать съ матерью еще на одномъ зрѣлищѣ, которое въ то время сильно занимало москвичей. Въ городѣ начали ходить слухи, что архитекторъ Монферанъ пріѣхалъ

изъ Петербурга подымать большой царь-колоколъ. До-тѣхъ-поръ эта московская рѣдкость лежала въ глубокой ямѣ, напротивъ Чудова-монастыря. Надъ ямою былъ насланъ деревянный помостъ съ подъемной дверью, отъ которой ключи хранились у звонарей Ивановской-колокольни, и благодаря любопытству москвичей и провинціаловъ, служили для нихъ источникомъ постоянного дохода. Когда мы жили еще на Дѣвичьемъ-полѣ, мать показывала мнѣ однажды царь-колоколъ, и я помню, какъ мы спускались въ подземелье по крутой деревянной лѣстницѣ, вслѣдъ за проводникомъ, который шелъ впереди съ зажженнымъ фонаремъ.

Когда заговорили, что строитель Исакиевского-собора присланъ вынуть изъ ямы московскій двѣнадцати-тысячъ-пудовой колоколъ, въ народѣ начали ходить толки, болѣе или менѣе враждебные этому предпріятію. Одни говорили, что выдумка эта совсѣмъ бесполезна, и было-бы гораздо лучше продать дорого стоящую мѣдъ съ публичнаго торга. Другіе напротивъ желали, чтобъ историческая древность была оставлена памятникомъ для потомства и сохранялась именно тамъ, гдѣ пролежала уже многіе годы. Нашлись и скептики, которые увѣряли, будто колоколъ вынуть невозможно, по его громадной тяжести и въ-добавокъ потому еще, что какой-то блаженный его проклялъ и осу-

диль лежать подъ землею до-тѣхъ-поръ, пока стоять на свѣтѣ самая Москва.

Но между-тѣмъ на Чудовской-площади, надъ самой ямою, гдѣ скрывался царь-колоколъ, начали строить лѣса изъ толстыхъ бревенъ и балоковъ, а вокругъ нихъ поставили скоро машины съ вращающимися вѣртами. Наконецъ все это было обнесено высокимъ амфитеатромъ, съ мѣстами для зрителей, которые пожелаютъ видѣть выходъ на свѣтъ божій многолѣтняго затворника. И любопытныхъ даже между тѣми, кто пророчилъ французу неудачу, нашлось такъ много, что въ нѣсколько дней всѣ мѣста были разобраны. Мать моя также добыла билеты на этотъ спектакль, и въ назначенный день мы засѣли съ нею на одной изъ скамеекъ амфитеатра, примыкавшихъ къ малому Николаевскому-дворцу. Оттуда были намъ хорошо видны какъ самая яма, гдѣ лежалъ колоколъ, такъ и рядъ деревянныхъ катковъ, по которымъ онъ долженъ былъ двигаться къ гранитному пьедесталу, приготовленному для него у подножія башни Ивановской-колокольни. Когда мы пришли, толпы солдатъ стояли уже около подъемныхъ вѣртовъ, отъ которыхъ тянулись къ ямѣ толстые канаты, точно какіе-нибудь исполинскіе удавы. Въ амфитеатрѣ у насъ шли толки и споры и даже предлагались пари о томъ, пойдетъ-ли изъ ямы колоколъ, причемъ какой-то господинъ увѣрялъ, будто еще въ двѣнадцатомъ году На-

полеонъ, въ бытность свою въ Кремлѣ, хотѣлъ вынуть его изъ подземелья; но царь-колоколъ, при попыткѣ французъ, еще глубже ушелъ въ землю.

Наконецъ поданъ былъ условный знакъ. Группы солдатъ одновременно взяли за рычаги и дружно заходили около вытяжныхъ вѣровъ, — и вотъ исполинскіе канаты начали приподниматься, натягиваться и медленно навиваться на массивные цилиндры вращающихся барабановъ. Вниманіе публики достигло въ это время такого напряженія, что большая часть зрителей привстала на мѣстахъ, ожидая, что канаты лопнуть и сумазбродный французъ останется въ дуракахъ. По-крайней-мѣрѣ многіе этого желали. Но канаты не лопались, а съ каждой минутой натягивались все болѣе и раскидывались лучами во всѣ стороны, словно нити какой-то чудовищной паутины. И вотъ наконецъ показались надъ ямой громадныя узлы, съ продѣтыми въ нихъ перегидами, и черно-зеленая масса царь-колокола, опутанная и переплетенная сѣтью веревокъ, начала подниматься все выше и выше, потомъ остановилась посреди лѣсовъ, подалась въ сторону, медленно опустилась на катки и свободно покатила по нимъ къ колокольнѣ, гдѣ поднявшись по отлому по-мосту, легла на приготовленный для нея пьедесталъ, при громкихъ крикахъ зрителей. Такимъ-образомъ хитроумный французъ въ полчаса пасмѣялся и надъ пророчествомъ

блаженнаго, и надъ всѣми толками новѣйшихъ московскихъ предсказателей.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, я ходилъ съ отцемъ въ Кремль, посмотрѣть на поднятый колоколь. Онъ стоялъ уже на своемъ подножіи, очищенный отъ лѣсовъ и канатовъ, и надъ его темными ушами сверкалъ большой шаръ съ золотымъ крестомъ; а внизу прислоненъ былъ къ пьедесталу вышibenный когда-то изъ колокола край, какъ-будто нарочно для того, чтобы показать любопытнымъ всю толщину и массивность этой громадной отливки.

Вскорѣ послѣ того случилось мнѣ слышать передъ царь-колоколомъ рассказъ, который поразилъ меня своей оригинальностью. Я ходилъ съ моими школьными товарищами въ Оружейную-палату и, послѣ осмотра ея историческихъ рѣдкостей, мы зашли къ царь-колоколу. Передъ нимъ толпилась кучка людей, повидимому фабричныхъ и мастеровыхъ, и между ними шли споры о томъ, когда и гдѣ отливали колоколь. Толки эти были такъ-же сбивчивы и неопредѣленны, какъ и литературный споръ по этому предмету въ московскихъ журналахъ.

— А большой верешокъ-то изъ него вышibenъ, говорилъ какой-то молодой парень: поди, пудовъ сотня будетъ.

— Какая сотня! возразилъ другой: цѣлые пятьсотъ пудовъ насчитываютъ.

— Ой-ли?

— Звонари сказывали.

— Какъ-же его вышибли?

— Звонили надо-быть крѣпко...

— Анъ не такъ! возразилъ на это какой-то пожилой фабричный.

— Какъ-же?

— А сказываютъ, братцы... я на фабрикѣ это слыхалъ... когда царь Петръ Первый побилъ шведа подъ Полтавой, такъ пріѣхалъ онъ въ-ту-пору въ Москву, баталію эту праздновать. Велѣлъ онъ по этому самому Красныя-ворота построить и проѣхалъ въ нихъ парадомъ со всѣмъ енералитетомъ. И приказъ былъ отданъ, чтобы изъ пушекъ пилить и ура кричать, да по всему городу въ колокола звонить. Ну, вотъ въ эту самую пору царь-колоколь, видишь, и не захотѣлъ благовѣстить. Какъ звонари-то ни налегали, не могутъ языка раскачать: не даетъ голоса да и только... не пожелалъ, значить, либо стихъ на него такой нашелъ. А царь-то Петръ выѣзжаетъ въ-ту-пору изъ-подъ Красныхъ-воротъ, да и спрашиваетъ: отчего, дескать, всѣ колокола московскіе звонятъ, а царь-колоколь ни слуху, ни послушанія не даетъ? И посылаетъ онъ узнать, что этому за причина. Поскакалъ офицеръ и отвѣтъ привезъ, что, молъ, колоколь не слушается. Осерчалъ государь-то—шлетъ опять съ при-

казомъ, чтобы безпремѣнно благовѣстили, а не то, говорить, всѣхъ звонарей переказню. Испужались звонари-то, понатужились такъ, что индо веревки-то лопаются, а колоколь не звонить, словно безъ языка совсѣмъ. А тутъ, смотря, Петръ-то Первый съ енералами въ Кремль ужъ въѣзжаетъ, гнѣвный такой, что супротивъ его царскаго приказа не исполняютъ. Какъ завидѣли его звонари—всѣ на землю пали, да въ голосъ и взмолились, что колоколь дескать въ упрямство вошелъ. Царь какъ крикнетъ на нихъ: „я васъ, говорить, заставляю головами въ него звонить! благовѣстите безпремѣнно!“ Да въ помощь звонарямъ-то еще роту солдатъ гвардейскихъ далъ, самыхъ что ни есть бравыхъ. Взялись они за веревки-то, принадлегли — анъ, смотря, языкъ у колокола оборвался, а онъ, батюшка, такъ никакого голоса не подаль... видно упрямье самого царя было... Какъ увидѣлъ Петръ, что съ колоколомъ ничего не подѣлаешь, осерчалъ и распалился такъ, что всѣ енералы-то его приближенные дрожама дрогнули. А была въ ту-пору у него въ рукахъ дубинка, которую онъ самъ у шведскаго короля подъ Полтавой-то отбилъ. Онъ этой самой дубинкой и ударилъ въ сердцахъ по колоколу: „вотъ тебѣ, говорить, за то, что ты не хотѣлъ народу о моей побѣдѣ оповѣстити!“ А потрафилъ-то онъ его такъ, что вотъ этотъ самый край цѣликомъ съ одного удара и вышибъ. Царь-колоколь

какъ взреветъ, да и ушелъ въ землю, а Царь Петръ изругалъ его ругательски да и велѣлъ, чтобы онъ вѣкъ въ сырой землѣ лежалъ. Такъ онъ и остался... Ну, а по-нѣшній государь-то смиловался, для-того вишь — съ той побѣды полтавской ровно сто лѣтъ миновало; поэтому самому простилъ онъ виноватаго да по благословенію преосвященнаго и приказалъ изъ-подъ земли-то вынуть. Мѣ-каль французъ-то и выбитый край въ него вставить, да не велѣно—затѣмъ вишь, чтобъ на память и на поглядѣнье осталось, какъ царь-колоколь царя Петра ослушался и какое наказаніе получилъ за то, что не хотѣлъ въ-тупору о полтавской баталіи благоувѣститъ.

— А сила же, братцы, у царя Петра-то была! замѣ-тилъ молодой парень, выслушавъ этотъ рассказъ.

— Да, не мало силы надо было и колоколь-то изъ ямы вытащить! прибавилъ другой слушатель.

Эта легенда долго у насъ была предметомъ разсказовъ и коментарій.

IX.

Игры на церковномъ дворѣ. — Семейный совѣтъ. —
Первый прочитанный романъ.

Я кончилъ курсъ въ Трехсвятительскомъ-училищѣ и на публичномъ экзаменѣ получилъ похвальный листъ и книгу. На актѣ былъ у насъ попечитель. Подавая мнѣ награду, онъ подозвалъ мою мать и спросилъ, кто мы такіе и что намѣрены со мной дѣлать. Мать отвѣчала, что отецъ мой занимается на конторѣ и что имъ хотѣлось бы пустить меня въ гимназію и потомъ въ университетъ, но не знаютъ, достанетъ-ли на это средствъ. Попечитель похвалилъ меня и совѣтовалъ не оставлять этого намѣренія.

Мы въ то время жили въ домѣ знакомаго священника, въ приходѣ Петра и Павла, въ Басманной. Это былъ лысый старичекъ, лѣтъ подь семьдесятъ, очень бодрый, живой и веселенькій. Только въ церкви улыбка и шутка сходили съ его румянаго, добродушнаго, вѣчно-

смѣющагося лица. Съ женой своей, полненькой и тоже доброй старушкой въ бѣломъ чепчикѣ, съ кухаркой Маврой, которую онъ называлъ просвиркой, съ гостями и жильцами, съ дѣтьми и взрослыми онъ иначе не говорилъ, какъ пересыпая рѣчь разными шутками и поговорками. Лѣтомъ, когда онъ выйдетъ бывало въ саржевомъ коричневомъ подрясничѣ, съ заплетенными въ жиденькую косичку волосами, и сядетъ на лавочкѣ у воротъ, выходявшихъ на монастырь, то-есть на церковный дворъ, — онъ никого не пропуститъ безъ привѣта или какой-нибудь добродушной шутки. Зато и мимо его рѣдко кто проходилъ безъ поклона и веселаго выраженія въ лицѣ. Даже знакомые разнощики, подходя къ его окнамъ, улыбались и выкрикивали названіе своего товара игривѣе обыкновеннаго.

Когда мы воротились съ матерью изъ училища и вошли на дворъ, Семень Алексѣичъ, держа въ рукѣ клѣтчатый бумажный платокъ, выгонялъ изъ палисадника индюшекъ, которыя любили забираться туда и клевать черную смородину, къ большому горю попадѣи. Увидя насъ, онъ притворилъ калитку и пошелъ навстрѣчу, съ лицомъ заранѣе уже настроеннымъ на обычныя шутки. Мать протянула руку; онъ благословилъ ее, и на мгновеніе сбѣжавшая улыбка опять показалась на его румянѣмъ лицѣ.

— Ну что, сказалъ онъ мнѣ:—каково наши угодники вывезли? Геометрія не утопила? Э! да ты никакъ не съ пустыми руками воротился: дворянскую грамоту что-ли получилъ?

— Слава-богу, батюшка, отвѣчала мать: — все такъ благополучно кончилось у Сашеньки, какъ я и не ожидала отъ Господа.

— То-то вотъ: Богъ-то—не люди, не все съ поклона даетъ, иногда и такъ посылаетъ. Показывай-ко, Шаша, свои документы. Эва! не одна ставленная грамота, и книга еще... Молодецъ! на катихизисѣ небось выѣхалъ! сказалъ онъ, прищуривая одинъ глазъ и вынимая изъ кармана очки въ потертomъ кожаномъ футлярчикѣ.

И онъ принялся читать сначала мой похвальный листъ, а потомъ подпись на книгѣ съ именами смотрителя и учителей, и не пропустилъ даже оттиснутаго на переплетѣ золотыми буквами казеннаго девиза «за успѣхи и благонравіе».

— Ну, спасибо нашимъ святымъ! проговорилъ Семенъ Алексѣичъ, когда мать рассказала ему о томъ, что говорилъ съ ней на экзаменѣ попечитель: — посылай-ка, Лизавета Ивановна, за портнымъ.

— Начто-же это, батюшка? спросила мать.

— Гимназическій сюртукъ заказывать... Надо портнаго позвать съ Кузнецкаго-моста! Что въ далекіе-то сундуки

откладывать: вакаціи не увидишь какъ пройдутъ... Это не то что учебное время; на гулянкахъ часы-то короче. Такъ-ли, Шашура?

— Охъ, батюшка, вы знаете какъ бы мнѣ это хотѣлось; кажется, послѣдній-бы кусоѳъ на это отдала, да вамъ извѣстны вѣдь наши достатки-то. Вонъ Петръ Николаичъ мой не то говорить: ему хочется Сашеньку по купеческой части пристроить; раньше, говорить, хлѣбъ доставать будетъ.

— Ишь ему аршинъ въ голову засѣлъ. Что онъ самъ-то на счетахъ цѣлый день щелкаетъ, большое небось себѣ состояніе нащелкалъ. Много-ли у васъ тысячъ въ ломбардѣ лежитъ?

— Ужъ такъ много, что и не принимаютъ больше, шутя отвѣчала мать.

— Ну, такъ значить торговлю-то можно и другимъ уступить. Я потолкую съ твоимъ благовѣрнымъ. Пирогъ-то завтра печешь-ли, Лизавета Ивановна?

— Печемъ, батюшка.

— И рюмка травнику есть?

— Какъ не найти.

— Такъ скажи ты Петру Николаичу-то, что я отъ обѣдни къ вамъ прямо зайду обѣ нѣшемъ гимназистѣ потолковать.

— Ужъ не оставьте, батюшка; Петръ Николаичъ такъ почитаетъ васъ.

— А вотъ увидимъ: коли почитаетъ, такъ мы изъ его почтенія-то хоть шубу и не сошьемъ, а ужъ сюртукъ съ краснымъ воротникомъ какъ богъ-святъ выкроемъ. Балуй-же бѣги теперь, Шаша; вотъ тебѣ мое благословеніе.

Мать осталась еще на дворѣ съ Семеномъ Алексѣичемъ, а я побѣжалъ къ себѣ во флигель.

Это было, какъ помню теперь, въ субботу. По этимъ днямъ отецъ обыкновенно обѣдать не приходилъ, а оставался на фабрикѣ до поздней ночи — сводилъ недѣльные счета, рассчитывалъ ткачей и размотчицъ шолка. На этотъ разъ, во вниманіе къ моему экзамену и похвальному листу, мать дала мнѣ полную свободу и даже позволила не идти ко всенощной. Служба эта была мнѣ не по душѣ. Изъ всей недѣли я въ то время больше всего любилъ субботу. Въ другіе дни, когда бывало придешь изъ училища, надобно было готовить уроки, читать съ матерью, а въ послѣдній годъ идти еще къ Семену Алексѣичу заниматься по латыни. По воскресеньямъ утро проходило у обѣдни, а вечеромъ нужно было учить уроки къ понедѣльнику. Субота же былъ день самый свободный, не оравленный учебными заботами: изъ училища отпускали тутъ въ двѣнадцать часовъ, и кажется въ это утро сами учителя были добрѣе.

Придешь бывало домой веселый и довольный. На монастырѣ у насъ такая славная трава; въ одномъ углу растутъ широколистныя лопухи, изъ которыхъ мы дѣлали зонтики, въ другомъ репейникъ съ зелеными и красными колючими шишками. За церковью лежитъ почернѣвшая могильная плита съ какою-то полуистертой славянской надписью, а надъ нею вѣтвистая рябина. Тутъ собирались дѣти изъ всѣхъ окрестныхъ домовъ: здѣсь мы обыкновенно бѣгали, возились и играли въ войну, стрѣлая другъ въ друга шишками репейника. И вотъ настанетъ бывало субботній вечеръ, теплый, тихій. Вокругъ церкви съ пронзительнымъ визгомъ летаетъ стая неугомонныхъ ласточекъ; надъ дворомъ, распластавъ крылья, медленными и широкими кругами плаваетъ коршунъ, а всторонѣ, распустья мочальный хвостъ, неподвижно стоитъ змѣй, и глазъ различаетъ на свѣтломъ небѣ его длинную нитку, пропадающую за сосѣдней крышей. Бѣгаешь себѣ, беззаботный и счастливый.

Но вотъ раздается медленный ударъ нашего колокола—и сердце замретъ отъ тоски. Это начинаютъ благовѣстять ко всенощной. — Саша! кричитъ мать: иди одѣваться, пора! — Простите наши веселыя дѣтскія игры! Лѣниво бредешь одѣваться, а отецъ торопитъ. Вонъ ужъ Семенъ Алексѣичъ вышелъ изъ воротъ въ широкополой шляпѣ, опираясь на высокую камышевую трость съ се-

ребрянымъ оконечникомъ. Вотъ и дьячекъ, завидя его съ колокольні, началъ вырабатывать разсыпчатый трезвонъ во всѣ мелкіе колокола. И стоишь печально въ церкви, и нескончаемо долго тянется служба. Солнце еще далеко не сѣло; въ отворенныя окна врывается визгъ порхающихъ ласточекъ, слышатся голоса и рѣзвый смѣхъ играющихъ дѣтей, а сердце такъ и рвется за эти рѣшетчатые окна, въ которыхъ стоитъ полосами синій дымъ поднимающагося ладона. Вотъ отзвонили къ евангелію; солнце садится и какъ-будто на прощанье заглядываетъ еще въ узенькія окошки наверху купола. Свѣчи передъ алтаремъ становятся замѣтнѣе и свѣтлѣе. Скоро кончится печальная служба; но не слышно болѣе ни ласточекъ, ни дѣтскаго говора. Выходимъ изъ церкви — и на монастырѣ никого ужъ нѣтъ, кромѣ старушонки-богадѣленки, которая бродить, отыскивая пропавшую курицу. Возвращаемся домой, ужинаемъ, и отецъ посылаетъ спать.

Но въ день экзамена всенощная показалась мнѣ чрезвычайно короткой, и самый звонъ нашихъ колоколовъ нисколько не противнымъ. Весь вечеръ пробѣгалъ я съ товарищами на монастырскомъ дворѣ. Между многими другими играми мы затѣяли войну и послѣ разныхъ перемѣнъ боеваго счастія дали послѣ второго звона «бородинское сраженіе» у могильной плиты. Пальба репейниками шла у насъ съ такой энергіей и побѣдные крики

раздавались такъ восторженно, что изъ алтаря слышался довольно громкій стукъ въ стекло; добродушное лицо Семена Алексѣича безъ улыбки выглянуло изъ церковнаго окна, и поднятая рука погрозила намъ пальцемъ.

На другой день послѣ обѣдни составился у насъ въ квартирѣ семейный совѣтъ, на которомъ рѣшалась моя будущая судьба. Только-что мы воротились изъ церкви и мать приготовила на кругленькомъ столикѣ передъ диваномъ графинчикъ съ настойкой, бутылку вина и нѣсколько тарелокъ съ икрой, балыкомъ и другими закусками, — вошелъ Семенъ Алексѣичъ въ зеленомъ шелковомъ подрясникѣ съ бархатными нарукавниками, опоясанный широкимъ поясомъ, вышитымъ по канвѣ большими яркими цвѣтами. Румяное лицо его, какъ и всегда, освѣщено было улыбкой.

Перекрестясь передъ образомъ, онъ благословилъ отца и мать, и оборотясь ко мнѣ, опустилъ руку въ карманъ подрясника.

— На-ко вотъ тебѣ за геометрію хлѣбца, сказалъ онъ, подавая мнѣ просвиру.—Только вчера вы, французы такіе, служить мнѣ не дали съ вашей игрой... Въ другой разъ такъ воевать будете—на колѣни поставлю подъ большой колоколь.

— Я ужъ слышалъ объ этомъ и побранилъ его, сказалъ отецъ. Прошу покорно садиться, батюшка, вотъ

сюда, на диванъ-то. Давайте, Лизавета Ивановна, пиро́гъ. Милости просимъ, благословите!

— А вотъ сей-часъ, дай только зубы наточить; вѣдь они у меня со вчерашняго вечера не работали.

— Такъ настоечки-то пожалуйте.

— Пропустимъ сейчасъ. Господи благослови, прибавилъ онъ, наливая рюмку травнику.

— Пирожка-то горячаго, батюшка! сказала мать.

— Дай срокъ, Лизавета Ивановна, весь съѣдимъ. Я самъ напросился, такъ дремать не буду: въ алтарѣ да за обѣдомъ спать не люблю. Вишь и пиро́гъ-то какъ у васъ зарумянился, словно ерофеичу хлебнулъ.

Семенъ Алексѣичъ выпилъ рюмку настойки, присѣлъ на диванъ и занялся пирогомъ. Мать съ большимъ удовольствіемъ слѣдила за его аппетитомъ. Отецъ тоже присѣлъ къ столу.

Немного погодя Семенъ Алексѣичъ обратился къ отцу.

— А вѣдь я пришолъ къ тебѣ, Петръ Николаичъ, объ дѣлѣ потолковать. Говорилъ я тебѣ, что Шаша-то лицомъ въ грязь не ударить: слышалъ, что попечитель о немъ говорилъ?

— Я благодарю Господа, батюшка, что онъ помогъ Сашенькѣ хорошо кончить.

— Такъ надо подумать, какъ ему дальше ползти.

— Вы изволите говорить насчетъ гимназіи да уни-

верситета. Меня въ этомъ, признаться сказать, сомнѣніе беретъ. Какъ-то еще тамъ онъ поидетъ, это одному Богу извѣстно.

— Эхъ, Петръ Николаичъ, за что ты сына обижаешь? Видѣлъ, что изъ училища-то онъ принесъ; отчего-жъ ему и въ гимназію не идти! Объ двухъ головахъ что-ли тамъ дѣти-то? Последнимъ, я тебѣ говорю, не будетъ.

— Боюсь, не избаловался-бы онъ тамъ.

— А ваши купеческіе смиренники меньше что-ли гуляютъ по Марьинымъ-рощамъ да Перовскимъ-трактирамъ? Баловникъ и въ раю избалуется.

— Другое дѣло, батюшка, недостатки наши: на шесть-сотъ рублей въ годъ не богъ-знаетъ что подѣлаешь. По дому-то, вамъ извѣстно, не мало требуется: надобно обути, одѣть, напоить, накормить, подати заплатить...

— Ну, заплѣлъ свои стихиры!

— Вы не сердитесь, батюшка, на Петра Николаича — вступилась мать: — не мало вѣдь намъ въ самомъ-дѣлѣ всего надобно, а онъ у насъ одинъ добычникъ-то.

— Нѣтъ, не одинъ, Лизавета Ивановна: у него помощникъ есть.

— Какой-же помощникъ, батюшка? спросилъ отецъ.

— А Богъ-то.

— Такъ-то оно такъ, батюшка, да тягостей нынче много. А хозяинъ вонъ видѣлъ Сашино письмо: говоритъ,

что на контору возьметъ его съ удовольствіемъ и на первый разъ десять рублей въ мѣсяцъ жалованья положить. А тамъ ему въ гимназіи да въ университетѣ надо въѣхать, да все на отцовской шеѣ — и сюртукъ, и сапоги, и книги подавай готовые. А увольненіе отъ общества? чего оно станеть!

Семень Алексѣичъ вскочилъ съ дивана. Видно было, что онъ начинаетъ сердиться: улыбка его правда не пропала, но изъ добродушной она сдѣлалась строгой и иронической. Онъ прошелся изъ угла въ уголъ комнаты и остановился передъ отцомъ.

— Вонъ она ваша вѣра-то какая! заговорилъ онъ рѣзкимъ голосомъ, что съ нимъ случалось очень рѣдко: — на мѣдный грошъ нищему, да на свѣчу пятиконѣчную васъ хватаетъ, а когда нужно жизненные тяготы нести, чтобы родного сына человѣкомъ сдѣлать, такъ тутъ мы и духомъ падаемъ и роптать начинаемъ. Вонъ Лизавета Ивановна — женщина, тоже свои тягости несетъ по семейству, да въ ней больше терпѣнія и любви. А ты видно въ жизни-то христіанской одинъ-бы медъ пилъ да просвирами закусывалъ, а отъ вѣнца-то тернового, что Христосъ носилъ, на четверенькахъ прочь небось ползешь.

Отецъ видимо былъ смущенъ этой неожиданной филиппикой и стоялъ молча съ отпитой до половины рюмкою вина въ рукѣ. Въ это время мать дала мнѣ хорошую

порцію пирога, и я вышелъ въ другую комнату: благоуханный пирогъ давно уже соблазнялъ меня и кажется занималъ не меньше, чѣмъ этотъ крупный разговоръ, въ которомъ дѣло шло о моей будущности. Тутъ пришелъ одинъ изъ товарищей, учившійся въ Лазаревскомъ-институтѣ, звать меня на монастырь. Мнѣ конечно было нельзя, и мы только поговорили на дворѣ. Когда я воротился, то засталъ уже Семена Алексѣича на порогѣ и тотчасъ же догадался, что побѣда была на его сторонѣ. Запустя руки подъ свой вышитый цвѣтами поясъ, онъ улыбался веселѣе обыкновеннаго. Мать тоже была, кажется, очень довольна, и даже отецъ мой замѣтно повеселѣлъ.

— Не дремли-же теперь, Петръ Николаичъ, ни однимъ глазомъ—говорилъ Семенъ Алексѣичъ:—а пристройшь Шашу—хоть въ церкви храпи, не взыщу. О щажь и кашѣ не заботься: только-бы куплено было, Лизавета Ивановна сварить; а ты намъ добывай увольненіе отъ общества. Вѣдь что будешь дѣлать, все узнаю: великій постъ не за Араратскими горами; придешь къ исповѣди, я на сердце-то твое съ изнанки посмотрю: у меня ни одного пятнышка на совѣсти не спрячешь.

— Ужъ надобно хлопотать, батюшка.

— Тото, смотри. Пора однако мнѣ подъ свой виноградникъ и смоковницу: заждалась чай моя попададь-то. Славный пирогъ у тебя, Лизавета Ивановна! Кабы я эк-

замены дѣлалъ, я-бы тебѣ похвальный листъ выдалъ съ золотымъ заголовкомъ.

— Покорно васъ благодарю, батюшка.

— Будетъ у меня дочь, Богъ-дастъ, да подростетъ— я ее къ тебѣ въ науку пришлю, Лизавета Ивановна. Хорошъ пирогъ, Шашура? небось вкуснѣе нашихъ супинъ да герундіумъ?

И онъ ушелъ, провожаемый поклонами отца и матери.

Дѣло было рѣшено: отецъ согласился на опредѣленіе меня въ гимназію. И надобно сказать, что однажды рѣшась на это, онъ очень дѣятельно принялся хлопотать по главному вопросу о моемъ увольнительномъ свидѣтельствѣ. Дня черезъ два явился къ намъ Мартынъ Ивановичъ, грязенькій подъячій, въ буро-желтомъ фракѣ съ лакированными рукавами и съ остатками сѣрыхъ волосъ на красномъ затылкѣ, которые онъ зачесывалъ по черепу въ видѣ какого-то щетинистаго вѣера. И прежде онъ изрѣдка заходилъ къ намъ по большимъ праздникамъ поздравить отца и мать, за что обыкновенно получалъ рюмку травнику съ приличной закуской. Не смотря на то, что отецъ не жаловалъ его, а называлъ по-сумароковски крапивнымъ сѣменемъ, ему на этотъ разъ выставленъ былъ цѣлый графинъ настойки и большая селедка, съ чѣмъ онъ и распорядился такъ, что посуда осталась совершенно

пустая. При прощаньи отецъ что-то положилъ ему въ руку. Я узналъ, что Мартыну Иванычу поручено хлопотать о моемъ увольнительномъ свидѣтельствѣ, за что обѣщано по окончаніи всего дѣла пятнадцать рублей ассигнаціями. Послѣ этого онъ приходилъ къ намъ всякую недѣлю, выпивалъ графинчикъ и сѣдалъ цѣлую селѣдку, послѣ чего обыкновенно двѣ или три пряди волосъ отдѣлялись отъ его головнаго щита и сѣрыми клочками опускались по грязной спинѣ.

Но я мало слѣдилъ за ходомъ дѣла о моемъ увольненіи. Въ это время случилось обстоятельство, которое имѣло на меня большое нравственное вліяніе. Надобно сказать, что я до-сихъ-поръ почти ничего не читалъ: кромѣ учебныхъ книгъ я прочелъ только «Сто четыре священные исторіи» съ картинками. Книгу эту я зналъ всю на память, кромѣ правоученій, которыя казались мнѣ противными. Читалъ я еще романъ Дюкре-Дюмениля «Лолотта и Фанфанъ или приключеніе двухъ сиротъ на пустыннымъ островѣ». Помню, что большаго впечатлѣнія она на меня не произвела. Мать моя очень любила читать, и я видалъ у нея часто разные старинные романы Ратклифъ, Коттентъ, Дюкре-Дюмениля, но меня она къ чтенію не пріохочивала, не изъ пуризма, а съ тѣмъ кажется, чтобы не отвлекать отъ серьезныхъ занятій. Впрочемъ, по нашему кругу знакомства и книгъ доставать было почти

негдѣ. Въ училищѣ-же у насъ о чтеніи не было и помину, и только въ послѣдній годъ учитель грамматики прочелъ намъ Шильонскаго Узника, да притомъ такъ, что я и половины въ немъ не понималъ. О Пушкинѣ я и не слыхивалъ.

Но въ это лѣто мать говорить мнѣ однажды утромъ:

— Знаешь, Саша, кто въ мезонинѣ-то къ намъ перѣхалъ? Вѣдь онъ въ Городѣ книгами торгуешь. Кажется хорошій человекъ; сегодня мы вмѣстѣ молоко покупали и разговорились! Приласкайся-ко къ нему: онъ тебѣ чего-нибудь почитать дастъ. Теперь уроковъ-то у тебя нѣтъ; все-бы время не безъ пользы проходило.

Въ-самомъ-дѣлѣ новый жилецъ былъ книгопродавецъ и торговалъ, какъ я узналъ послѣ, въ небольшой лавочкѣ у Никольскихъ-воротъ. Мнѣ скоро удалось съ нимъ сойтись. Я сообщилъ ему, что готовлюсь въ гимназію и просилъ чего-нибудь почитать. На другой-же день работница его подала мнѣ пачку книгъ. Мать выбрала что-то для себя, а я взялъ четыре маленькія книжки, у которыхъ прочелъ заглавіе: «Ивангое или возвращеніе изъ крестовыхъ походовъ; сочиненіе Вальтеръ-Скотта». Помнится, я выбралъ эти книги потому, что на послѣднемъ экзаменѣ въ училищѣ мнѣ пришлось отвѣчать о крестовыхъ походахъ. Съ первыхъ страницъ романъ мнѣ не понравился, но потомъ началъ мало-по-малу занимать, и на-

конецъ эти новыя для меня лица—пастухъ Гуртъ, король Ричардъ, рыцарь, жидовка Ревекка—стали втягивать меня въ какой-то новый міръ, открывать мнѣ иную, обольстительную жизнь; я читалъ съ увлеченіемъ, съ жадностью, до тѣхъ поръ незнакомою. Тутъ я въ первый разъ понималъ, какъ можно наслаждаться чтеніемъ. На другой день за всенощной я не слышалъ ни крика ласточекъ, ни смѣхъ дѣтей: передо мной мелькали пустынникъ, Ревекка, Тамплиеръ, и страшно было досадно, что меня отрываютъ отъ этого чуднаго міра.

Два раза прочелъ я «Ивангое», и ложась спать и вставая думалъ о томъ, какъ-бы совсѣмъ купить эту книгу. Мнѣ казалось, что такой нѣтъ уже другой и на свѣтѣ. И когда я узналъ отъ жильца, что романъ стоитъ десять рублей, мнѣ стало ужасно горько: о такомъ капиталѣ нечего было и мечтать. Съ сожалѣніемъ возвратилъ я книгу, но узналъ при этомъ, что Вальтеръ-Скоттъ сочинилъ еще нѣсколько такихъ-же романовъ. Я просилъ и умолялъ жильца дать еще какое-нибудь сочиненіе этого писателя. Мать позволила мнѣ самому идти вмѣстѣ съ нимъ въ лавку. Тамъ пришла мнѣ мысль, какъ-бы хорошо сдѣлаться книгопродавцемъ, читать хорошія книги и завести понемногу свою особенную библіотеку, которую держать-бы ужъ дома и никому не продавать. Эта мысль такъ понравилась мнѣ, что я нѣсколько времени желалъ

даже, чтобы мое опредѣленіе въ гимназію какъ-нибудь не состоялось. Въ этомъ я однажды открылся матери и сказалъ, что если не дадутъ намъ увольненія, то я не пойду на контору, а буду книгопродавцемъ. На это мать замѣтила только, что надѣется кончить благополучно дѣло и опредѣлить меня въ гимназію.

Въ лавкѣ пересмотрѣлъ я нѣсколько десятковъ книгъ и выбралъ на этотъ разъ еще четыре небольшіе томика съ заглавіемъ: «Кентень Дюрвардъ или шотландецъ при дворѣ Людовика XI». Съ тѣмъ-же лихорадочнымъ увлеченіемъ прочелъ я и этотъ романъ Вальтеръ-Скотта. Отецъ былъ на фабрикѣ, мать ушла къ роднымъ, а я на свободѣ такъ зачитался, что забылъ совсѣмъ о латинскомъ урокѣ, и придя на другой день къ Семену Алексѣичу, не зналъ ни одного слова изъ того, что было задано.

— Эге! сказалъ онъ:—Что съ тобой подѣлалось? Отчего урока не раскусилъ? На дворѣ я что-то не видалъ тебя. Или захвалили больно! Неужто ужъ лѣни начинаешь праздновать?

Я сказалъ ему, что всѣ два дня читалъ сочиненіе Вальтеръ-Скотта и забылъ приготовить урокъ, но къ слѣдующему разу выучу вдвое. Я просилъ на первый разъ извинить меня.

— Не ладно, не порядокъ! заговорилъ онъ. — Отецъ-то твой до рѣмановъ, я знаю, не охотникъ; какъ узнаешь,

что ты на нихъ уроки промѣнялъ, онъ вѣдь чего добраго и на березовой невѣстѣ посватаеть. Смотри на дѣло-то напирай, Шаша, а рѣманы отъ тебя не уйдутъ. Что это за Скотъ такой?

— Англійскій писатель.

— И хорошъ?

Я разсказалъ Семену Алексѣичу, какъ умѣлъ, содержаніе обоихъ романовъ.

— Надо почитать! сказалъ онъ: — я до историческаго и самъ охотникъ. А читалъ-ли ты русскіе-то наши романы?

— Какіе?

— Да вотъ сочиненіе господина Загоскина?

— Нѣтъ!

Семень Алексѣичъ всталъ и подошелъ къ дверямъ другой комнаты.

— Матушка, попадья! крикнулъ онъ: — Гдѣ ты заснула? На лавкѣ, али на печи? Дай-ко тамъ въ спальнѣ книги на столѣ, въ розовой бумажкѣ. На вотъ, держи первую часть. Да смотри, не будешь знать у меня герундія, — остальныхъ не дамъ, да еще такъ сдѣлаю, что и отъ другихъ ни отъ кого не достанешь. Читай ступай, благословясь.

И онъ подаль мнѣ первую часть «Юрія Милославскаго». Эта книга окончательно привязала меня къ чте-

нію. Въ три дня до слѣдующаго урока я прочелъ ее нѣсколько разъ и готовъ былъ плакать, что у меня не было остальныхъ частей. А Семень Алексѣичъ, какъ я ни ластился къ нему, не давалъ, да еще поддразнивалъ меня; встрѣчая на дворѣ, онъ не разъ спрашивалъ: ну что, прочелъ ты, какъ поляка-то гусемъ угощали? У меня уже шевельнулась было не хорошая мысль: не попросить ли это сочиненіе у жильца; однако я удержался, да послѣ оказалось, что этотъ самый экземпляръ былъ взятъ тоже у него. Но хотя послѣднюю часть я прочелъ только черезъ двѣ недѣли, а все же дѣло въ томъ, что Семень Алексѣичъ отъ усильнаго чтенія романовъ лечилъ меня тоже романами.

Когда мать узнала, что за незнаніе урока, не приготовленнаго по милости Вальтеръ-Скотта, онъ далъ мнѣ читать Загоскина, она сказала:

— Батюшка, очень вы Сашу-то балуете.

— Полно-ко, полно! заговорилъ онъ:—вѣдь на одной латыни-то нашей одервенѣешь... Онъ и такъ ужъ по латыни знаетъ на два алтына, надо и сладенькимъ иной разъ покормить. Ты вотъ сама, Лизавета Ивановна, любишь за рѣманами сидѣть; Четы-минеи я что-то не видалъ у тебя!

Между-тѣмъ дѣло объ моемъ увольнительномъ свидѣтельствѣ подвинулось впередъ.

Однажды вечеромъ пришелъ Мартынъ Ивановичъ и сообщилъ, что въ такой-то день наше дѣло будетъ слушаться въ засѣданіи мѣщанскаго общества, и отцу необходимо явиться самому въ присутствіе, чтобы выслушать рѣшеніе. Выливая рюмку за рюмкой въ широкій ротъ свой, онъ твердилъ: «мы съ своей стороны все сдѣлали, теперь вы у головы работайте.»

И на другой-же день начали работать у головы. Семень Алексѣичъ отправился на своихъ широкихъ, полинялыхъ, дрожкахъ къ соборному протопопу и воротился отъ него съ запечатаннымъ письмомъ, которое отецъ долженъ былъ въ слѣдующее утро отнести къ городскому головѣ. Кромѣ-того отецъ ходилъ еще просить своего хозяина замолвить въ нашу пользу кое-кому изъ гласныхъ въ думѣ, гдѣ у него было много знакомыхъ. Тотъ обѣщалъ, хотя остался недоволенъ, что меня рѣшились отдать въ гимназію. «Экіе казовые дворяне!» проговорилъ, узнавъ объ этомъ, Семень Алексѣичъ.

Х.

АРЕОПАГЪ ВЪ ГОРОДСКОЙ ДУМѢ.—ПРОСИТЕЛИ.—УВОВЛЕНІЕ ВЪ МОНАСТЫРЬ И ВЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

Насталъ день, когда должна была рѣшиться моя судьба въ городскомъ обществѣ. Отецъ бралъ и меня съ собой въ думу, можетъ-быть въ томъ предположеніи, что личное присутствіе мое смягчитъ грозный ареопагъ. Впрочемъ помнится, это присовѣтовалъ Мартынъ Ивановичъ. Мать была въ это утро очень озабочена, и приготавливая намъ чай и закуску, изрѣдка утирала слезы. Отецъ говоритъ серьезнѣе обыкновеннаго. Отправляясь въ дорогу, мы по обычаю немного присѣли. Семень Алексѣичъ, когда мы проходили мимо его оконъ, спрятался за цвѣтами, потому кажется, чтобы не попасться намъ первому на глаза, что какъ извѣстно считается примѣтой неблагополучной.

Мы пошли къ Краснымъ-воротамъ, мимо училища, куда я бѣгалъ три года, а оттуда по Мясницкой и Лубянской-площади къ Иверской. Разумѣется, зашли въ ча-

совню. Наконецъ часовъ въ десять мы были у входа въ мѣщанскій ареопагъ.

— Отряхни, Саша, сапоги! сказалъ мнѣ отецъ: — видишь, какая пыль!

Мы обмахнули пыль съ нашихъ сапоговъ на самомъ порогѣ святилища и поднялись по лѣстницѣ въ пріемную.

Это была довольно просторная и значительно-грязная комната, съ засаленными внизу стѣнами. На нихъ висѣли въ деревянныхъ рамкахъ и просто на гвоздикахъ разные печатныя и писанныя объявленія и извѣщенія. Подъ окнами былъ столъ, на которомъ лежала груда письменныхъ книгъ. Кое-гдѣ разставлено было съ десятокъ стульевъ.

Мы пришли почти первые. Но мало-по-малу комната стала наполняться просителями, чающими какихъ-нибудь благъ отъ думы. Вошелъ какой-то сгорбленный сѣдой старикъ, съ сильно трясущейся головой и костлявыми руками; пришла пожилая женщина, повязанная платкомъ съ рожками на лбу, и съ нею двѣ дѣвочки, одѣтыя въ какіе-то ситцевые обноски. Вошелъ еще молодой мужчина съ краснымъ широкимъ лицомъ и отроченными до плечъ рыжими волосами, въ черномъ не то кафтанѣ, не то подрысникѣ, опоясанномъ ремнемъ, и въ истрепанныхъ, порывѣлыхъ башмакахъ съ мигающимъ въ одномъ изъ нихъ большимъ пальцемъ. Набралось еще съ десятокъ лицъ, не такъ типическихъ, которыхъ я теперь не помню. Посѣ-

тители изрѣдка обращались другъ къ другу шопотомъ, но зато вздыхали громко и выразительно. Старикъ медленно и съ глухимъ кашлемъ поворачивалъ трясущуюся голову; женщина утирала носъ своимъ дѣвчонкамъ миткалевымъ платкомъ и всякій разъ послѣ этого слезливо высмаркивалась и вздыхала. Молодой человѣкъ въ черномъ зипунѣ посматривалъ изъ-подлобья, зѣвалъ изрѣдка, крестя ротъ, и вслухъ чесалъ спину, запуская руку такъ глубоко подъ затылокъ, что кажется легко-бы могъ уку-сить собственный локоть. Такъ прошло болѣе часу.

Вдругъ изъ боковой двери вышелъ высокій и плотный чиновникъ въ довольно-приличномъ вицмундирѣ и съ намотанной на шеѣ довольно-истасканной черной косынкой. Окинувъ взглядомъ нашу публику, которая при входѣ его поднялась со стульевъ, онъ началъ щедро разсыпать во все стороны фразы успокоительнаго свойства, въ родѣ напримѣръ такихъ: «придите завтра! навѣдайтесь черезъ мѣсяцъ!» Это былъ, какъ я узналъ послѣ, секретарь думы. Половина посѣтителей, появившись на мѣстѣ, начала понемногу выбираться изъ пріемной. Чиновникъ подошелъ къ сгорбленному старику и сказалъ отрывисто:

— Нѣтъ мѣста... навѣдайтесь осенью! Теперь вся богадѣльня биткомъ набита.

— Сдѣлайте божескую милость! бормоталъ старикъ, кланяясь въ поясъ.

— Тебѣ русскимъ языкомъ говорятъ, что мѣста нѣтъ.

— Сдѣлайте божескую милость! повторялъ старикъ, наклоняясь въ поясъ.

— Нельзя, некуда дѣвать... не на голову-же тебя посадить.

— Сдѣлайте божескую милость!

Секретарь нетерпѣливо пожалъ плечами и отошелъ отъ него къ женщинѣ съ двумя дѣвочками, которая стояла у окна, безпрестанно утирая носъ.

— Что тебѣ еще, матушка? Вѣдь ужъ сказано: обѣ записаны... выдетъ очередь—тебя повѣстятъ, и веди ихъ тогда въ училище.

— Да когда-же очередь-то выдетъ, ваше высокоблагородіе?

— Я развѣ колдунъ... почему мнѣ знать! Ты-бы къ Ивану Яковличу сходила; онъ-бы тебѣ можетъ-быть и сказалъ, а я будущаго не умѣю отгадывать.

— Чѣмъ-же мнѣ кормить-то ихъ, ваше высокоблагородіе?

— А кашкой съ сахаромъ, отвѣчалъ секретарь, и улыбнувшись своей остротѣ, отвернулся и подошелъ къ намъ:—Ваше дѣло сегодня слушаютъ, дожидайтесь: скоро докладъ начнется.

Отецъ раскланялся, и мы сѣли дожидаться.

— Вамъ тоже сегодня рѣшеніе объявятъ! сказалъ секретарь молодому человѣку въ черномъ подрясникѣ.

— Не благоизвѣстенъ вашей милости исходъ? проговорилъ тотъ густымъ басомъ, заправляя за уши свои рыжіе волосы.

— Извольте дожидаться! отвѣчалъ чиновникъ и ушелъ.

Рыжій проситель почесалъ спину и тоже сѣлъ.

Еще прошло съ часъ. Мнѣ страшно надоѣло томительное бездѣйствіе, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ освобожденія изъ этой тюрьмы. Вдругъ боковыя двери открылись; секретарь вошелъ опять въ комнату, громко проговорилъ нашу фамилію и сказалъ:

— Пожалуйте въ присутствіе!

Мы съ отцомъ вошли въ большую залу. Посрединѣ ея стоялъ длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, съ висячими кистями по угламъ. На немъ возвышалось призматическое зеркало, увѣнчанное золоченымъ орломъ. На стѣнѣ, прямо передъ входомъ, висѣлъ портретъ императора въ желтой рамѣ, а въ углу въ кіотѣ краснаго дерева со стекломъ виднѣлся большой образъ въ серебряной ризѣ. У другой стѣны было два шкапа съ какими-то толстыми книгами. На переднемъ концѣ стола, гдѣ стояла чернильница съ письменнымъ приборомъ и лежали какія-то бумаги, сидѣлъ въ креслахъ человекъ въ черномъ фракѣ, полный и румяный, съ орденомъ на шеѣ. Это былъ градской голова. По сторонамъ, на тѣсно-поставленныхъ стульяхъ, сидѣло человекъ десять гласныхъ,

иные во фракахъ, другіе въ сюртукахъ, съ бородами и безъ бородъ, но всѣ болѣе или менѣе съ купеческой фізіономіей. У двоихъ свѣтились на шеѣ медали на красныхъ лентахъ. Этотъ-то ареопагъ долженъ былъ рѣшить судьбу мою. Гласные разговаривали между собою въ полголоса и при входѣ нашемъ посмотрѣли на насъ, какъ мнѣ показалось, довольно неласково.

Мы поклонились и стали недалеко отъ градского головы. Онъ порылся въ лежавшихъ передъ нимъ бумагахъ и сказалъ:

— Общество уважило вашу просьбу: оно согласно на увольненіе вашего сына въ гимназію и университетъ, съ тѣмъ чтобы вы уплатили на покрытіе узаконенныхъ повинностей семьсотъ рублей. Благодарите общество!

Отецъ поклонился, я также.

— Осмѣлюсь я доложить, началъ отецъ, обращаясь къ городскому головѣ: — такой суммы я заплатить не въ состояніи: жалованья я получаю въ годъ шестьсотъ рублей; у меня жена, двое дѣтей, надо пить-ѣсть, обуться-одѣться. Недоимокъ за мною, какъ вамъ извѣстно, никогда не было.

— Чтожь съ этимъ дѣлать? сказалъ жестоко градской голова: — Общество для васъ все сдѣлало. Мы не можемъ даромъ выпускать васъ: на это есть законы, не нами установленные.

— Я это очень чувствую, возразилъ отецъ: — только суммы такой не въ состояніи внести.

Тутъ сѣденый сухопарый старичекъ въ длиннополомъ сюртукѣ и сборчатыхъ сапогахъ, съ жиденкой сѣрой бородкой и серебряной медалью на шеѣ, который смотрѣлъ на насъ прищурясь и мигая поминутно красноватыми глазами, нагнулся надъ столомъ и проговорилъ какимъ-то дребезжащимъ голосомъ:

— Да вѣдь ты тройникъ?

— Такъ точно, въ трехъ душахъ! отвѣчалъ отецъ.

— Такъ что тутъ толковать! Вы всѣ готовы бѣжать отъ солдатчины-то. А кто будетъ некрутъ ставить, какъ мы васъ изъ общества-то всѣхъ распустимъ; самимъ намъ что-ли за васъ подѣ красную шапку идти?

— Я готовъ заплатить по силамъ, а такой суммы Богъ-видитъ мнѣ взять негдѣ, замѣтилъ отецъ.

— Ну, а негдѣ, такъ и разговаривать нечего. Тебѣ и такъ помирволили: надо-бы тысячу рублей съ тройника-то взять. Денегъ нѣтъ, такъ въ обществѣ оставь: пускай въ промыслы идетъ.

— Да мальчикъ-то хорошо начальствомъ одобренъ, къ наукамъ усердіе показалъ, похвальнымъ листомъ награжденъ.

— Ладно! слышали мы эти пѣсни. Къ наукѣ усерденъ! Всѣ вы усердны, чтобъ податей-то не платить, да въ сол-

даты нейти. Большая намъ нужда до его науки! Намъ квитанцію некрутскую подай, а похвальными листами вашими, съ позволенія сказать... не нужны намъ они!

— Я только о вниманіи начальства сказать...

— Шабашъ! Принеси семьсотъ рублей, а нѣтъ, такъ и толковать нечего.

— Общество больше ничего не можетъ для васъ сдѣлать, сказали градской голова: — желаете дать воспитаніе сыну, ^{такъ} ищите средства.

Отецъ поклонился и дернулъ меня слегка за рукавъ. Мы вышли.

Въ приѣмной мы нашли Мартына Ивановича, который пришелъ узнать объ исходѣ нашего дѣла. Онъ отвелъ отца къ окну, и они начали разговаривать шопотомъ. Въ это время секретарь позвалъ въ присутствіе рыжаго юношу въ черномъ подряскиѣ. Дверь оставалась, какъ и прежде, незатворенною. Меня подмывало любопытство посмотреть, что еще тамъ дѣлается; и пока отецъ шептался съ канцелярскимъ сѣменемъ, я сталъ у дверей.

Длинноволосый проситель подошелъ къ градскому головѣ и поклонился въ поясъ.

— Вы въ монастырь проситесь? спросилъ его голова.

— Въ обитель, по призванію! проговорилъ тотъ басомъ.

— Общество положило на васъ восемьдесятъ рублей,

Милюковъ.

да за полтора года числится на васъ недоимки одиннадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ.

— Не имѣю ничего по нищенству своему, пробасилъ снова проситель.

Онъ снова поклонился и подаль головѣ какое-то письмо. Тотъ началъ читать его. Въ это время сухопарый старичекъ съ медалью, какъ и прежде, подался впередъ надъ столомъ своей сѣдой головою, и моргая красными вѣками, закричалъ разбитымъ козлинымъ голосомъ:

— Ничего не имѣешь? Такъ для-чего ты не работаешь? Зачѣмъ изъ общества бѣжишь? Вишь какой здоровый да жирный: не больно знать на работу налегаль.

— Призваніе къ пустынножительству возымѣлъ! возразилъ тотъ.

— Такъ сперва денегъ на подати заработай, да и ступай тогда въ пустыню. Кто будетъ въ казну-то вносить? Пустынники-то небось повинностей не очищаютъ, такъ общество за васъ плати!

— Я сонное видѣніе видѣлъ... въ видѣніи Господь призываетъ...

— Разсказывай басни-то!... Сонное видѣніе! Ты-бы спалъ-то меньше, такъ и видѣній-бы не видалъ. Знаемъ мы ваши призванія отъ подушныхъ-то... Заплати девяносто одинъ рубль съ полтиной, да и ступай хоть на печь.

Въ это время градской голова позвалъ сухопараго старика и началъ что-то шептать ему, показывая на письмо. Потомъ онъ обратился къ остальнымъ гласнымъ и сказалъ имъ, что преосвященный просить господъ членовъ принять во вниманіе крайнюю бѣдность просителя, лично ему извѣстнаго по смиренной жизни и благочестію. Поэтому, сообщая думѣ отзывъ уважаемаго архипастыря, онъ съ своей стороны предлагаетъ, не угодно ли будетъ господамъ гласнымъ ограничиться при увольненіи просителя взысканіемъ одной только недоимки.

Тщедушный старичекъ кивнулъ головой, и члены изъяснили согласіе.

Тутъ отецъ позвалъ меня, и мы вышли изъ присутственныхъ мѣстъ. Мартынъ Иваничъ простился съ нами при выходѣ и пошелъ въ другую сторону. Отецъ былъ замѣтно озабоченъ, всю дорогу вздыхалъ и говорилъ мнѣ, что не знаетъ что и дѣлать, хотя общество поступило съ нами, по его словамъ, снисходительно.

Но мнѣ дорогой все думалось: что-же это за общество, которое мѣшаетъ мнѣ учиться въ гимназіи, и почему оно мѣшаетъ мнѣ? Неужели однимъ дворянамъ можно учиться, думалъ я, а изъ нашего сословія только богатымъ! Или это правда, какъ разъ Семенъ Алексѣичъ сказалъ, что легче верблюду пройти въ игольные уши, чѣмъ бѣдному въ университетъ. Стало-быть не хотять,

чтобы мы учились. И зачѣмъ увольненіе теперь брать, а не послѣ ученія, когда захочешь на службу поступить! Тогда легче было-бы заплатить... я и самъ успѣлъ-бы что-нибудь уроками заработать. И неужели для общества все равно, что въ монастырь идти, что въ университетъ? Нѣтъ, вѣрно гимназій и университеты устроены только для дворянъ. Отчего-же и для чего это такъ? Отецъ говоритъ, что дума поступила справедливо, такъ зачѣмъ-же не устроить этого какъ-нибудь по другому! Неужели нельзя ничего придумать? Развѣ это кому-нибудь вредно, что у насъ больше ученыхъ людей будетъ! Тутъ въ первый разъ шевельнулась у меня мысль о сословныхъ различіяхъ и въ первый разъ я почувствовалъ зависть.

Когда мы пришли къ воротамъ нашего дома, Семень Алексѣичъ застучалъ пальцами въ окно и, наклонясь съ дѣнькой головой надъ своими цвѣтущими геранями, закричалъ:

— Что, сошла-ли на насъ, Петръ Николаичъ, небесная манна? Иди ка сюда да рассказывай, что ваши мытари и фарисеи?

Мы вошли въ комнаты, а черезъ минуту пришла и мать, которая давно ждала нашего возвращенія. Отецъ рассказалъ, чѣмъ кончилось дѣло и на чемъ порѣшило общество. Семень Алексѣичъ немного задумался, а по-

томъ заговорилъ, поглаживая бороду съ своей неизмѣнной улыбкой.

— Ну, и славно, и хорошо! Вѣдь поступились-же, кулебячники! Я признаться струхнулъ было. Вѣдь секретарь-то мнѣ говорилъ, что они тысячу заломили. Да вѣрно голова отстоялъ. Ну, теперь конецъ и слава вышнимъ! Шей скорѣй Шашѣ-то гимназическій скюртукъ; не все ему рѣманы читать, вѣдь и августъ на дворѣ, скоро ученую братію къ дѣлу позовутъ.

— Да побойтесь Бога, батюшка: вы достатки наши знаете. Гдѣ я семьсотъ рублей возьму? У меня иногда въ комодѣ-то пятака мѣднаго нѣтъ.

— А сто рублей вѣдь ужъ есть!

— Помилуйте! гдѣ-жъ они сто рублей?

— А вотъ здѣсь въ столѣ! На-ко, держи для благаго начала.

И онъ открылъ ящикъ въ своемъ дубовомъ бюро, вынулъ оттуда двѣ бѣленькія бумажки и подаль ихъ отцу.

— Разбогатѣешь, такъ отдашь! продолжалъ онъ:—а коли богатство память отшибетъ, такъ я и самъ напомню.

— Благодарю васъ, батюшка... только скоро вѣдь я вамъ заплатить не могу, а какъ неравно смертный часъ придетъ.

— Такъ на томъ свѣтѣ сочтемся... Да не въ томъ дѣло. Вѣдь намъ еще не хватаетъ маленько, сотню-то

добыли, а цѣлыхъ шести еще нѣтъ. Только духу праздности и унынія не поддавайся: подойникъ завели, Богъ подастъ и корову. Иди-ко ты теперь къ хозяину, да расскажи ему на чемъ дѣло стало: такъ и такъ молъ, карманъ-то у тебя съ подкладкой, распоясывайся-ко, толстощекий, давай шестьсотъ рублей. Слава-богу, не бѣднякъ какой! А вотъ ему отъ меня письмецо снеси; я ему тутъ настрочилъ. Онъ вонъ къ Никитѣ-мученику новый папіелей повѣсилъ, пусть-ка и намъ съ тобой сольетъ колокольчикъ. Еще въ прошломъ году онъ мнѣ общалъ глазету на стихари—я ему и этого не прощу... Попадья, выползай-ко изъ гнѣзда, давай намъ съ Петромъ Николаичемъ травничку!

Мать моя начала благодарить Семена Алексѣича за его помощь.

— Полно, полно-ко, Лизавета Ивановна! А вотъ, если у насъ съ матушкой дочь будетъ, такъ пожалуйста ужъ ты поучи ее пирогъ съ грибами печь; у меня попадья мастерица только на рыбные.

На другой день отецъ пошелъ къ фабриканту съ письмомъ отъ Семена Алексѣича. Мы съ безпокойствомъ ждали, чѣмъ кончится этотъ визитъ, отъ котораго зависѣло теперь остальное дѣло. Хозяинъ отца, богатый купецъ и почетный гражданинъ, былъ человѣкъ не злой и даже доброжелательный, но довольно крутой и тугой на деньги;

про него рассказывали немало анекдотовъ, въ которыхъ его экономія и расчетливость нерѣдко переходили въ открытую скупость. Понятно, что успѣхъ съ этой стороны былъ довольно сомнителенъ. Мать замѣтно тревожилась въ ожиданіи отца. Наконецъ онъ воротился, и я по лицу его догадался, что дѣло вѣроятно удалось не вполнѣ.

— Ну, съ чѣмъ поздравить? спросила мать.

— Ужъ вытерпѣлъ я каторгу! сказалъ отецъ: — да слава-богу хоть не даромъ: пятьсотъ рублей далъ.

— Сашенькѣ подарилъ?

— Какъ не подарить!.. Насилу займы вымолилъ. На два года далъ: каждый мѣсяцъ будетъ вычитатъ изъ жалованья. Да ужъ онъ пѣлъ мнѣ, пѣлъ рацею-то, индо въ глазахъ позеленѣло: и зачѣмъ мы въ дворяне-то хотимъ лѣзть, и развратъ-то вишь въ гимназіи, и что мы за господа такіе, что купеческой частью гнушаемся и въ чужіе сани садимся... Хорошо ему въ своихъ санихъ сидѣть съ капиталомъ-то. Такъ упарилъ, что я вотъ словно изъ бани отъ него вышелъ.

— Ну, слава-богу, хоть далъ-то.

— А все сотней рублей меньше, какъ я ни просилъ.

— Богъ милостивъ, достанемъ.

Мать замѣтно повеселѣла, да и отецъ былъ уже не такъ озабоченъ, какъ въ прошлые дни.

— Знаешь что, Петръ Николаичъ, я вздумала? сва-

зала мать за обѣдомъ:—пойду я къ дядюшкѣ и Сашу съ собою возьму, авось поможетъ. Теперь ужъ немного и остается.

— Задастъ онъ тебѣ гонку, какъ мнѣ же хозяинъ.

— Что за бѣда! Пусть поворчитъ, только-бы помочь.

— Не вѣрится мнѣ.

— Ну, попытка не пытка.

На другой день послѣ обѣда отправились мы съ матерью къ «дядюшкѣ». Его звали Алексѣемъ Егорычемъ. Это былъ купецъ третьей гильдіи, крутой и своеобразный старикъ, который торговалъ въ Городѣ въ мѣховомъ ряду. Жилъ онъ въ своемъ домѣ, въ Дорогомиловской-слободкѣ, не далеко за мостомъ. Тутъ была у него и собственная красильня, гдѣ онъ занимался весьма почтенной фабрикаціей мѣховыхъ товаровъ, перекрашивая виликорусскихъ зайцевъ съ сибирскія красныя лисицы, а московскихъ собакъ въ нѣмецкіе бобры. Лѣтомъ, въ сухіе дни, у него весь дворъ былъ обыкновенно покрытъ сѣтью протянутыхъ веревокъ, на которыхъ просушивались его пушныя издѣлія. Состоянія у него не было, но жилъ онъ безъ недостатковъ.

Часа черезъ два добрались мы пѣшкомъ до знакомаго сѣраго домика съ красной деревянной крышею и зелеными ставнями. Алексѣй Егорычъ только-что всталъ отъ послѣобѣденной выпивки и сидѣлъ съ женою за самава-

ромъ, распаренный до красна лѣтнимъ сномъ и горячимъ чаемъ, въ сѣромъ нанковомъ скюртукѣ съ разстегнутымъ воротомъ на рубашкѣ.

— Садитесь-ко, чайку попейте! проговорилъ онъ послѣ обыкновенныхъ привѣтствій.

— Жарко, дядюшка! сказала мать.

— Ничего, паръ костей не ломить.

Послѣ двухъ или трехъ чашекъ чаю, мать сообщила дядюшкѣ, что я кончилъ ученье въ Трехсвятительскомъ-училищѣ и при выпускѣ получилъ похвальный листъ и книгу за успѣхи. Старикъ съ кислой улыбкой промычалъ что-то въ отвѣтъ, отдувая протянутыми впередъ губами горячій паръ съ чайнаго блюдечка, поставленнаго на вывороченныхъ кверху пальцахъ лѣвой руки. Но мать не отступила отъ этой любезности и рассказала, что по совѣту попечителя и нашего священника рѣшила отдать меня въ гимназію, а потомъ въ университетъ, что общество согласно на увольненіе, а фабрикантъ нашъ далъ для этого пятьсотъ рублей, да батюшка сто, и теперь остается только достать остальные сто рублей.

— По моему разсужденію, дворянъ и ученыхъ и безъ него достаточно! сказалъ старикъ, опрокидывая чашку и обтирая лицо носовымъ платкомъ.

— Да жалъ, дядюшка, оставить: въ наукахъ-то Саша пошелъ; можетъ-быть Господь ему счастье открываетъ.

— Богъ-то не говорить, что онъ думаетъ: иногда намъ кажется хорошо, а по его волѣ выйдетъ и не такъ. Это мы по своему разсудку все хотимъ мудрѣ другихъ быть. Всякому свое назначено; всякъ сверчокъ знай свой шестокъ. Вотъ дворяне въ торговня дѣла полѣзли, такъ смотришь—то тотъ, то другой карманы и выворачиваютъ. И нашему брату тоже не рука-бы по ниверситетамъ-то ходить. Протянешь ножки не по одеждѣ, смотри не лопнуло-бы. Слыхалъ я, чему и учать-то нынче. Вонъ у нашего рядскаго мѣховщика сынъ тоже въ гимназіи поканчивается. Пришелъ я намеренъ въ лавку къ отцу, послушалъ что онъ толкуетъ-то: громовые отводы, вишь говорить, теперь учить, слышь гнѣвъ-то Божій отводить хотятъ; когда воля Господня на что есть, а они поперекъ ея съ своимъ разумомъ идутъ. Хороша наука!

— Да вѣдь батюшка Семенъ Алексѣичъ совѣтуетъ и благословляетъ.

— Ну, и они хороши бываютъ, хотя и пастыри величаются. Чѣмъ-бы наставить да поучить, чтобы мы дескать себя помнили да на разумъ свой не полагались, а они на грѣхъ еще толкаютъ. Дай срокъ—будутъ сами за это отвѣтъ держать, зачѣмъ души-то наши отъ лукаваго не уберегли. Охъ, согрѣшилъ я грѣшный!

Когда мать, не смотря на эту суровую проповѣдь, категорически обратилась къ старику съ просьбою о ссудѣ

остальныхъ денегъ на увольненіе, онъ значительно высилъ голосъ и пустился въ такіе выговоры, что жена уже принялась его уговаривать. Все это казалось мнѣ скучнымъ и оскорбительнымъ. Я вышелъ на дворъ по-смотреть, отъ нечего дѣлать, какъ вѣшаютъ просушивать поддѣльные бобры и еноты, и не слыхалъ дальнѣйшаго краснорѣчія Алексѣя Егорыча. Но когда наконецъ меня позвали, и мы стали прощаться съ дядюшкой, мнѣ показалось, что старикъ былъ уже не такъ суровъ. Жена его дала мнѣ даже на прощанье, въ его присутствіи, ягодъ изъ своего сада. Не знаю, какимъ-образомъ мать успѣла уговорить его; но когда мы пошли домой, она сообщила мнѣ дорогой, что Алексѣй Егорычъ умилился и далъ сорокъ рублей.

Дѣло очевидно подвигалось къ концу. Но все еще оставалось достать по-крайней-мѣрѣ шестьдесятъ рублей, и эта бездѣлица стоила матери большихъ трудовъ и пожертвованій. Она ходила по роднымъ и знакомымъ — и все напрасно. Наконецъ рѣшилась она на послѣднее средство: собрала все, что у насъ въ домѣ имѣло какую-нибудь цѣнность — пять столовыхъ ложекъ, поддержанный лисій салонъ, шаль, подаренную ей еще во время ея свадьбы, какія-то золотыя колечки, даже сняла серебряную ризу со стариннаго образа, которымъ дѣдъ благословилъ отца передъ смертью. Все это было завязано въ скатерть, и мать от-

правилась съ большимъ узломъ на извозицѣ къ какому-то закладчику въ Зарядѣ. Часа черезъ три она привезла, какъ помнится, сто рублей денегъ и какую-то росписку.

— Ну, слава-богу, Сашенька! сказала она съ видомъ чрезвычайнаго удовольствія: — ужъ какъ я рада, теперь все кончено; деньги собраны и твое увольненіе скоро будетъ готово. Исполнилъ Господь мое желаніе, точно гора у меня съ плечъ свалилась. Какъ я рада!

И я понялъ, сколько доброты, самопожертвованія и нѣжности было въ сердцѣ этой женщины, которая забывала себя и все на свѣтѣ, для того чтобы дать сыну образованіе. Но въ тоже время я понялъ и всю горькую сторону этого жестокаго положенія объ увольненіяхъ, которое ставитъ такія непроходимыя переградины на пути къ образованію и можетъ-быть у тысячи молодыхъ людей отнимаетъ возможность быть счастливыми и полезными себѣ и другимъ. И сколько разыгрывается такихъ безвѣстныхъ сценъ въ бѣдныхъ семействахъ! Сколько совершается невидимой нами борьбы изъ-за образованія, на которое должны-бы имѣть право всякій! Сколько людей умнѣе и даровитѣе меня остановили эти увольнительныя свидѣтельства на подорогѣ и отбросили въ непроходимую грязь невѣжества!

Вскорѣ мое увольненіе было готово, хотя кромѣ собранныхъ денегъ отцу пришлось еще немало приплатить

на другія косвенныя и темныя издержки по этому дѣлу.

— Ну, братъ Шашура! говорилъ Семень Алексѣичъ, сидя у насъ за пирогомъ въ слѣдующее затѣмъ воскресенье:—смотри-же теперь, не плошай, не ударь лицомъ въ грязь передъ дворянами. Видишь, какъ постаралась для тебя мать-то. Какъ будешь уроки гимназическіе учить — помни объ этомъ.

— Онъ прежде всего долженъ помнить ваше добро, батюшка.

— Какое это? Что я за латынь-то стою больше, чѣмъ за прилавокъ. Это еще дѣло не мудреное: что у кого болитъ, тотъ про то и звонить. Какъ самъ-то въ латинской кухнѣ побывалъ, такъ хочется и другихъ той-же похлебкой покормить. Ты, Лизавета Ивановна, материнскій долгъ исполнила; я тебѣ это въ глаза говорю, а другимъ и еще покрѣпче скажу.

— Благодарю васъ, батюшка.

— Ладно! А ты, Петръ Николаичъ, не забывай, что наука-то покрѣпче вашихъ капиталовъ, особенно московскихъ: кто наживетъ ее, тотъ ужъ въ конецъ не обанкрутится; хоть каменныхъ палатъ она можетъ и не дать, да и безъ хлѣба не оставитъ. Ваши-то вонъ какъ съ дымомъ въ трубу вылетятъ, такъ и праху отъ нихъ не остается... А ты крестъ свой неси, да и роптать не думай.

И отецъ понесъ тяжолый крестъ за мое увольненіе въ университетъ. Правда, хозяинъ-фабрикантъ вычиталъ данныя на это деньги только первый годъ, а другую половину долга на слѣдующее лѣто, въ день своихъ именинъ, простилъ въ видѣ награды за порядокъ, введенный отцомъ на фабрикѣ. Но прочія деньги непремѣнно нужно было уплатить, и я знаю, что всѣ онѣ были заплачены, хотя въ этотъ годъ отецъ получилъ меньше четырехъ-сотъ рублей ассигнаціями, а между-тѣмъ долженъ былъ сдѣлать немало издержекъ при поступленіи моемъ въ гимназію. Вещи же, заложенныя матерью, какъ помню, воротились домой года черезъ полтора, да и то не всѣ: паль и кольца пошли на уплату процентовъ.

XI.

Гимназія.—Битвы грековъ и троянъ.—Менторы и педагоги.—Московскій Гарунъ-аль-Рашидъ.

Въ концѣ лѣта я поступилъ въ гимназію, тогда единственную въ Москвѣ, и началъ каждый день путешествовать съ Басманной на Пречистенку. Это было еще при четырехъ-класномъ составѣ заведенія, ровно за годъ до преобразованія его по новому уставу графа Уварова. Такимъ-образомъ я засталъ гимназію въ всемъ блескѣ распущенности и пережилъ памятную эпоху ея перерожденія. Меня приняли по аттестату Трех-святительскаго училища безъ экзамена, и я очутился въ своеобразномъ мірѣ, о которомъ не имѣлъ до тѣхъ-поръ никакого понятія.

Старая гимназія составляла какою-то странную республику, управляемую наполовину законными положеніями, наполовину традиціонными обычаями. Нравы учащейся молодежи и отношенія къ ней гимназическаго начальства представляли какое-то смѣшеніе крайняго про-

извола съ неменѣе крайней терпимостью. Съ одной стороны не только директоръ и инспекторъ, но даже учителя могли бить и сѣчь учениковъ сколько угодно; съ другой стороны ученики спокойно оставались по пяти лѣтъ въ одномъ классѣ, играли во время уроковъ въ шашки, на изрѣзанныхъ въ клѣтку столахъ, и ходили на Москву-рѣку, лѣтомъ купаться, а зимою участвовать въ кулачныхъ бояхъ. Все это дѣлалось явно и почти не преслѣдовалось. Наказывали тѣхъ, кто являлся въ классъ съ мокрой головой и не зналъ урока; если-же ученикъ приходилъ съ синякомъ на лицѣ или съ подбитымъ глазомъ, то учитель только спрашивалъ иронически: вѣрно у васъ жарко было на рѣкѣ? Одинъ изъ педагоговъ самъ любилъ московскія битвы и нерѣдко сталкивался тамъ съ своими воспитанниками.

Битвы бывали и въ стѣнахъ гимназіи. Онѣ происходили между двумя непріязненными лагерями грековъ и троянъ, какъ называли у насъ приходящихъ учениковъ и пансіонеровъ. Не знаю, когда и какъ началась вражда этихъ партій, но я засталъ ее въ полной силѣ. Въ классахъ она выражалась соревнованіемъ въ наукахъ, внѣ классовъ въ кулачныхъ бояхъ. Та и другая сторона добивались, чтобы изъ среды ея вышелъ лучшій ученикъ и лучшій боецъ. И побоища устраивались почти каждую недѣлю. У приходящихъ въ то время не было гувернеровъ, а пансіон-

скіе надзиратели являлись только въ столовую, и такимъ-образомъ два часа между утренними и послѣобѣденными уроками мы проводили на всей своей волѣ. Враждебныя силы были почти одинакія, потому-что большинство своекошныхъ носило съ собою обѣдъ или питалось калачами и сбитнемъ у одного изъ гимназическихъ сторожей, который держалъ въ коридорѣ что-то въ родѣ буфета или харчевни.

Начинаясь схваткой маленькихъ на лѣстницѣ, которая вела изъ втораго въ третій этажъ, бой при вмѣшательствѣ болѣе взрослыхъ учениковъ становился серьезнѣе и по мѣрѣ успѣховъ той или другой партіи переходилъ въ классы либо въ дортуары. При этомъ у нашихъ грековъ и троянъ были конечно свои Ахиллы и Гекторы, пользовавшіеся громкой извѣстностью во всей гимназіи. У приходящихъ лучшимъ воителемъ считался нѣкто О... мальчикъ очень способный, который впоследствии былъ редакторомъ одного изъ московскихъ журналовъ.

Побоища наши кончились на другой годъ по вступленіи моемъ въ гимназію довольно печальной катастрофой. Въ одинъ прекрасный день намъ объявлено было, что драки строго запрещаются; но гимназисты сочли это нарушеніемъ священныхъ правъ своихъ и на той-же недѣлѣ устроили обычную потѣху. Во время разгара битвы неожиданно явился инспекторъ и переписалъ человѣкъ

двадцать главныхъ героевъ, а на другой день ихъ позвали въ залу и половину жестоко наказали, другую исключили изъ заведенія. Въ числѣ послѣднихъ былъ и нашъ Ахиллъ О... Тогда-же приняли и другія мѣры: классныя столы перекрасили и каждому ученику назначили опредѣленное мѣсто, за которое онъ долженъ былъ отвѣчать, а на Москву-рѣку стали посылать въ жаркіе дни надзирателя со сторожами ловить купальщиковъ. Впрочемъ облавы эти ни къ чему не вели, потому-что мы выставляли обыкновенно часового и при тревогѣ выскакивали изъ воды, хватали свое платье и спасались по лѣснымъ гонкамъ, которыми постоянно заставлена была рѣка. Промежутки между плотами мы переплывали, держа пожитки надъ головою: благодаря практикѣ, всѣ приходящіе гимназисты прекрасно плавали.

Персоналъ нашего гимназическаго начальства и учителей былъ очень характерный. Директоръ, отставной военный, жилъ въ заведеніи, но почти не ходилъ въ классы, и мы видали его только на экзаменахъ да въ то время, когда въ гимназію пріѣзжалъ какой-нибудь высокій посѣтитель. Появленіе его на какомъ-нибудь урокѣ было случаемъ необыкновеннымъ, о которомъ говорили во всей гимназіи, да и приходилъ онъ кажется только затѣмъ, чтобъ повидаться съ учителями и рассказать имъ какую-нибудь новость или анекдотъ. О занятіяхъ нашихъ онъ

никогда не спрашивалъ и учениковъ не наказывалъ, при самыхъ даже nepозволительныхъ выходахъ и шалостяхъ. Мы считали его совершенно постороннимъ челоѡкомъ.

Не таковъ былъ инспекторъ. Онъ ходилъ по классамъ два и три раза въ недѣлю и въ каждый визитъ сѣкъ по нѣсколько учениковъ. Но эти расправы дѣлались всегда безъ толку: онъ не бралъ на себя труда разобрать дѣло, и правыхъ попадалось столько-же, какъ виноватыхъ, а потому наказаніе было чистой лотереей и не имѣло никакого вліянія на исправленіе дѣтей. Зачинщикъ шалости, при нѣкоторой ловкости, обыкновенно ускользалъ и за него расплачивались тѣ, которые раньше другихъ попадались на глаза инквизитору. Благодаря такому правосудію, у насъ прозвали его Шемякою. Одно время за отсутствіемъ учителя, инспекторъ преподавалъ намъ минералогію и при этомъ оказался такимъ-же оригинальнымъ педагогомъ, какъ и администраторомъ. Онъ приходилъ въ классъ въ сопровожденіи сторожа, который несъ большой ящикъ, наполненный камнями. Начиналось монотонное чтеніе о свойствахъ того или другаго минерала, съ указаніемъ на его плотность, изломъ, цвѣтъ или кристаллизацію. Затѣмъ вызывались къ кафедрѣ двое учениковъ для повторенія только-что объясненнаго урока. При этомъ нашъ натуралистъ бралъ обыкновенно камень, подносилъ его къ самому носу мальчика и спрашивалъ: это

*

что такое?—Песчаникъ! отвѣчаетъ, напримѣръ, гимназистъ.—Врешь: это тяжелый шпатель! возражаетъ наставникъ и въ ту-же минуту даетъ камнемъ ударъ по лбу невнимательнаго ученика, который такимъ-образомъ и знакомится наглядно съ изломомъ и плотностью изучаемаго минерала и надолго удерживаетъ въ памяти его наружныя свойства.

Я помню нашъ экзаменъ изъ минералогіи. Мѣсто инспектора занялъ молодой учитель, кроткій, вѣжливый, который краснѣлъ передъ учениками, какъ дѣвушка. Онъ поступилъ не задолго передъ каникулами, и видя, что мы знаемъ немного, всѣми силами старался облегчить насъ. Но это не помогало. Случилась забавная сцена, когда вызвали одного изъ такъ-называемыхъ стариковъ, который во время уроковъ минералогіи занимался обыкновенно на задней скамьѣ работой маленькихъ мышеловокъ.

— Скажите, что такое кремень? спрашиваетъ учитель мягкимъ, какъ-бы заискивающимъ голосомъ.

— Кремень, отвѣчаетъ басомъ массивный юноша съ сильно проступающими усами: есть минераль... твердый, черного цвѣта.

— Хорошо-съ. Въ какомъ видѣ онъ находится?

— Онъ находится... въ видѣ кристалловъ...

— Нѣтъ: кремень не имѣетъ кристаллизаціи, ласково

останавливаетъ его минералогъ: онъ попадаетъ обыкновенно въ видѣ кругляковъ.

— Я такъ и хотѣлъ сказать, басить ученикъ: камень есть камень чернаго цвѣта и попадаетъ въ видѣ кругляковъ...

— Довольно-съ. Я васъ спрошу другое. Какого цвѣта, скажите, изумрудъ?

— Изумрудъ, продолжаетъ ученикъ, тяжело раскачиваясь съ ноги на ногу: бываетъ большею частію... преимущественно... цвѣта малиноваго...

— Не правда! возражаетъ чуть не со слезами натуралистъ: изумрудовъ малиноваго цвѣта нѣтъ.

— Я сбился... это бирюза большею частію малиновая... а изумрудъ бываетъ... чаще...

— Бирюза имѣетъ голубой цвѣтъ, а изумрудъ ярко-зеленый-съ.

— Я и говорю такъ. Изумрудъ бываетъ преимущественно ярко-зеленаго цвѣта...

— Да-съ... Но вы этого не знали! шепчетъ краснѣя учитель.

— Какъ-же не знаю? я вѣдь отвѣчалъ о кремнѣ безъ ошибокъ и про алмазъ... то-есть изумрудъ, говорилъ. Позвольте повторить... я всѣ билеты приготовилъ.

— Ну, хорошо .. скажите: что такое янтарь?

— Янтарь, забасилъ опять юноша, трянувъ головой: есть камень, добываемый въ Персїи...

— Янтарь совсѣмъ не камень-съ, жалобно возражаетъ натуралистъ: это горючее вещество.

— Я думалъ, вы спрашиваете про камни; а это я знаю... Янтарь есть вещество горючее... онъ горить на огнѣ...

— Довольно: вы этого не знаете.

— Я училъ... я приготовилъ.

— Садитесь на мѣсто!

— Сколько балловъ вы мнѣ поставите?

— Я поставлю вамъ двойку.

— За что-же? я на пять готовился, я все знаю...

— Нѣтъ-съ, вы не все знаете, говоритъ учитель нѣжнымъ голосомъ любящей матери.

— Вѣдь я отвѣчалъ про кремень безъ пропусковъ, только на янтарѣ немного сбился въ началѣ, а потомъ я все зналъ... Какъ-же двойку... я прежде пять получалъ!...

Но директоръ, который все это спокойно выслушивалъ, отослалъ старика на мѣсто, и въ уваженіе того, что онъ просидѣлъ уже три года въ классѣ, ему поставили три балла.

Метода преподаванія была въ гимназїи такъ-же разнохарактерна, какъ и сами учителя. Одни предметы, какъ

напримѣръ латинскій языкъ и математика, преподавались прекрасно и вполне практично, въ другихъ господствовала рутина, доходившая до безобразія и комизма. Разскажу, какъ мы изучали, напримѣръ, географію. Войдя въ классъ, учитель вызывалъ обыкновенно двухъ или трехъ учениковъ къ законченной и исчерченной картѣ и спрашивалъ у нихъ по книгѣ заданный урокъ сначала до конца. Затѣмъ онъ провозглашалъ громогласно: — къ слѣдующему уроку Франція... отмѣчайте! — Мы раскрывали учебникъ и брали карандаши, чтобы отчеркивать, какія мѣста должны заучиваться и что можно пропускать. По этому предмету между преподавателемъ и учениками открывалась упорная борьба. Опредѣливъ съ пропусками границы, климатъ и число жителей, мы добирались до рѣкъ; и тутъ учитель громко выкрикивалъ:

— Сена!... Луара!... Гаронна!...

— Довольно! говорили мы, подчеркнувъ эти названія въ книгѣ.

— Еще нужно! возражалъ географъ: — Рона!

— Позвольте ее пропустить, слышался голосъ.

— Нельзя: это важная рѣка! Подчеркивайте: — Рона!... Шельда!...

— Будетъ! кричали хоромъ ученики! Шельды не нужно... ее трудно заучить. И безъ нея уже четыре рѣки;

мы въ Испаніи учили только три... тамъ и Гвадалквивиръ пропустили...

И мы останавливались на Ронѣ и пропускали трудную Шельду. Такъ-же уничтожали мы горы и сокращали естественныя произведенія. Но споры возникали особенно при отмѣткѣ городовъ и ихъ «достопримѣчательностей.» Обѣ стороны горячо боролись за всякій важный городъ.

— Отмѣчайте Парижъ! кричалъ наставникъ голосомъ ослабѣвшимъ уже въ борьбѣ за горы и рѣки. И Парижъ сдавался ему безъ сопротивленія, хотя при этомъ и сокращались кое-какіе изъ его памятниковъ и окрестностей.

— Ліонъ!... Марсель!... Бордо!... продолжалъ учитель. И эти города уступались ему безъ бою.

— Реймсъ!... Орлеанъ! выкрикивалъ онъ.

— Довольно! Орлеана и Реймса не нужно! слышалось съ заднихъ скамеекъ.

— Это замѣчательные города, возражалъ географъ: въ Реймсѣ коронуются французскіе короли, а подъ Орлеаномъ прославилась Іоанна д'Аркъ.

— Мы про это будемъ учить въ исторіи.

— И здѣсь нужно... подчеркивайте!

— Такъ позвольте Марсель пропустить.

— Нельзя: это важнѣйшая гавань во Франціи.

— У насъ написано, что самый важный городъ — Ліонъ?

— То въ другомъ отношеніи... по фабрикамъ.

— Этого слишкомъ много... мы не запомнимъ...

— Перестаньте! я запишу, кто кричитъ... Отмѣчайте дальше: Руанъ!..

— Да когда-же это кончится! Мы ужъ шесть городовъ замѣтили...

— Этого нельзя пропустить... Руанъ по хлопчато-бумажному производству—второй Манчестеръ...

— А гдѣ-же первый?

— Въ Англіи.

— Мы лучше англійскій выучимъ.

— И этотъ нужно.

— Такъ позвольте Орлеанъ и Бордо выкинуть: ихъ очень трудно запомнить.

— Я вамъ говорю, что это важные города.

— Что-жъ такое? Нельзя-ли хоть Парижъ сократить? Объ немъ слишкомъ много... Палэройяль можно выкинуть и Лувра не нужно: онъ похожъ на Луару... Позвольте зачеркнуть шелковыя фабрики въ Ліонѣ!

И послѣ упорной борьбы, намъ обыкновенно удавалось отбить нѣкоторые города или по-крайней-мѣрѣ порядочно сократить ихъ «достопримѣчательности». Но во время этихъ споровъ мы запоминали пропущенное лучше, нежели то, что слѣдовало учить. Затѣмъ обѣ воюющія стороны отдыхали, за-исключеніемъ троихъ дежурныхъ уче-

никовъ, которые должны были идти къ картѣ, чтобы отыскивать и подчеркивать на ней отмѣченныя въ книгѣ мѣстности. Это дѣлалось такъ. Одинъ изъ учениковъ читалъ: рѣка Рона! городъ Марсель! и затѣмъ всѣ трое принимались искать ихъ такимъ-образомъ, что одинъ подвигался пальцемъ по картѣ съ сѣвера, другой съ юга, а третій съ права или слѣва, и шарили до-тѣхъ поръ, пока не находили искомую мѣстность, которую тотчасъ-же и подчеркивали карандашемъ. Случалось, что какой-нибудь пунктъ долго не отыскивался на перепачканной картѣ, и тогда наши пионеры обращались къ учителю съ заявленіемъ:

— Лиона нѣтъ во Франціи!

— Не можетъ быть, чтобъ не было! возражаетъ наставникъ.—Ищите: онъ долженъ быть на юго-востокѣ, при сліяніи рѣкъ Роны и Саоны.

— Какая Саона? Ее пропустили, она не отмѣчена.

Тогда нашъ географъ самъ подходилъ къ картѣ, находилъ затерянный городъ, и мы его отчеркивали.

Продѣлки съ учителями были очень разнообразны: на нихъ истощалась вся наша изобрѣтательность и остроуміе. Жертвами этихъ постоянныхъ проказъ большею частію бывали преподаватели нѣмецкаго и французскаго языковъ: ихъ сердили и мучили безпрестанно и безпощадно. Бывали и русскіе учителя, съ которыми посту-

пали не лучше. Иногда шалости дѣлались единственно только для удовольствія товарищей. Я помню одну продѣлку мою съ учителемъ космографіи, придуманную въ угожденіе классу. Учитель этотъ при началѣ курса далъ намъ тетрадку, составленную въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, и замѣтилъ притомъ, что мы можемъ разсказывать уроки своими словами. Мнѣ пришлось отвѣчать.

— Скажите, спросилъ онъ: какъ опредѣляется широта мѣста?

— Чтобы опредѣлить широту какого-нибудь мѣста, отвѣчаю я буквально по тетради: подведи экваторъ подъ неподвижный кругъ, отсчитай градусы на меридіанѣ, проходящемъ...

— Пойдите, говоритъ учитель: не надобно такъ заучивать, вы разсказывайте своими выраженіями.

— У насъ такъ написано! возражаю я съ видомъ полной наивности.

— Знаю. Но я просилъ васъ передавать отвѣтъ въ другихъ словахъ? Можете это сдѣлать?

— Могу.

— Такъ отвѣчайте.

— На какой вопросъ?

— Я васъ спрашиваю: какимъ-образомъ опредѣляютъ широту?

— Подведи экваторъ подъ неподвижный кругъ, читаю я скороговоркой: отсчитай градусы на меридіанѣ...

— Опять то-же! останавливаетъ меня учитель, начиная уже замѣтно сердиться. — Развѣ вы не поняли, что я вамъ сказалъ?

— Понялъ, отвѣчаю я простосердечно.

— Я вамъ повторяю, чтобъ вы измѣнили рассказъ. Вѣдь вы грамматикѣ учились?

— Учили.

— Такъ выражайтесь въ изъяснительномъ наклоненіи: не читайте — подведи, а говорите — слѣдуетъ подвести, должно отсчитывать. Понимаете?

— Понимаю.

— Ну, отвѣчайте-же.

— О чемъ?

— Да то-же—опредѣленіе широты.

— Чтобъ опредѣлить широту мѣста, выкрикиваю я учебнымъ голосомъ,—подведи экваторъ подъ неподвижный...

Космографъ вскакиваетъ со стула, къ удовольствію моихъ товарищей, а я стою въ полномъ сознаніи своей правоты.

— Господи, какъ они неразвиты! кричитъ учитель, шагая по классу: самыхъ простыхъ вещей не понимаютъ. Это ужасно! Лучше въ каторгѣ быть, чѣмъ съ вами заниматься. Ребенокъ вы что-ли? продолжаетъ онъ, обращаясь ко мнѣ: отъ кормилицы видно еще не отняли!

— Я знаю урокъ! шепчу я: у насъ такъ написано.

— Ну, что-жъ что написано! горячится сильно покраснѣвшій учитель: неужели вы не можете измѣнить самой пустой фразы! Это сдѣлаетъ всякій мальчишка въ деревенской школѣ. Ну, что за хитрость обратить повелительную форму въ разсказъ. Трудно что-ли?

— Я училъ.

— Говорите-же, какъ я вамъ приказываю.

— На тотъ-же вопросъ?

— Ну, да!

— Чтобъ опредѣлить широту какого-нибудь мѣста, подведи экваторъ подъ неподвижный кругъ, отсчитай градусы...

— Пошелъ на мѣсто! кричитъ выведенный изъ терпѣнія учитель. Онъ ставитъ мнѣ поль, стучить кулакомъ по каедрѣ и говоритъ, едва переводя дыханіе: — Экіе попугаи! Боже мой, что за тупицы! Кажется, вотъ это дерево скорѣе продолбишь, чѣмъ такія головы.

Я иду на мѣсто съ наивно-печальнымъ видомъ и ворчу:—я знаю урокъ... я отвѣчалъ, какъ у насъ написано!—А разъяренный космографъ подбѣгаетъ къ окну и обмахивается платкомъ, къ крайнему удовольствію всего класса, заинтересованнаго этой веселой сценой.

Но не всѣ учителя были предметомъ такихъ потѣхъ. Съ иными мы никогда не шутили, отчасти потому, что

знаніемъ дѣла, твердостью и справедливостью они умѣли внушить къ себѣ уваженіе, а частію и оттого, что всякая выходка противъ нихъ, какъ мы знали, не осталась-бы безнаказанною. Таковы были преподаватель латинскаго языка Л. А. Лейбрехтъ и учитель математики П. Н. Погорѣльскій. Общей любовью пользовался также преподаватель русской словесности, Василій Ивановичъ О... Это былъ человѣкъ умный, ученый, но странный, хотя и очень симпатичный. Большой знатокъ литературы и даже самъ литераторъ, онъ любилъ гимназію какъ родную семью и крѣпко стоялъ за способныхъ учениковъ. Благодаря его заступничеству, многіе шалуны избавлялись отъ розогъ и изгнанія.

Въ жизни Василій Ивановичъ былъ философъ и немножко циникъ. Въ казенной квартирѣ его, куда мы иногда приходили за справками или съ какой-нибудь просьбой, всегда былъ страшный хаосъ. Комнатъ никогда не мели и не убирали; въ густыхъ слояхъ пыли вездѣ набросаны были книги, по стульямъ и окнамъ, на полу и на диванѣ, который въ тоже время служилъ и постелью. Понятно, что въ подобной берлотѣ нельзя было спать безъ персидскаго порошка, но такъ-какъ порошокъ этотъ еще не былъ извѣстенъ, то нашъ педагогъ залѣзалъ на сонъ грядущій въ большой холщевой мѣшокъ, какъ шелковичный червь въ коконъ, и лакей завязывалъ его

подъ шеей. Въ гимназіи рассказывали, будто однажды Василій Ивановичъ, повернувшись какъ-то неловко въ своей оболочкѣ, свалился съ дивана, не могъ докричаться крѣпко-заснуваго человѣка, и чтобъ разбудить его, катился клубкомъ въ переднюю черезъ всѣ четыре комнаты.

Съ этимъ чудакомъ то-же бывали исторіи, но въ другомъ родѣ, и онъ всегда умѣлъ давать имъ такой оборотъ, что никто изъ насъ не страдалъ, да и самъ онъ не терялъ въ нашихъ глазахъ. Между-прочимъ каждый ученикъ обязанъ былъ, разъ въ мѣсяцъ, разучить и прочесть въ классѣ какое-нибудь стихотвореніе по собственному выбору. Въ то время, кромѣ Пушкина, у насъ были особенно популярны Рылѣевъ и Полежаевъ. У рѣдкаго гимназиста не водилось тетрадки съ рукописными «Думами» и мелкими стихами послѣдняго поэта. Хотя сочиненія эти, какъ и самыя имена ихъ авторовъ, были въ то время запретными плодами, но мы нерѣдко читали ихъ въ классахъ. При этомъ Василій Ивановичъ обыкновенно хмурился и пряталъ подбородокъ въ свой широкий бѣлый галстукъ. Мы конечно замѣтили, что чтеніе этихъ «отреченныхъ» стиховъ ему не нравится, но нѣкоторые неугомонные ученики все-таки изрѣдка продолжали разучивать ихъ. Однажды вызванъ былъ тотъ самый старикъ, который отличился на экзаменѣ изъ минералогіи. На во-

прось, какіе онъ приготовилъ стихи, ученикъ пробасилъ:
«Пѣснь плѣннаго прокезца» Полежаева. Нашъ Вильменъ
сморщился, опустилъ въ галстукъ свой подбородокъ и
мрачно проговорилъ: читай! Массивный малый, переступя
съ ноги на ногу, началъ:

И умру! На позоръ палачамъ

Беззащитное тѣло отдамъ!

Но едва только онъ прочелъ эти два стиха, какъ Василій
Ивановичъ приподнялся, освободилъ подбородокъ и про-
декламировалъ тѣмъ-же тономъ, какъ и ученикъ:

Не умрешь! Но ужъ я сторожамъ

Твою шкуру подъ розги отдамъ!

Разумѣется, при этомъ весь классъ разразился хохотомъ. По окончаніи урока учитель позвалъ къ себѣ на квартиру человѣкъ пять учениковъ, которые чаще другихъ угощали его запрещенными стихотвореніями, и прочелъ имъ такую рѣчь: «Сорванцы! Что вы меня подчуετε Рылѣевымъ да Полежаевымъ? То-ли время теперь, чтобъ читать въ классахъ подобные стихи! Ну, если во время урока найдетъ кто-нибудь власть имущій! Въ петлю что-ли вы хотите или подъ красную шапку? Идите, коли нравится, да другихъ за собой не тащите. Какъ вы не подумаете, въ какую мы пору живемъ! Сорванцы!» Послѣ этого случая у насъ не читали больше въ классѣ ни Полежаева, ни Рылѣева.

Холерное время мы провели очень пріятно. Слухи о томъ, что изъ Персіи подвигается какая-то страшная холера-морбусъ, разошлись по Москвѣ еще за долго до появленія болѣзни и служили предметомъ общихъ толковъ. Но въ гимназіи никто объ этомъ не заботился; а когда заговорили, что при появленіи эпидеміи учебныя заведенія будутъ закрыты, то у насъ начали ожидать холеру, какъ желанную гостью. Наконецъ она показалаcя въ городѣ — и насъ тотчасъ-же отпустили и притомъ на неопредѣленный срокъ. Большинство побѣжало по домамъ съ радостными лицами, точно при какомъ-нибудь праздниѣ.

Москва съ каждыиъ днемъ становилась мрачнѣе. Люди ходили съ озабоченными лицами, въ домахъ пахло хлоровой извѣстью, по улицамъ чаще обыкновеннаго двигались похоронныя процесіи. Показался періодическій листокъ, съ бюлетенями о числѣ заболѣвшихъ и выздоравливающихъ, но ему плохо вѣрили. Въ нашемъ домѣ во все холерное время умеръ только одинъ жилецъ-книгопродавецъ, который снабжалъ меня книгами изъ своей лавки.

Но по сосѣдству съ нами холера вырвала много жертвъ, и въ томъ числѣ кончилъ земное поприще замѣчательный оригиналъ — князь Циціановъ. Это былъ чудакъ, который въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ игралъ въ Москвѣ роль какого-то Гарунъ-аль-Рашида, въ каче-

ствѣ исправителя народныхъ нравовъ. Почти каждый день одѣвался онъ въ истертый и заплатанный костюмъ и выходилъ изъ дому, больше похожій на лакея, чѣмъ его ливрейный лакей, который обыкновенно шелъ въ нѣсколькихъ шагахъ за бариномъ. Въ этомъ видѣ ходилъ онъ по рынкамъ и лавкамъ, въ разныхъ частяхъ города, и если встрѣчалъ гдѣ-нибудь обманъ или грубость, то распахнувъ сюртукъ, подъ которымъ виднѣлась орденская звѣзда, собственноручно наказывалъ виноватаго, либо писалъ записку къ оберъ-полицмейстеру, и несчастного тотчасъ-же притягивали къ отвѣту. Одна изъ продѣлокъ этого чудака разыгралась передъ нашей гимназіей, не задолго до появленія холеры. На Пречистенкѣ была мелочная лавочка, куда мы часто бѣгали покупать бумагу, карандаши или что-нибудь съѣстное. Лавочникъ былъ мужикъ бойкій и очень дерзкій. Когда кто-нибудь изъ насъ не платилъ долгу, онъ останавливалъ на улицѣ и отнималъ книги.

Однажды мы застали его въ большой тревогѣ: онъ ходилъ взадъ и впередъ по лавкѣ, размахивалъ руками и чуть не плакалъ.

— Что съ тобой, Иванъ Ивановичъ? спрашиваемъ мы.

— Охъ, бѣда, голубчики! говоритъ онъ.

— Какая бѣда?

— Сей-часъ у меня Тиціановъ былъ.

— Ну, такъ что-же?

— Да вѣдь напасть-то какая вышла! Входитъ стари-
чишка, плюгавый, обципаный, и спрашиваетъ шнурокъ
для часовъ.—Какіе у него часы? думаю. Показаль одначе,
да признаться дорогонько запросилъ, а онъ вертѣль—
вертѣль да и сулитъ впятеро дешевле настоящей цѣны.
Меня грѣхъ и попутай: вырвалъ я у него шнурокъ-то и
говорю: ты видно, хамово отродье, не покупаешь, а
только присматриваешься?

— Что-жъ онъ?

— А онъ подошелъ къ дверямъ, позвалъ лакея да и
говорить ему:—Скажи-ка, кто я такой называюсь?—Сія-
тельный князь Тиціановъ! отвѣчаетъ лакеишко-то.—У меня
такъ сердце и защемило. А сюртученко у старика отпах-
нулся, и подъ нимъ звѣзда кавалерская оказалась. Я ему
въ ноги, а онъ посторонился и говорить мнѣ:—Это, гос-
подинъ купецъ, мудрено порѣшить, кто изъ насъ отъ
Хама и кто отъ Ифета, а вы должны вѣжливы быть со
всеми потомками Ноя; пожалуйста мнѣ листокъ почтовой
бумаги да пакетъ!—Сѣлъ онъ къ прилавку-то, написалъ
письмо и своей печатью припечаталъ.—Снесите, гово-
рить, къ оберу-полицейстеру: онъ вамъ маленькое вну-
шеніе сдѣлаетъ!—А какое тамъ бываетъ внушеніе, я
знаю: вонъ калачника у Пречистенскихъ-воротъ, по за-
пискѣ его, такъ вздули, что и Боже упаси. Ой, бѣда!

— Да ты не относи письма!

— Не носить? да тогда еще хуже будетъ. Вѣдь и калачникъ-то не пошелъ, а за нимъ на третій день изъ полиціи прислали, да за неповиновеніе еще лишняго пару поддали. Ахъ, горе какое!

— Такъ сходи къ Циціанову, поклонись и попроси прощенія.

— Ужъ я и то кланялся-кланялся, а онъ и резоновъ никакихъ слушать не хочетъ. Господи, какой грѣхъ!

Бѣдному Ивану Иванычу удалось однакожъ поправить дѣло въ канцеляріи оберъ-полицмейстера, кажется посредствомъ какого-то приношенія. Но урокъ послужилъ ему въ пользу: онъ сталъ гораздо вѣжливѣе съ своими кліентами, и напоминая намъ о долгахъ, не отнималъ ужъ больше книгъ.

Надъ гимназіей холерная гроза прошла благополучно. Когда мы собрались въ классы, оказалось, что изъ всей массы учащихся умеръ только одинъ.

XII.

ШКОЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Ворона и лисица. — Откуда Пушкинъ взялъ сюжетъ Мѣднаго-всадника. — Отъѣздъ изъ Москвы.

Въ нашемъ классѣ мало-по-малу развилась любовь къ литературѣ, за что онъ и пользовался больше другихъ расположеніемъ Василя Ивановича. Помимо обязательныхъ занятій, мы много читали, такъ-что намъ знакомы были всѣ капитальныя новости. Классъ выписывалъ въ складчину нѣсколько журналовъ и прибрѣталъ лучшія книги. Каждый ученикъ вносилъ ежемѣсячно сколько могъ въ общую кассу, потомъ большинствомъ голосовъ рѣшали что слѣдуетъ купить, и когда книга была всѣми прочитана, ее разыгрывали въ лотерею. Сборъ этотъ шелъ на новыя покупки, а выигранными книгами мы обыкновенно мѣнялись, и всякій подбиралъ библіотеку по своему вкусу. У меня такимъ-образомъ накопилось больше двадцати томовъ.

Но литературныя занятія наши не ограничивались чтеніемъ: кромѣ класныхъ упражненій въ сочиненіяхъ на задаваемыя темы, мы не мало писали и для себя. У насъ появились рукописные журналы и альманахи съ болѣе или менѣе вычурными заглавіями, въ которыхъ помѣщались не только стихи и рассказы, но и статейки полемическія. Все это конечно отличалось дѣтской незрѣлостью и было только подражаніемъ литературнымъ знаменитостямъ того времени, но приносило и нѣкоторую пользу. Одинъ, желая писать стихи, изучалъ законы стихосложенія, другой задумывалъ историческую повѣсть и рылся для того въ лѣтописяхъ, третій вчитывался въ рассказы Пушкина и Марлинскаго, что-бы уловить особенности ихъ слога, а иные налегали на языки, съ цѣлью переводить что-нибудь для класныхъ изданій.

Но эта литературная дѣятельность была не продолжительна: гимназическіе журналы и альманахи прекратились по случаю одной катастрофы. Нужно сказать, что читателей нашихъ особенно интересовали статьи изъ гимназическаго быта, рассказы о класныхъ приключеніяхъ и характеристики учителей. Подобныя сочиненія расходились по всему заведенію. Въ этомъ родѣ больше другихъ отличался мой товарищъ по училищу Трехъ-мучителей, Коля Соколовъ, который поступилъ въ гимназію въ одно время со мною. Въ класныхъ изданіяхъ онъ

обыкновенно помѣщались сцены изъ нашего учебнаго міра, гдѣ главную роль игралъ кто-нибудь изъ педагоговъ. Однажды онъ предложилъ мнѣ писать вдвоемъ водевилъ изъ нашего гимназическаго быта. Я согласился. Мы придумали сюжетъ и принялись за работу. Конечно это была дѣтская шалость, безъ всякаго литературнаго достоинства, но въ ней передавалось много интересныхъ для насъ подробностей и учителя представлялись съ подмѣченными у нихъ привычками и любимыми поговорками; а потому комедія наша при появленіи въ рукописномъ альманахѣ имѣла огромный успѣхъ: ее начали переписывать, и скоро она распространилась по всей гимназій. Одинъ изъ такихъ списковъ попался инспектору, и такъ-какъ авторы не думали скрываться подъ какими-нибудь псевдонимами, то ихъ тотчасъ-же открыли. Только энергическое заступничество Василя Ивановича спасло насъ отъ изгнанія: онъ хлопоталъ у директора и учителей, представляя нашу выходку не столько преступной, какъ необдуманной шалостью. Гроза прошла, но вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и наши класныя изданія. Мнѣ было непріятно то, что проказа эта встревожила мою мать, которая умоляла меня прекратить знакомство съ Соколовымъ, и къ большой радости ея скоро взяли его изъ гимназій. Впослѣдствіи онъ писалъ для театра, и водевили его съ успѣхомъ давались на московской сценѣ.

Литературныя наклонности наши вскорѣ нашли однакожь другое поприще. Въ то время нѣкоторые московскіе книгопродавцы занимались промысломъ, который возникъ благодаря простотѣ читающей публики и затруднительному полученію книгъ въ провинціи. Они поддѣлывали сочиненія, пользовавшіяся особеннымъ успѣхомъ. Были, напримѣръ, въ ходу «Повѣсти и рассказы А. Марлинскаго», и спекуляторъ-книгопродавецъ выпускалъ на писанныя по его заказу какія-то „Повѣсти и рассказы А. М—го“, сбывая этотъ суррогатъ за сочиненія любимого тогда беллетриста. Явились „Фантастическія путешествія Барона Брамбеуса“ — и другой аферистъ, не долго думая, печаталъ тощія книжонки подъ заглавіемъ: „Путешествія Барона Бrameуса“, причемъ довѣрчивые покупатели не замѣчали пропуска одной буквы въ имени автора и попадались на удочку. Одинъ изъ такихъ промышленниковъ предложилъ моему товарищу О... написать романъ въ трехъ частяхъ, подъ названіемъ „Черная Женщина“, чтобъ сбывать его вмѣсто извѣстнаго сочиненія Греча, которое только-что появилось въ продажѣ и сильно раскупалось. За романъ книгопродавецъ давалъ пятнадцать рублей ассигнаціями, но съ условіемъ, чтобъ онъ былъ оконченъ въ двѣ недѣли. О... пригласилъ меня и Колю Соколова въ сотрудничество, и мы втроемъ взяли этотъ подрядъ. Въ классѣ-же мы придумали сюжетъ ро-

мана, опредѣлили ходъ фабулы, намѣтили порядокъ сценъ, окрестили именами дѣйствующихъ лица, и затѣмъ каждый принялся писать свою часть. Работа готова была къ назначенному сроку и передана заказчику. Можно представить, что это было за произведение! Мы едва успѣли прочесть его и сгладить самыя рѣзкія противорѣчія. Но спекулянтъ-книгопродавецъ остался доволенъ: ему нужно было только заглавіе да приличное количество печатныхъ листовъ, и онъ не прибавилъ-бы лишняго рубля, еслибы вмѣсто дѣтскаго писанья предложили ему какое-нибудь художественное произведение. Я получилъ на свою долю пять рублей, и это былъ мой первый литературный гонорарій.

У этого патрона-книгопродавца, который вскорѣ заказалъ мнѣ довольно объемистый переводъ, я встрѣтилъ одного изъ курьезныхъ московскихъ оригиналовъ. Это былъ отставной генералъ К... Неизвѣстный до-тѣхъ-поръ въ литературѣ ни одной печатной строкой, онъ вдругъ издалъ полное собраніе своихъ сочиненій, кажется въ трехъ или четырехъ большихъ томахъ. Тутъ были стихотворныя издѣлія всевозможныхъ родовъ и рубрикъ — трагедіи и поэмы, оды и мадригалы, идилліи и комедіи, даже эпиграммы, въ которыхъ авторъ благодушно острилъ надъ самимъ собою — и все отличалось одинаковою бездарностью. Превосходительный поэтъ роздалъ свои книги на комиссію

книгопродавцамъ, каждый день ходилъ справляться о продажѣ ихъ, и каждый день въ лавкахъ повторялся одинъ и тотъ-же діалогъ.

— Какъ идутъ мои сочиненія? спрашивалъ К...

— Туго, отвѣчалъ книгопродавецъ.

— Сколько экземпляровъ продано?

— Ни одного-съ!

Генераль садился, бралъ томъ своихъ произведеній, и какъ-скоро кто-нибудь приходилъ въ лавку, обращался къ посѣтителю съ вопросомъ: читалъ-ли онъ эти сочиненія? Конечно при этомъ ему случалось нерѣдко выслушивать отзывы, не совсѣмъ лестные для авторскаго самолюбія. Видя, что издѣлія его идутъ „туго“, онъ по примѣру пресловутаго графа Хвостова началъ посылать лавкеевъ покупать свои книги и такимъ-образомъ съ удовольствіемъ слышалъ, что онѣ наконецъ пошли.

Этой невинной слабостью превосходительнаго пѣвца воспользовался одинъ актеръ московскаго театра С-нъ.

Узнавъ о продѣлкахъ чудака, онъ пришелъ къ нашему книгопродавцу и просилъ позволенія читать въ лавкѣ генеральскія произведенія. Ему позволили это съ тѣмъ, чтобъ онъ не разрѣзывалъ экземпляра. К... явился по-обыкновенію узнать, какъ идутъ книги, и былъ пріятно удивленъ, когда увидѣлъ, что какой-то молодой человѣкъ сидитъ за томомъ его сочиненій, углубленный въ чтеніе съ самымъ

напряженнымъ вниманіемъ. Казалось, онъ не видалъ и не слыхалъ, что дѣлается вокругъ, и когда дошелъ до той половины листа, которая съ боковъ не была разрѣзана, чувство удовольствія смѣнилось на лицѣ его огорченіемъ, почти отчаяніемъ. Онъ повернулъ книгу передъ свѣтомъ, пытаясь разобрать напечатанное на оборотной сторонѣ листа, и опустил ее со слезами. Генераль былъ глубоко тронутъ.

— Что это вы читаете? спросилъ онъ, подходя къ С—ну.

— Сочиненія г. К..., отвѣчалъ грустно актеръ.

— Хороши?

— Какъ хороши? Да это чудная, удивительная поэзія! Вы не читали?

— Я авторъ этихъ бездѣлокъ.

При послѣднихъ словахъ молодой человѣкъ вытягивается передъ поэтомъ въ нѣмомъ благоговѣніи, и послѣ минутнаго восторженнаго молчанія, шепчетъ:

— Вы?... г. К...? Я не зналъ... Простите... Боже мой, какое счастье!

— Но у васъ неразрѣзанный экземпляръ... Вы, кажется, затрудняетесь въ чтеніи?

— Что-жъ дѣлать! Я человѣкъ небогатый... приобрѣсть книги не могу...

— Возьмите домой и читайте... Отпустите ему экзем-

плярь! говоритъ генераль, обращаясь къ книгопродавцу.

С—нъ разсыпался въ благодарностяхъ и принялъ даръ съ благоговѣніемъ индуся, получившаго священныя Веды отъ самого Брамъ. Дня черезъ два послѣ этого онъ отправился на домъ къ своему кумиру снова поблагодарить его за безцѣнный подарокъ. Генераль благосклонно принялъ его, выслушалъ опять кучу привѣтствій и восторговъ и спросилъ:

— Что-жъ, начали вы читать мои бездѣлки?

— Я дни и ночи сижу за вашими произведеніями и теперь оторвался отъ нихъ только затѣмъ, чтобы имѣть счастье выразить глубокую признательность мою вашему превосходительству.

— Какія-же изъ моихъ сочиненій больше понравились вамъ?

— Все, что я читалъ, одинаково прекрасно... Въ стихахъ вашихъ столько дивныхъ образовъ, такая чудная гармонія, что они невольно и неизгладимо остаются въ памяти... Какъ изумительно хороша, напримѣръ, эта элегія!

И аферистъ читаетъ на память цѣлое стихотвореніе. Генераль разумѣется въ восторгѣ, но его ждутъ впереди новыя наслажденія.

— А сколько высокой поэзіи въ несравненной поэмѣ вашего превосходительства! говоритъ гость: какая могу-

чая сила! какой алмазный стих! Можно-ли не восхищаться хоть этимъ описаніемъ?

Начинается новое патетическое чтеніе довольно объемистаго отрывка какой-то стихотворной галиматии превосходительнаго поэта.

— Но вы вѣрно еще не читали моихъ трагедій? спрашиваетъ сіяющій отъ радости генераль.

— Одну началъ... Это шекспировская вещь: какой высоко-драматическій сюжетъ, сколько движенія, какъ непостижимо рельефны характеры лицъ! Напримѣръ, эта чудная сцена!

И актеръ съ подобающимъ пафосомъ декламируетъ цѣлое явленіе изъ уродливой трагедіи. Восторженный авторъ хвалить при этомъ прекрасную память своего гостя; но тотъ скромно замѣчаетъ, что она способна удерживать только истинно-великія и глубоко-художественныя произведенія. Молодаго артиста оставляютъ обѣдать и просятъ не ограничиваться настоящимъ посѣщеніемъ.

Конечно онъ воспользовался приглашеніемъ, сталъ являться раза по два въ недѣлю и при всякомъ визитѣ читалъ генералу на память какія-нибудь его стихотворенія, причемъ безъ зазрѣнія совѣсти разсыпалъ имъ самыя восторженные похвалы. Такъ прошло около трехъ недѣль. Наконецъ въ одно изъ посѣщеній, прочтя генералу нѣсколько его издѣлій, С—нъ съ видомъ скромной дѣвушки, выска-

зывающей признаніе въ первой любви, заявилъ, что и самъ онъ съ нѣкотораго времени упражняется въ сочинительствѣ. Меценатъ снисходительно принимаетъ это извѣстіе и проситъ юнаго собрата прочесть что-нибудь изъ своихъ опытовъ. Гость краснѣетъ, отговаривается слабостью способностей и только по настойчивому требованію поэта робко начинаетъ чтеніе. Генерала ждалъ новый пріятный сюрпризъ: это было посланіе, въ которомъ выражалось удивленіе къ его собственному великому таланту. Другія стихотворенія начинающаго автора сложились также по поводу тѣхъ или другихъ генеральскихъ произведеній, и всѣ болѣе или менѣе исполнены были удивленіями и восторгами. Выслушавъ эти мадригалы, К... отозвался о нихъ очень благосклонно и высказалъ желаніе видѣть ихъ въ печати. Скромный юноша возразилъ, что и ему хотѣлось-бы издать свои опыты непременно съ посвященіемъ высокому патрону въ знакъ глубочайшаго къ нему удивленія, но на это потребуются значительныя издержки, которыхъ онъ не въ состояніи сдѣлать. Меценатъ, очарованный поэтомъ и его хвалебными гимнами, выразилъ готовность помочь ему и вручилъ двѣсти рублей на изданіе. Это и былъ тотъ кусокъ сыру, изъ-за котораго лисица ухаживала за превосходной вороной. Получа деньги, аферистъ больше не являлся и стиховъ своихъ не печаталъ.

Скоро посчастливилось мнѣ войти въ настоящій литературный кругъ. Въ послѣдній годъ моего гимназическаго ученія отецъ получилъ мѣсто управляющаго заводами у О. О. Кокошкина, директора московскихъ театровъ, автора и переводчика драматическихъ пьесъ и страстнаго любителя литературы. Мы переѣхали въ его домъ на Никитскомъ-бульварѣ, и я скоро познакомился съ этимъ умнымъ, любезнымъ и въ тоже время оригинальнымъ человекомъ.

Кокошкину было тогда лѣтъ семьдесятъ, но онъ молодился и франтиль какъ двадцатилѣтній юноша. Каждый день, въ завитомъ парикѣ, одѣтый по послѣдней картинкѣ, съ модной тросточкой въ рукахъ, онъ гулялъ передъ обѣдомъ на Тверскомъ-бульварѣ, лорнируя знакомыхъ и незнакомыхъ дамъ. Вечеромъ ѣхалъ онъ въ театръ, а оттуда въ англійскій клубъ или домой съ нѣсколькими пріятелями и артистами, которыхъ и угощалъ ужиномъ. Образованный, остроумный и со всѣми любезный, онъ былъ душею своего общества. Въ продолженіи всей зимы у него каждую недѣлю бывали литературные вечера или домашніе спектакли, но безъ малѣйшей примѣси того барскаго этикета и безумной пышности, какіе я видѣлъ на грѣпостномъ балетѣ князя Юсупова. На вечерахъ этихъ, куда я ходилъ безъ всякаго стѣсненія, удалось мнѣ видѣть многихъ извѣстныхъ въ то время писателей и ар-

тистовъ: тамъ Загоскинъ и Вельтманъ читали отрывки изъ своихъ романовъ, Мочаловъ и Щепкинъ декламировали сцены изъ Гамлета и Горе отъ ума. Пѣвцы и музыканты, наѣзжавшіе въ Москву, являлись обыкновенно въ домъ Кokoшкина, и мы знакомились съ ними прежде, чѣмъ они выступали передъ публикой.

Литературныя новости также дѣлались намъ извѣстными задолго, иногда за нѣсколько лѣтъ до появленія въ печати. Авторы либо сами читали ихъ на литературныхъ вечерахъ Кokoшкина, либо присылали ему списки. Такъ, напримѣръ, отрывки изъ „Мѣднаго Всадника“ я узналъ еще до кончины Пушкина, между-тѣмъ какъ поэма напечатана была послѣ его смерти. Мнѣ удалось даже списать одно мѣсто, и въ урокъ, назначенный въ гимназій для чтенія стиховъ, я продекламировалъ его въ классѣ. Василій Ивановичъ былъ очень доволенъ этимъ и просилъ дать ему копію. Онъ даже не безъ нѣкоторой зависти спрашивалъ меня о литературныхъ вечерахъ и спектакляхъ Кokoшкина.

Лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ этого, въ Петербургѣ мнѣ случилось услышать отъ другаго любителя литературы рассказъ о томъ, что подало Пушкину мысль написать „Мѣднаго Всадника“. Я былъ на экзаменѣ въ одномъ женскомъ заведеніи, которымъ въ то время завѣдывалъ графъ Михаилъ Юрьевичъ Вельгорскій. Дѣвицы экзаменовали

въ исторіи русской литературы. Графъ видимо интересовался этимъ предметомъ, предлагалъ вопросы, давалъ объясненія; а когда рѣчь зашла о писателяхъ пушкинскаго времени, то сообщалъ любопытныя свѣдѣнія, которыя неизвѣстны были ни воспитанницамъ, ни присутствующимъ на испытаніи. Это объясняется тѣмъ, что графъ лично былъ знакомъ съ лучшими дѣятелями литературной эпохи, которая гордится именами Жуковского, Грибоѣдова, Вяземскаго...

Въ то время, когда одна изъ дѣвицъ, говоря о сочиненіяхъ Пушкина въ эпическомъ родѣ, перечисляла главныя его поэмы и рассказывала между-прочимъ содержаніе «Мѣднаго-Всадника», Вельгорскій спросилъ меня: знаю-ли я, какой случай послужилъ основаніемъ этой повѣсти? Я отвѣчалъ, что ничего не слыхалъ объ этомъ, и графъ передалъ мнѣ рассказъ, который я приведу какъ можно точнѣе. Вотъ какъ это было.

Въ 1812 году, когда Наполеонъ шелъ къ Москвѣ, французскій корпусъ маршала Удино движеніемъ на Полоцкъ породилъ опасеніе за Петербургъ. Въ столицѣ поднялась тревога, и не только жители беспокоились, но и само правительство начало принимать мѣры на случай непріятельскаго вторженія. Въ соборахъ и церквахъ заготовляли ящики для укладки драгоценныхъ вещей, передъ Зимнимъ-дворцомъ стояли ряды перевозныхъ фур-

гоновъ, въ архивахъ связывали бумаги. Зная между прочимъ, что Наполеонъ любилъ вывозить изъ столицъ памятники, снялъ квадригу съ собора св. Марка, обобралъ картины въ дрезденской-галереѣ и хотѣлъ даже взять изъ Милана цѣлую стѣну съ Тайной Вечерью Леонардо-да-Винчи, у насъ стали опасаться, какъ-бы онъ не увезъ въ Парижъ и монументъ Петра Великаго.

Кто-то предложилъ, въ случаѣ серьезной опасности, снять фальконетовскую статую съ пьедестала, поставить на судно и отправить по Невѣ и Ладожскому-каналу въ одну изъ отдаленныхъ губерній. Государь одобрилъ эту мысль. Барка для перевозки памятника была приготовлена и стояла у набережной, подлѣ стараго Исакиевского-моста. Ждали только приказанія погрузить статую.

Императоръ Александръ жилъ тогда въ Елагинскомъ-дворцѣ и тамъ принималъ министровъ и выслушивалъ доклады. Туда-же ѣздилъ, а въ хорошую погоду ходилъ пѣшкомъ, бывшій въ то время министромъ духовныхъ дѣлъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. Послѣ одной изъ такихъ прогулокъ во дворецъ, онъ видѣлъ сонъ, который имѣлъ вліяніе на тогдашнее положеніе дѣлъ въ столицѣ, а впоследствии и на нашу поэзію. Вотъ, какъ, по словамъ графа Вьельгорскаго, рассказывалъ объ этомъ князь.

«Въ разгаръ отечественной войны, во время тревоги,

которая поднялась въ Петербургѣ при движеніи французовъ на сѣверъ, мнѣ приснилось однажды, будто я иду съ докладомъ къ государю на Елагинъ-островъ, по Большой Миліонной, въ направленіи отъ Зимняго-дворца. Казалось, это было рано утромъ, только-что стала заниматься заря. Весь городъ спалъ еще въ невозмутимой тишинѣ, и на улицахъ не видать было ни экипажей, ни пѣшеходовъ. Въ раздумьи о тяжелыхъ дняхъ, какіе переживало въ ту пору наше отечество, тихо шелъ я, опустья голову.

«Вдругъ позади меня, какъ-будто на Адмиралтейской-площади, раздался гулъ, точно отдаленный топотъ лошади. Онъ показался мнѣ какъ-то неестественно тяжелымъ, однакожь я не хотѣлъ обернуться и продолжалъ идти своимъ путемъ. Гулъ между-тѣмъ съ каждой минутой приближался, становился громче и отчетливѣе и отзывался какъ удары о камень нѣсколькихъ огромныхъ молотовъ. И вотъ въ домахъ, мимо которыхъ я проходилъ, начали звенѣть стекла, и самая мостовая какъ-будто колебалась. Стая испуганныхъ голубей торопливо пронеслась вдоль пустой улицы. Тутъ я обернулся и оцѣпенѣлъ въ удивленіи. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ меня, при сумрачномъ свѣтѣ ранняго утра, скакалъ огромный всадникъ на исполинскомъ конѣ, потрясающемъ всю ^{всю} окрестность

*

топотомъ своихъ тяжелыхъ копытъ. Я узналъ эту фигуру по величаво поднятой головѣ и рукѣ повелительно простертой въ воздухѣ. То былъ нашъ бронзовый Петръ на своемъ бронзовомъ конѣ. Въ изумленіи и страхѣ я остановился и преклонилъ голову. Плиты тротуара дрожали у меня подъ ногами. Державный всадникъ проскакалъ мимо меня съ величаво поднятымъ челою и распростертой рукою.

«Я пошелъ за нимъ слѣдомъ, и казалось не ускорялъ шаговъ, а между-тѣмъ ни на минуту не терялъ изъ виду чудеснаго ѣздока. Онъ проскакалъ къ Царицыну-лугу, повернулъ влѣво и поднялся на Троицкій-мостъ. Плашкоты всколыхались подъ тяжестью мѣднаго коня и погнали отъ себя широкія волны по гладкой поверхности Невы, освѣщенной первыми лучами лѣтняго солнца. Всадникъ пронесся по мосту, который изгибался подъ нимъ, словно придавленный колоссальный змѣй, и поскакалъ дальше черезъ Каменноостровскій-проспектъ. На улицахъ по прежнему не видать было ни людей, ни экипажей, и въ величавой тишинѣ слышался только потрясающій топотъ бронзоваго коня. А я безъ малѣйшей усталости все шелъ за чудеснымъ ѣздомъ.

„И вотъ онъ проскакалъ по аллеямъ Каменнаго-острова и спустился на Елагинъ, прямо ко дворцу, въ ко-

торомъ жилъ императоръ Александръ Павловичъ. Было уже совсѣмъ свѣтло, и деревья сверкали яркой зеленью. Всадникъ сдержалъ своего коня передъ главнымъ подъѣздомъ. Трепеща не столько отъ страха, какъ отъ чувства благоговѣнія, я опустился на колѣни въ нѣсколькихъ шагахъ, подъ густымъ навѣсомъ липы.

„Едва только бронзовый конь остановился, какъ двери во дворцѣ распахнулись, и императоръ Александръ, въ мундирѣ, съ андреевской лентою на груди, но съ непокрытой головою, показался у входа и началъ спускаться по ступенямъ къ своему чудесному гостю. Я хорошо видѣлъ лицо государя: оно было грустно и озабочено. Ускоренными шагами подошелъ онъ къ царственному всаднику, почтительно склонилъ передъ нимъ голову и какъ-будто ожидалъ его приказаній. Петръ Великій бросилъ на него быстрый и строгій взглядъ.

— „Ты соболѣзнуешь о Россіи! прозвучалъ его громкій и суровый голосъ, отъ котораго сердце забилося у меня съ удвоенной силой.

„Государь что-то отвѣчалъ своему державному предку, но такъ тихо, что я не могъ слышать ни слова и видѣлъ только, какъ слезы капали изъ кроткихъ глазъ Александра.

— „Не опасайся! сказалъ опять Петръ: пока я стою на

гранитной скалѣ передъ Невною, моему возлюбленному городу нечего страшиться. Не трогайте меня—ни одинъ врагъ ко мнѣ не прикоснется.

„При этихъ словахъ лицо государя видимо просвѣтлѣло, и онъ опять склонилъ почтительно голову.

„Мѣдный всадникъ повернулъ своего исполинскаго воя и поскакалъ назадъ съ величественно поднятымъ челомъ и рукой простертой въ воздухъ; а императоръ Александръ Павловичъ, проводя его глазами, медленно поднялся по ступенямъ лѣстницы и скрылся во дворцѣ. Гулъ тяжелаго топота замиралъ вдали. Я проснулся.“

Графъ Вьельгорскій прибавилъ, что князь Голицынъ на ближайшемъ докладѣ у государя разсказалъ ему свой чудесный сонъ. Разсказъ этотъ такъ подѣйствовалъ на императора, что онъ приказалъ отмѣнить всѣ распоряженія къ отправкѣ изъ Петербурга монумента Петра Великаго, и приготовленная для того баржа уведена была отъ набережной. А вслѣдъ затѣмъ побѣды Витгенштейна подъ Клястицами и Полоцкомъ успокоили встревоженную столицу.

Когда впоследствии пересказали этотъ сонъ Пушкину, онъ пришелъ въ восторгъ и долго повторялъ: какая поэзія! какая поэзія! Онъ признавался графу Вьельгорскому, что тогда-же началъ обдумывать содержаніе своего “ Мѣд-

наго Всадника,“ и хотя потомъ далъ поэмѣ другую идею и обставилъ ее иными подробностями, но при-всемъ-томъ видно, что интересный сонъ князя Голицына послужилъ главнымъ основаніемъ повѣсти.

Сближеніе съ Кокошкинымъ, помимо его литературныхъ вечеровъ и спектаклей, было для меня полезно еще тѣмъ, что онъ позволилъ мнѣ пользоваться своею обширною библіотекой. Здѣсь перечиталъ я всѣхъ нашихъ поэтовъ и романистовъ и познакомился съ классическими сочиненіями, которыя до-тѣхъ-поръ зналъ только по заглавіямъ или отрывкамъ. Къ сожалѣнію, обстоятельства скоро оторвали меня отъ этого дома. По выходѣ изъ гимназіи я долженъ былъ проститься съ родной Москвою и ѣхать въ петербургскій университетъ. Передо мной открывалась новая дорога, неизвѣстная, таинственная, населенная мечтами и призраками, но можетъ-быть потому именно и привлекательная.

О московской гимназіи, въ тотъ ея періодъ, когда она была организована по плану и уставу графа Уварова, я сохранилъ свѣтлое воспоминаніе. Конечно, заведеніе было еще далеко отъ совершенства; но его недостатки зависѣли отъ неискорененной еще распущенности, плохого персонала преподавателей, многолюдства классовъ, бѣдности пособій, а никакъ не отъ сущности самого ус-

тройства заведенія. Въ этомъ отношеніи, кажется, оно не оставляло желать ничего лучшаго. Гимназія была въ то время классическая, но въ той разумно-обдуманной мѣрѣ, въ той полнотѣ и стройности курса, при которыхъ изученіе древнихъ языковъ не подавляло другихъ предметовъ своей исключительностью.

Страсть къ постоянной ломкѣ и нововведеніямъ на долго испортила дѣло нашего гимназическаго образованія. Въмѣсто того, чтобы улучшать уваровскую гимназію, мы совсѣмъ ее разорили—изгнали древніе языки, вводили то законовѣдніе, то естественныя науки, и теперь, когда оказались печальные результаты нашего непостоянства, опять круто сворачиваемъ на прежнюю дорогу. Исторія гимназій останется навсегда печальнымъ памятникомъ нашего легкомыслія и произвола. Мы походимъ на того садовника, который, не справляясь съ почвой, сажаетъ дерево и ждетъ отъ него плодовъ въ тотъ-же день; но какъ этого не водится даже и въ сказкахъ, то онъ вырываетъ его съ корнемъ и сажаетъ новое дерево другой породы, а назавтра и его срубаетъ какъ бесплодное. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы уваровская гимназія, съ древними языками и математическими науками, не подверглась радикальной ломкѣ, а постепенно улучшалась на данномъ ей основаніи, то въ настоящее время уровень

воспитанія былъ-бы у насъ несравненно выше, и въ самомъ обществѣ не исчезла-бы традиція классическаго образованія, которое встрѣчаетъ теперь оппозицію не только въ полуразвитой массѣ, но и въ людяхъ просвѣщенныхъ.

II.

ПРОЦЕССЪ НАШИХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ.

II

ПРОЦЕССЪ НАШЕГО НАТЕНЕСТВІЯ

Трудно сказать, что пріятнѣе въ путешествіи: отъѣздъ или возвращеніе.

(Замѣтка туриста.)

Когда я былъ еще студентомъ, меня сильно тянуло за-границу. Бывало, лежа на кровати или играя на гармоні-флють въ маленькой комнаткѣ на Васильевскомъ-Островѣ, только и мечтаешь о томъ, какъ-бы побывать въ Германіи, посмотрѣть нѣмецкіе университеты, распить студентскій брудершафтъ съ берлинцами или гейдельбергцами, побродить въ Палэ-ройялѣ и поплясать съ гризетками въ Chaumière. Но я зналъ, что эти мечты такъ-же избыточны, какъ и грезы какой-нибудь пансіонерки о прекрасныхъ принцахъ и волшебныхъ дворцахъ. Изъ трехъ-сотъ рублей, что присылала мнѣ изъ деревни мать, никакой петербургскій студентъ, будь онъ скарденѣе Плюшкина и оборотливѣе Миреса, не собьетъ никогда денегъ на заграничную поѣзду. Да впрочемъ, въ тѣ годы и съ деньгами не далеко-бы уѣхалъ: попечительная власть не выпускала тогда молодыхъ людей изъ роднаго гнѣзда,

чтобы они вдали отъ ея родительскаго крылушка не утратили своей голубиной кротости.

Но вотъ я кончилъ курсъ и опредѣлился на службу въ Канцелярію. Мнѣ повезло: сразу сѣлъ я на мѣсто съ жалованьемъ въ 450 руб. Правда, что мать перестала уже присылать мнѣ деньги, и доходы мои увеличились немногимъ, но все-же увеличились. Я сталъ откладывать по-немногу остатки отъ жалованья. Мысль о поѣздѣ за-границу начала являться настойчивѣе. Собью денегъ, думалъ я, авось отпустить. Любимымъ чтеніемъ моимъ сдѣлались путешествія: въ журналахъ я прежде всего принимался за рассказы туристовъ, въ окнахъ эстампныхъ магазиновъ разсматривалъ виды иностранныхъ городовъ. На карту Европы я не могъ глядѣть безъ волненія, и слухъ объ открытіи какой-нибудь желѣзной дороги за-границею радовалъ меня, какъ улучшеніе въ собственномъ моемъ хозяйствѣ.

Каждый мѣсяцъ началъ я путешествовать въ Большую-Мѣщанскую съ убогими выладами моей денежной экономіи въ сберегательную-кассу. Страницы выданной мнѣ книжки стали наполняться цифрами. Переводы въ одинъ изъ петербургскихъ журналовъ увеличили мои ресурсы, такъ-что иной мѣсяцъ случалось мнѣ внести до 25 рублей. Мечты о поѣздѣ за-границу начали уже превращаться въ расчеты и соображенія; и когда въ концѣ втораго

года службы цифра моихъ вкладовъ въ ломбардъ перешла за четыре сотни, я серьезно принялся уже за справки и совѣты съ добрыми людьми. Прежде всего купилъ я у Исакова «Путеводитель Рейхарда», и цѣлыя ночи просиживалъ въ своей каморкѣ надъ этой книгою—чертилъ на картѣ проектъ будущей поѣздки, разсматривалъ планы городовъ, выписывалъ адреса отелей, изучалъ сравнительную цѣнность иностранной монеты.

Между-тѣмъ обстоятельства стали перемѣняться: заговорили объ уничтоженіи налога на заграничные паспорта, о предоставленіи полной свободы путешествовать кому угодно. Въ газетахъ списки отбѣзжающихъ становились все длиннѣе, и въ нихъ начали появляться даже имена студентовъ и мелкихъ чиновниковъ. Завѣтная мысль моя изъ фантастическаго бреда переходила въ область вѣроятнаго и возможнаго.

Я рѣшился просить отпуска. Но подъ какимъ предлогомъ? Директоръ нашъ былъ человѣкъ прежняго закала, одинъ изъ славной стаи тѣхъ начальниковъ-опекуновъ, которые смотрѣли на подчиненныхъ, какъ на лакеевъ, и всякое проявленіе въ нихъ человѣческой мысли считали преступленіемъ, бунтомъ. Пустить-ли онъ молодаго чиновника безъ уважительной причины шататься за-границей, чтобъ набраться тамъ вольнодумныхъ мыслей, научиться разсуждать о политикѣ и послѣ безъ уваженія отзывать-

ся о чинахъ и рангахъ. Единственное средство просить-
ся по болѣзни.

И вотъ, по заведенному въ нашей Канцеляріи порядку, я до подачи просьбы предварительно явился на личное объясненіе съ директоромъ. Сверхъ лысиной на головѣ и звѣздою на груди, олимпіецъ сидѣлъ за столомъ, передъ богатой серебряной чернилицей. Съ обычнымъ чиновничьимъ поклономъ предсталъ я передъ грознымъ властителемъ и почтительно объяснилъ, что по разстроенному здоровью желалъ-бы съ наступающей весною получить трехмѣсяч-
ный отпускъ для поѣздки на воды.

Олимпіецъ окинулъ меня превосходительнымъ взглядомъ и проговорилъ:

— Такъ недавно служите, и ужъ болѣнь?

— Что-жъ дѣлать, ваше... ство!

— Въ университетѣ что-ли, отъ наукъ? На три мѣ-
сяца нельзя, да и не зачѣмъ... въ Старой-Русѣ довольно
шесть недѣль.

— Я не въ Русу прошусь.

— Куда-же? на Кавказъ? видно денегъ бѣшеныхъ
много.

— Мнѣ необходимо ѣхать за-границу, ваше ... ство!

— За-границу! сказалъ олимпіецъ, сдвигивая брови
въ то грозное мановеніе, отъ котораго по сказанію Го-
мера трепетали самые боги.—Необходимо!... Да какъ вы

смѣли это подумать? Вотъ они, университеты! Мелкій чиновникъ ѣдетъ тоже за-границу! Извольте идти и не думать объ этомъ, если вы намѣрены продолжать службу въ моей канцеляріи. У меня заграничныхъ чиновниковъ нѣтъ и никогда не будетъ. Чтобъ я и не слыхалъ этого больше!

Я вынѣлъ изъ Канцеляріи въ такой тревогѣ, что мнѣ казалось, будто въ самомъ-дѣлѣ нашъ департаментъ дрожитъ, какъ Олимпъ отъ мановенія Зевса.

И такъ первая попытка моя кончилась плачевно. Что же дѣлать? Ясно, что отъ нашего олимпійца я никогда не добьюсь согласія на заграничное путешествіе, и еслибы вздумалъ повторить свою просьбу, то меня немедленно выгонять изъ службы. Какъ-быть: искать-ли другаго мѣста, или выйти въ отставку? Но скоро-ли найдешь новое порядочное мѣсто, и мудрено-ли попасть отъ нашего Зевса къ какому-нибудь Марсу, который съ перваго же слова велитъ убираться вонъ. Съ другой стороны, отставка не повредитъ-ли порядочно-начатой службѣ и въ добавокъ не огорчитъ-ли мою мать? Цѣлая двѣ недѣли провелъ я въ тревожномъ раздумьѣ, не покидая однако своей любимой мысли и каждый день просиживая по нѣскольку часовъ за Рейхардомъ и разными записками русскихъ и иностранныхъ туристовъ.

Я ничиналъ уже, играя на гармоні-флютъ, подумы-

вать объ отставкѣ, какъ вдругъ неожиданное событіе измѣнило дѣло и оживило мои померкавшія надежды. Въ одно утро въ Канцеляріи разнесся слухъ, что олимпіецъ уволенъ изъ нашего вѣдомства. Сердце забилося у меня отъ радости, и я побѣждалъ развѣдывать. Скоро новость эта подтвердилась, и вслѣдъ за тѣмъ мы узнали даже, кто назначенъ и директоромъ въ нашу Канцелярію. Это былъ человѣкъ новаго покроя, съ репутаціей прогресиста и либерала. И точно, когда черезъ недѣлю мы официально представились ему, онъ явился въ сюртукѣ, безъ отличій, съ улыбкой чуть не заискивающей, жалъ намъ руки и называлъ всѣхъ товарищами. Правда, что на другой-же день онъ распекъ чиновника за несоблюденіе какой-то формальности, но зато къ общему удивленію не сказалъ ни слова, когда другой чиновникъ, только-что воротившійся изъ отпуска, явился къ нему съ порядочными усами.

Все это окрылило мои надежды на поѣздку. Я рѣшился снова попытать счастья. Прежде всего я переговорилъ съ знакомымъ докторомъ, откровенно сообщивъ ему, что для поѣздки за-границу мнѣ нужно свидѣтельство о болѣзни. Онъ сказалъ, что по свойству моей физики подобное свидѣтельство написать очень легко. Въ самомъ-дѣлѣ черезъ день онъ уже вручилъ мнѣ грамоту такого содержанія:

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Служащій въ канцеляріи... министерства, титулярный совѣтникъ Алексѣй Петровъ, имѣя отъ роду 24 года, съ весьма давняго времени страдаетъ катаральными припадками, въ слѣдствіе сидячей жизни отъ неподвижныхъ занятій. Таковыя припадки, усиливаясь постоянно при вліяніи непостояннаго столичнаго климата, грозятъ въ непродолжительномъ времени перейти въ хроническія *obstructio et hypertrophia hepatis*, со всѣми вредоносными послѣдствіями отъ онаго. Не покоряясь сильнѣйшимъ медицинскимъ усиліямъ, болѣзнь эта требуетъ удаленія больного въ одинъ изъ доброкачественныхъ климатовъ Европы, и выдержанія также курса леченія Эмскими водами на самомъ мѣстѣ источниковъ оныхъ. Въ чемъ и свидѣтельствую...

Вслѣдъ-за-тѣмъ я занялся сочиненіемъ просьбы, въ которой истощилъ все свое краснорѣчіе и опытность, представляя на видъ начальству мое болѣзненное состояніе, требующее немедленнаго леченія, и прося вмѣстѣ-съ-тѣмъ сохранить мнѣ жалованье на время отпуска.

Съ этимъ трогательнымъ посланіемъ явился я къ новому директору, въ ту-же комнату и къ тому-же столу, гдѣ недавно распекалъ меня его предшественникъ. Прогрессистъ-начальникъ прочелъ благосклонно просьбу и спросилъ:

— Вы желаете ѣхать за-границу?

— Точно такъ, ваше ... ство.

— А средства у васъ есть?

— Весьма ограниченныя.

— Я, извините, не могу дать ничего... положеніе нашихъ суммъ не позволяетъ...

— Но я пособія не прошу, а желалъ-бы только удержать жалованье за эти мѣсяцы...

— О, конечно, конечно... Очень радъ, поѣзжайте! Когда вы думаете отправиться?

— Какъ только получу разрѣшеніе.

— И прекрасно... Въ Парижѣ конечно будете?

— Не знаю еще.

— Полноте скромничать... какъ-же не быть въ Парижѣ!

— Позвольте-же поблагодарить васъ, ваше ... ство.

— О, я радъ, что у меня есть образованные чиновники. Вѣдь вы университетскій? повѣрьте, что теперь наше время приходитъ. Очень радъ... поѣзжайте.

Въ восторгѣ вышелъ я изъ Канцеляріи. Не смотря на то, что на улицахъ еще лежалъ снѣгъ и среди Адмиралтейской-площади ставили столбы для балагановъ, мнѣ казалось уже, что въ воздухѣ пахнетъ весною. Проходя черезъ Неву, по крѣпкому льду, я мечталъ, какъ здѣсь помчится нашъ пароходъ.

Но на Руси, если сказка скоро сказывается, то дѣло не скоро дѣлается. Съ недѣлю просьба моя пролежала въ Канцеляріи, потомъ отправилась въ многотрудное путешествіе по разнымъ концамъ нашей форменной столицы, въ сопровожденіи справокъ, запросовъ, извѣщеній, увѣдомленій и разрѣшеній. Цѣлый мѣсяцъ странствовала она въ сѣмкахъ курьеровъ, въ портфеляхъ чиновниковъ, заглядывала въ шкафы, ночевала въ столахъ, гостила на полкахъ, и когда уже въ-самомъ-дѣлѣ настало что-то похожее на весну, когда Нева разошлась и на Биржѣ давно слышался крикъ канареекъ и сѣрихъ попугаевъ, бумага возвратилась въ Канцелярію за окончательнымъ сообщеніемъ къ генераль-губернатору о выдачѣ мнѣ паспорта.

Тутъ начался для меня рядъ приготовленій къ поѣздкѣ, тѣ旅途я хлопоты, въ которыхъ непріятности окрашиваются своего рода удовольствіемъ.

Прежде всего отправился я въ контору почтоваго пароходства, записаться вожделеннымъ билетомъ на давно-желанную поѣздку.

— Есть второе мѣсто до Штетина? спросилъ я кассира съ какимъ-то невольнымъ трепетомъ.

— Все занято! отвѣчалъ онъ лаконически.

Не смотря на то, что мнѣ предсказывали это обстоя-

тельство, оно поразило меня. Кажется, я переѣхалъ въ лицѣ.

— Не хотите-ли взять сверхкомплектное? спросилъ кассиръ.

— А что это такое?

— На томъ-же пароходѣ, только безъ каюты—спать въ столовой или на палубѣ.

— Хоть на мачтѣ.... давайте!

Я заплатилъ 37 рублей съ полтиной, и мнѣ выдали синій билетъ, гдѣ подъ орломъ и почтовыми трубами значилась подпись:

БИЛЕТЪ 2-го КЛАССА

на почтовомъ пароходѣ «Прусскій Орелъ»

г-ну *Петрову*.

на проѣздъ въ городъ Стеттинъ 25 мая, 185... г.

Весело сходилъ я потомъ на Вознесенскій-проспектъ, въ редакцію Полицейской Газеты, и внесъ 85 коп. на троекратную припечатку о моемъ отѣздѣ за-границу. Теперь предстояло хлопотать о полицейскомъ свидѣтельствѣ на право выѣзда, и для этого достать прежде всего записку отъ домохозяина. Нашимъ домомъ завѣдывалъ управляющій изъ чиновниковъ. Я прогулялся къ нему два раза — то не пришелъ изъ должности, то спитъ. Наконецъ я поймалъ его и потребовалъ записку.

— А отъ начальства имѣете разрѣшеніе?

— Разумѣется, да вамъ что?

— Намъ нужно знать.

— Это для чего?

— Порядокъ такой.

Не мало стоило мнѣ труда убѣдить этого любителя порядка, что ему нѣтъ дѣла до моего отпуска, а слѣдуетъ написать записку о томъ, что на меня нѣтъ «претензій» по дому. Съ важностью и злобой настрочилъ мнѣ это господинъ *Свидѣтельство*.

На утро отправился я съ этою запиской на новое мытарство въ Кварталь. Въ низкой комнатѣ, съ поломъ не мытымъ кажется цѣлый годъ, за столомъ, заваленнымъ бумагами и какими-то грязными книгами, сидѣлъ и писалъ человекъ, въ подобіи партикулярнаго сюртука съ висящими кое-гдѣ на ниточкахъ пуговицами. У окна разговаривали двое городскихъ.

При входѣ моемъ, партикулярный человекъ положилъ перо, искоса посмотрѣлъ на меня и спросилъ, что мнѣ нужно. Я показалъ записку и объяснилъ дѣло.

— Надобно подождать! проговорилъ онъ отрывисто.

— Чего-же ждать?

— Надзиратель заняты.

И онъ опять принялся строчить что-то въ одной изъ грязныхъ книгъ, нагнувъ голову набокъ.

— А кто мнѣ будетъ писать свидѣтельство? спросилъ я.

— Мы.

Я досталъ изъ кармана полтинникъ, и давая ему замѣтить, что мнѣ нѣтъ времени ждать.

— Садитесь пожалуйста.

Партикулярный господинъ немедленно настрочилъ мнѣ новое *Свидѣтельство*, вышелъ въ боковую дверь и черезъ пять минутъ воротился и подаль мнѣ бумагу съ подписью надзирателя и необходимой печатью.

— Съ этимъ потрудитесь сходить въ часть: тамъ тоже не задержутъ, если не желаете ждать! сказалъ онъ мнѣ съ понятной улыбкою.

И я отправился въ Частный-домъ. Въ большой и мрачной комнатѣ, въ толпѣ будочниковъ, дворниковъ, пришедшихъ съ паспортами, и всякаго рода просителей, я прождалъ не больше получаса. Другой господинъ, тоже въ партикулярномъ сюртукѣ, за цѣлковый обработалъ мнѣ дѣло, и я вышелъ изъ Части съ окончательнымъ *Свидѣтельствомъ*, въ которомъ высшая инстанція удостовѣряла, что къ выѣзду моему «со стороны мѣстной полиціи препятствія не имѣется».

Въ ожиданіи припечатки въ газетѣ, я занялся приготовленіемъ своихъ денежныхъ средствъ. Прежде всего купилъ я замшевый поясъ для золота. Никогда женщина не примѣряла съ такимъ удовольствіемъ обновки, произведенный въ прапорщики юнкеръ не надѣвалъ съ такою

радостью первыхъ эполетъ, съ какою я разсматривалъ и шнуровалъ на себѣ этотъ накожный портъ-моннэ. Я вынулъ изъ сберегательной кассы мои деньги, которыхъ оказалось до шести сотенъ. Рано утромъ отправился я въ контору Штиглица взять переводъ половины этой суммы на Парижъ. Въ конторѣ никого еще не было. Отъ нечего дѣлать пошелъ я бродить по Англійской-набережной, мимо пристаней, и съ особеннымъ любопытствомъ глазѣлъ, какъ отъ Васильевского-острова отвалилъ кронштатскій пароходъ, и обогнувъ широкій полукругъ на се-рединѣ рѣки, побѣжалъ на взморье, оставляя черную по-лосу дыма на голубоватомъ фонѣ утренняго неба. Нако-нецъ въ конторѣ приняли у меня деньги и выдали мнѣ вексель съ всемогущей фирмою барона Штиглица. Вече-ромъ я въ первый разъ прочелъ въ полицейской газетѣ подъ рубрикой: «Отъѣзжающіе за-границу» — Титулярный Совѣтникъ Алексѣй Петровъ, въ Германію и Францію.

Черезъ три дня мнѣ выдали изъ редакціи *Свидѣтель-ство* въ томъ, что объ отъѣздѣ моемъ «троекратное из-вѣщеніе въ С.-Петербургскихъ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ помѣщено въ №№ 121, 122 и 123». Съ этимъ свидѣтель-ствомъ я отправился въ канцелярію генералъ-губернатора, и мнѣ объявили, что черезъ три дня я получу паспортъ. — Берегъ, берегъ! говорилъ я, выходя на улицу, хотя въ

тоже время злая мысль нашептывала невольно, что иногда и у берега бывают крушенія.

Но крушеній, слава-богу, не было: на третій день, когда я снова явился въ канцелярію, мнѣ выдали заграничный паспортъ, въ которомъ значилось, что:

«Объявляется чрезъ сіе всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что показатель сего, Титулярный Совѣтникъ Алексѣй Петровъ, отправляется къ Эмскимъ минеральнымъ водамъ. Того ради всѣ Высокія Области приглашаются по состоянію чина и достоинства, кому сіе предложится, нашимъ же воинскимъ и гражданскимъ Управителямъ поставляется въ обязанность Титулярнаго Совѣтника Петрова, какъ нынѣ изъ Россіи ѣдущаго, такъ и потомъ въ Россію возвращающагося, нетокмо свободно и безъ задержанія вездѣ пропускать, но и всякое благоволеніе и вспоможеніе оказывать». На другой сторонѣ я прочелъ и нѣмецкій подлинникъ этого перевода.

И такъ кончено: ѣду! Остается пройти еще нѣсколько маленькихъ мытарствъ, но они несравненно уже легче, безопаснѣе, какъ послѣдніе переходы Дантова Чистилища.

Въ этотъ-же день отправился я въ путешествіе по посылствамъ, визировать мой паспортъ. Въ розовомъ настроеннѣ духа я дожидался въ разныхъ переднихъ, пока елали печать и надпись на мой паспортъ, и даже безъ ропота заплатилъ пять франковъ во французскомъ консульствѣ.

Оставалось наконецъ совершить послѣднее путешествіе въ Главное Казначейство, гдѣ въ тѣ блаженные времена, по предъявленіи паспорта, всякому путешественнику вымѣнивалось на 300 рублей золота. Больше часа прогостилъ я въ этой Калифорніи и вышелъ изъ нея съ шестью десятками полуимперіаловъ въ карманѣ.

И такъ всѣ мытарства наконецъ пройдены, хотя остается еще два дня до отъѣзда. И не смотря на отличное состояніе моего духа, какъ безконечно долгими казались мнѣ эти дни ожиданія, сколько я ни старался коротать ихъ. Днемъ ходилъ я по знакомымъ, прогуливался по Англійской-набережной мимо пароходныхъ пристаней, вечеромъ перелистывалъ чуть не выученный наизусть гидъ, размѣщаль по ячейкамъ пояса мое свѣженькое золото, примѣривалъ и зашнуровывалъ его около своей талии; а ночью, засыпая, все мечталъ о моей поѣздкѣ, о первыхъ шагахъ на новой для меня европейской почвѣ.

Но всему бываетъ конецъ. Настало и утро 25-го мая. Однимъ изъ первыхъ явился я на петербургскій пароходъ, который долженъ былъ везти насъ въ Кронштадтъ къ «Прусскому Орлу». Съ паспортомъ въ карманѣ, золотомъ въ поясѣ и сакъ-вояжемъ подъ мышкой вошелъ я на палубу. Мало-по-малу начали съѣзжаться пассажиры и проважающіе. Приѣхало двое-трое моихъ знакомыхъ, старыхъ университетскихъ товарищей; одинъ вызвался проводить меня

до Кронштадта. Вотъ и пароходъ двинулся отъ пристани и пошелъ мимо набережной, усеянной экипажами, покрытой густою толпою провожающихъ и любопытныхъ. Съ тротуара, изъ колясокъ махали шляпами и платками...

День былъ прекрасный: казенный сѣрый тонъ сбѣжалъ съ петербургскаго неба, Нева и взморье сверкали синеватою гладью, и флаги висѣли на судахъ, не чувствуя ни малѣйшаго дыханія вѣтра. На палубѣ и въ каютахъ весело стучали ножами и посудой, чокались бокалами шампанскаго, и самыя слезы провожающихъ какъ-будто замирали среди говора и смѣха. Все смотрѣло какъ-то празднично. Мы и не замѣтили, какъ очутились въ Кронштадтѣ и пристали къ борту большого парохода, у котораго надъ колесами виднѣлась надпись «Прусскій Орелъ».

* * *

Поѣздки моей по Европѣ я описывать не буду, потому-что все любопытное давно описано, а до личныхъ моихъ впечатлѣній никому нѣтъ дѣла; обращаюсь къ возвращенію въ любезное отечество.

* * *

Былъ серенькій петербургскій день, и въ воздухѣ сбѣялась тонкая, пронзительная сырость, полудожь, полутуманъ, когда мы на пароходѣ «Владимірь» подходили къ Кронштадту. Боковая качка, при упорномъ сѣверномъ вѣтрѣ, стояла уже другія сутки. Пароходное общество на-

ше походило на блѣдную толпу тѣней, которыхъ нескончаемо-долго перевозили черезъ неизмѣримо-широкій Стиксъ къ мѣсту послѣдняго жилища. Изъ каютъ выглядывали блѣдныя лица, съ мутными глазами, растрепанныя и измученныя, и скрывались опять за зелеными зановѣсками. Въ столовой лежали на диванахъ измятыя фигуры женщинъ; красавица, блиставшая еще недавно прелестью наряда и неистощимой веселостью, склоняла всклокоченную голову къ ногамъ разстрепанной итальянской пѣвицы, возвращавшейся послѣ лѣтней прогулки къ новому оперному сезону въ Петербургъ. Головы изрѣдка приподнимались и опять тяжело опускались на подушки.

На палубѣ картина была не веселѣе. По скамьямъ, среди разбросанныхъ дорожныхъ мѣшковъ и зонтиковъ, завернувшись въ пальто, шинели, даже шубы, сидѣли и лежали группы съ однообразно-искаженными лицами. Сонно и сурово всѣ смотрѣли вдаль, на выступающія изъ-за туманной дымки неясныя очертанія кронштадтскихъ фортовъ... Лавируя между больными, изрѣдка проходилъ калеблющими шагами лакей, съ подносомъ въ рукѣ, а передъ спускомъ въ машину сидѣлъ кочегаръ и обтиралъ паклей угольные ручки съ своего накаленного лица.

Не знаю, что чувствовали тѣ, у кого были въ Петербургѣ люди родные и близкіе, и кого можетъ-быть ждали удовольствія и веселая свободная дѣятельность. Но

я понимаю, какое впечатлѣніе производить въ эти минуты сладкій дымъ отечества на тѣхъ тружениковъ, которымъ судьба позволила на нѣсколько дней вырваться изъ душной атмосферы канцелярскаго міра, перейти въ свѣтлыя отели и музеи, и вмѣсто застегнутыхъ вицмундировъ видѣть безпечныя лица праздныхъ туристовъ. Возвращаясь съ такой прогулки подъ свое служебное небо, чувствуешь, какъ тоска и злость охватываютъ сердце.

Но вотъ съ приближеніемъ къ Кронштадту качка стала уменьшаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ начали по немногу оживать и наши пассажиры. Склоненныя головы приподнимались, дамы поправляли свои измятыя платья и прически. Многія лица начали замѣтно освѣжаться, можетъ-быть отъ уменьшенія качки, можетъ-быть отъ предчувствія скораго свиданія съ тѣмъ, что мило.

Мы миновали кронштадтскіе форты, грозно глянувшіе на насъ рядами своихъ черныхъ пушекъ, и по клочущей зыби крупнаго волненія вошли на Малый-Рейдъ. Впереди, на сѣромъ небѣ, вырѣзывалась куча нагихъ мачтъ, точно роща съ ободранной корою и опавшими отъ холода листьями, а съ другой стороны поднималось нѣсколько черныхъ пароходныхъ трубъ. Стопъ! крикнулъ капитанъ, и тяжелый якорь грянулъ въ воду. Тутъ мы замѣтили, что отъ таможенной набережной двигаются уже къ намъ два большіе катера, медленно взмахивая рядами

весель, точно какія-то исполинскія сороконожки или чудовищные раки съ распростертыми клешнями. Тамъ мелькали солдаты съ зелеными воротниками, фуражки съ кокардами. Пароходъ нашъ заревѣлъ порывами свистащаго пара, точно въ предчувствіи опасности.

Не смотря на то, что у меня не было на совѣсти никакихъ капитальныхъ таможенныхъ грѣховъ, да и самый досмотръ ждалъ насъ не здѣсь, а въ Петербургѣ, я почувствовалъ невольный трепеть, и въ воображеніи моемъ раскрылась вся внутренность моего чемодана. Можно-ли провезти это? позволено-ли то? думалъ я, перебирая мысленно свои заграничныя покупки, которыхъ и всего-то было рублей на сотню. Не понимаю, отчего у меня сдѣлалась лихорадочная дрожь—отъ сырости-ли, отъ вида-ли таможенныхъ лодокъ. И кажется, не одинъ я упалъ духомъ: слѣды тревоги обнаружились замѣтно на многихъ лицахъ; тутъ господинъ что-то торопливо совалъ въ карманъ изъ дорожнаго мѣшка, тамъ барыня рвала какой-то листокъ и пускала его клочками по вѣтру.

Палуба наша приняла грозный характеръ: въ двухъ или трехъ мѣстахъ поставили часовыхъ, вездѣ и впередъ расхаживали чиновники, изъ трюма выбрасывали на палубу чемоданы, вытаскивали на скрипучихъ блокахъ баулы и ящики. Въ каютъ-кампаніи за столомъ расположилось точно какое-то грозное судилище, которому капи-

танъ представить наши паспорта. И среди зловѣщей тишины, здѣсь цѣлые два часа скрипѣли перья, переворачивались листы бумагъ. Наконецъ-то начали выкликать насъ по именамъ и раздавать паспорта, отобранные въ Штетинѣ.

Между-тѣмъ къ «Владиміру» подошелъ рѣчной пароходъ, матросы перетаскали на него поклажу, и мы сами, дрожа отъ холода, перебрались на его смоченную отъ сырости палубу. Сороконожки отплыли, оставя намъ одного чиновника и нѣсколькихъ солдатъ. Раздался звонокъ, и мы двинулись къ Петербургу.

Скоро вдали какимъ-то тусклымъ самоваромъ вырѣзался Исаіевскій куполь, низменные поблекшіе берега начинали сближаться, на сѣрой зыби печально качались уродливые бакены и сухощавыя вѣхи, а въ сторонѣ дымъ отъ петергофскаго парохода грязной полосой лежалъ на мутно-сѣромъ небѣ. Вотъ потянулись и берега Невы съ ихъ безобразными чернокирпичными заводами, а тамъ наконецъ глянули дома Англійской-небережной, гдѣ точно такъ-же, какъ и при нашемъ отъѣздѣ, стояли экипажи, толпился народъ, и подъ дождевыми зонтиками уже вѣяли привѣтно бѣлые дамскіе платки. Мы подошли къ пристани. Но еще разъ повторяю, что хотя и скоро сказывается у насъ сказка, но не скоро дѣлается дѣло. Намъ оставалось еще пройти не мало мытарствъ.

Черезъ набережную, отъ парохода до Конторы, выстроили двѣ шеренги таможенныхъ солдатъ, и мы двинулись сквозъ этотъ строй, съ сабъ-вожжами и узлами въ рукахъ. Черезъ ряды цѣпи къ пассажирамъ протягивались руки знакомыхъ, родныхъ, но грозная стража отталкивала ихъ, точно всѣ мы были заражены чумою и прикосновеніе къ намъ грозило смертью всему городу.

— Здравствуйте!—*Bon jour, mes enfans!*—Дальше! Не подходите!—Эти восклицанія слышались неумолкаемо. Съ улицы спустились мы по ступенямъ въ какой-то подвалъ, оттуда мрачнымъ тоннелемъ вышли на дворъ, а съ него насъ привели въ большой каменный сарай. Съ дорожнымъ мѣшкомъ въ одной рукѣ, а въ другой съ купленной въ Дрезденѣ гармони-флютъ, я очутился въ какой-то длинной комнатѣ, гдѣ за рѣшеткой толпились таможенные чиновники, въ дверяхъ стояли таможенные солдаты. Приѣзжіе спѣшили вскрывать свои мѣшки, вездѣ слышались возгласы: досмотрите меня, пожалуйста! отпустите насъ поскорѣе!

Мало-по-малу пассажировъ начали осматривать, очистительные билетикіи наклеивались на поклажу, и толпа наша стала по-немногу рѣдѣть. Наконецъ и мнѣ удалось протолкаться къ одному изъ чиновниковъ. Мой сабъ-вожъ вскрыли.

— Здѣсь что? спросилъ меня чиновникъ, показывая на футляръ.

— Это гармони-флють.

— Въ таможенную слѣдуетъ.

— Но я везу ее для себя.

— Все равно: завтра получите.

Солдатъ тотчасъ-же наклеилъ билетъ на инструментъ и сунулъ мнѣ въ руку контромарку.

— Это что у васъ? продолжалъ чиновникъ, заглядывая въ сакъ-вожатъ.

— Гиды кое-какіе.

— Книги... это въ цензуру.

— Да это обыкновенные гиды, описанія дорогъ и городовъ.

— Все равно-съ, въ цензуру слѣдуетъ.

Всѣ путеводители мои отобрали, а мнѣ дали новую контромарку.

Оставалось получить выходной билетъ, безъ котораго никого не выпускали изъ сарая. За этимъ нужно было адресоваться къ какому-то писарю, сидѣвшему недалеко отъ дверей за особымъ столикомъ. Вмѣстѣ со мною подошли двое какихъ-то французовъ.

— Мусье, мусье! крикнулъ имъ писарь, кивнувъ головой и выразительно тыкая пальцемъ правой руки въ ладонь лѣвой.

Французы поняли и полѣзли въ карманъ за деньгами.

— Что, это полагается такъ? спросилъ я писаря.

— Нѣтъ, не полагается, отвѣчалъ онъ угрюмо: тутъ безъ всякаго положенія вотъ сидишь никакъ четвертый часъ!

Я тоже полѣзъ въ карманъ за двугривеннымъ, и тотчасъ-же получилъ выходной билетъ.

Наконецъ я вышелъ съ своимъ сабъ-воляжемъ изъ таможеннаго чистилища, взялъ извозчика и поѣхалъ на Васильевскій-островъ, къ товарищу, у котораго оставилъ мою мебель и вещи. Въ задушевной пріятельской бесѣдѣ, въ которой повторилъ я впечатлѣнія моего путешествія, провели мы весь вечеръ и часть ночи. Это былъ одинъ изъ послѣднихъ пріятныхъ эпизодовъ моей поѣздки.

На другой день я отправился въ цензуру, выручать свои гиды и рисунки, которые были для меня дороже всего привезеннаго изъ-за границы. Покупая эти бездѣлки, я думалъ, съ какимъ удовольствіемъ буду размаривать свои путеводители, брошюры и рисунки, и мысленно опять путешествовать и переживать въ воображеніи то, что такъ быстро прошло въ дѣйствительности. Въ ценсурѣ объявили мнѣ, что тюкъ мой еще не разобранъ и просили придти на другой день. Я пришелъ, какъ назначили. Тюкъ все еще не разобрали, но однако-же на этотъ разъ его рѣшились разсмотрѣть при мнѣ. Черезъ часъ узелокъ мой

вскрыли и тотчасъ-же отдали мнѣ рисунки и гиды, кромѣ двухъ брошюръ топографическаго содержанія, которыя оказалось не были извѣстны ценсурѣ и слѣдовательно еще не разрѣшены для ввоза.

— Но вѣдь тетрадки не политическія! упрашивалъ я.

— Конечно, отвѣчали мнѣ: ихъ непременно пропустятъ, только теперь нельзя отдать.

Я расписался по этому случаю въ какой-то книгѣ и написалъ какое-то прошеніе.

Черезъ недѣлю я заходилъ опять въ цензуру, но брошюры еще не были разсмотрѣны, и мнѣ сдѣлали замѣчаніе, что я слишкомъ нетерпѣливъ. [Послѣ этого я уже не являлся за ними, потому-что купилъ ихъ за полтинникъ въ книжномъ магазинѣ.

Нужно было отправиться еще въ таможенную, выручить мой инструментъ. Въ присутственной залѣ подошелъ я къ какому-то чиновнику. Вѣроятно по моей отроченной за границею бородѣ и длиннымъ волосамъ онъ принялъ меня за иностранца и обратился ко мнѣ съ вопросомъ на французскомъ языкѣ:

— Que desirez-vous, monsieur?

Я отвѣчалъ ему также по-французски, что у меня задержали гармони-флють, и подаль ему свою контро-марку.

— Сведи ихъ во второй столъ! сказалъ онъ солдату.

Тотъ, послѣ нашего французскаго разговора, напрямикъ уже рекомендовалъ меня другому чиновнику, какъ прїѣзжаго нѣмца. Принесли мой инструментъ и открыли.

— Кажется, вамъ придется заплатить пошлину, сказалъ мнѣ чиновникъ по-нѣмецки.

— Отчего-же, отвѣчалъ я на томъ-же языкѣ: инструментъ держанный, я на немъ игралъ.

— Такъ вы сами играете?

— Да.

— Никогда я не слыхалъ этого инструмента; сыграйте, пожалуйста что-нибудь.

Я вынулъ инструментъ изъ футляра.

— Иванъ Ивановичъ! закричалъ мой чиновникъ другому: не хотите-ли послушать, какъ нѣмецъ играетъ на гармоникѣ?

Въ угожденіе таможенѣ я началъ мой концертъ. При звукахъ инструмента, еще человѣкъ шесть чиновниковъ положили перья и собрались меня слушать. Къ нимъ присоединилось съ десятокъ купцовъ и артельщиковъ, которые вѣроятно пришли по дѣламъ въ таможеню.

— Что это у васъ? спросилъ какой-то толстякъ въ вицмундирѣ, съ алой лентою на шеѣ, подходя къ толпѣ моихъ слушателей.

— Да вотъ музыканта экзаменуемъ, отвѣчалъ первый чиновникъ.

— Какъ-такъ?

— Гармони-флейту нѣмецъ привезъ, просить безъ пошлины пропустить.

— Хорошо играетъ?

— Славные, каналья, штуки выдѣлываетъ: угодно послушать?

Чиновникъ опять обратился ко мнѣ по-нѣмецки и просилъ сыграть что-нибудь хорошенькое изъ итальянскихъ оперъ. Положеніе мое начинало забавлять меня. Я принялся играть какой-то нѣмецкій вальсъ. Чиновная публика по видимому была совершенно довольна моей игрою. Когда я кончилъ свой таможенный концертъ и сталъ заирать инструментъ, первый чиновникъ спросилъ толстяка:

— Можно отдать безъ пошлины?

— Конечно, гармоника игранная, да вѣдь онъ-же, бестія, и позабавилъ насъ.

— Возьмите, пошлины не будетъ! продолжалъ чиновникъ.— Да что, вы концерты что-ли пріѣхали давать?

— Нѣтъ.

— Отчего-же? вы свое дѣло знаете хорошо: вотъ бы хоть у Излера съиграли.

— Я не артистъ.

— Зачѣмъ-же вы сюда пріѣхали?

— Домой воротился.

— Какъ домой?

— Да, я русскій—былъ три мѣсяца за-границей, а теперь возвратился. Благодарю васъ, господа, за вашу любезность, продолжалъ я уже на русскомъ языкѣ, раскланиваясь съ моими чиновными слушателями: я очень радъ, что вамъ понравилась моя игра.

Я взялъ инструментъ и вышелъ изъ залы при глубокомъ молчаніи озадаченныхъ чиновниковъ, которыхъ вытянутыя фигуры комически гармонировали съ насмѣшливо-улыбающимися лицами купцовъ и артельщиковъ.

Это было послѣднее приключеніе, имѣвшее связь съ моею заграничною поѣздкой. Дня черезъ два послѣ этого я прилично выбрился; остригся и явился въ свою мрачную Канцелярію. Тутъ узналъ я, что директоръ-прогрессистъ распорядился объ удержаніи у меня жалованья за все время поѣздки, хотя впрочемъ встрѣтилъ меня очень любезно, освѣдомился о состояніи моего здоровья и спросилъ, гдѣ именно я былъ и какъ веселился. И канцелярская жизнь моя потекла прежней торной дорогой, оставя отъ путешествія моего одни воспоминанія, которыхъ пріятность не отравляется даже описанными мною мытарствами при отъѣздѣ и возвращеніи.

СОДЕРЖАНІЕ.

І. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НЕПРОПАВШАГО ЧЕЛОВѢКА:

І. Первые воспоминанія. — Послушница Галочка. — Маршалъ Даву и Сарра Николаевна. . .	3
ІІ. Маля. — Лабиринтъ. — Непріятельская карета. — Жертвы свадебнаго и похороннаго пира	19
ІІІ. Капитанъ и капитанша. — Фантастическія легенды. — Пророкъ Иванъ Яковлевичъ и кликуша	39
ІV. Иродова дочь. — Лекарка и докторъ — Одѣяло-альбомъ.	63
V. Домашнее ученье. — Память о греческой войнѣ. — Училище трехъ-мучителей	81
VI. Московскіе самодуры. — Крѣпостной балетъ. — Именины банкрота. — Духовный полковникъ	91
VII. Памятныя зрѣлища. — Ночь на Ивановской - колокольнѣ. — Царская коронація съ высоты птичьяго полета.	109
VIII. Праздникъ на Дѣвичьемъ - полѣ. — Пожаръ безъ огня. — Царь-колоколъ и царь Петръ. . .	129
IX. Игры на церковномъ дворѣ. — Семейный советъ. — Первый прочитанный романъ. . .	150

Х. Ареопажъ въ городской думѣ. — Просители. —

Увольненіе въ монастырь и въ университетъ. 170

XI. Гимназія. — Битвы грековъ и троянъ. —

Менторы и педагоги. — Московскій Гарунъ-

аль-Рашидъ 191

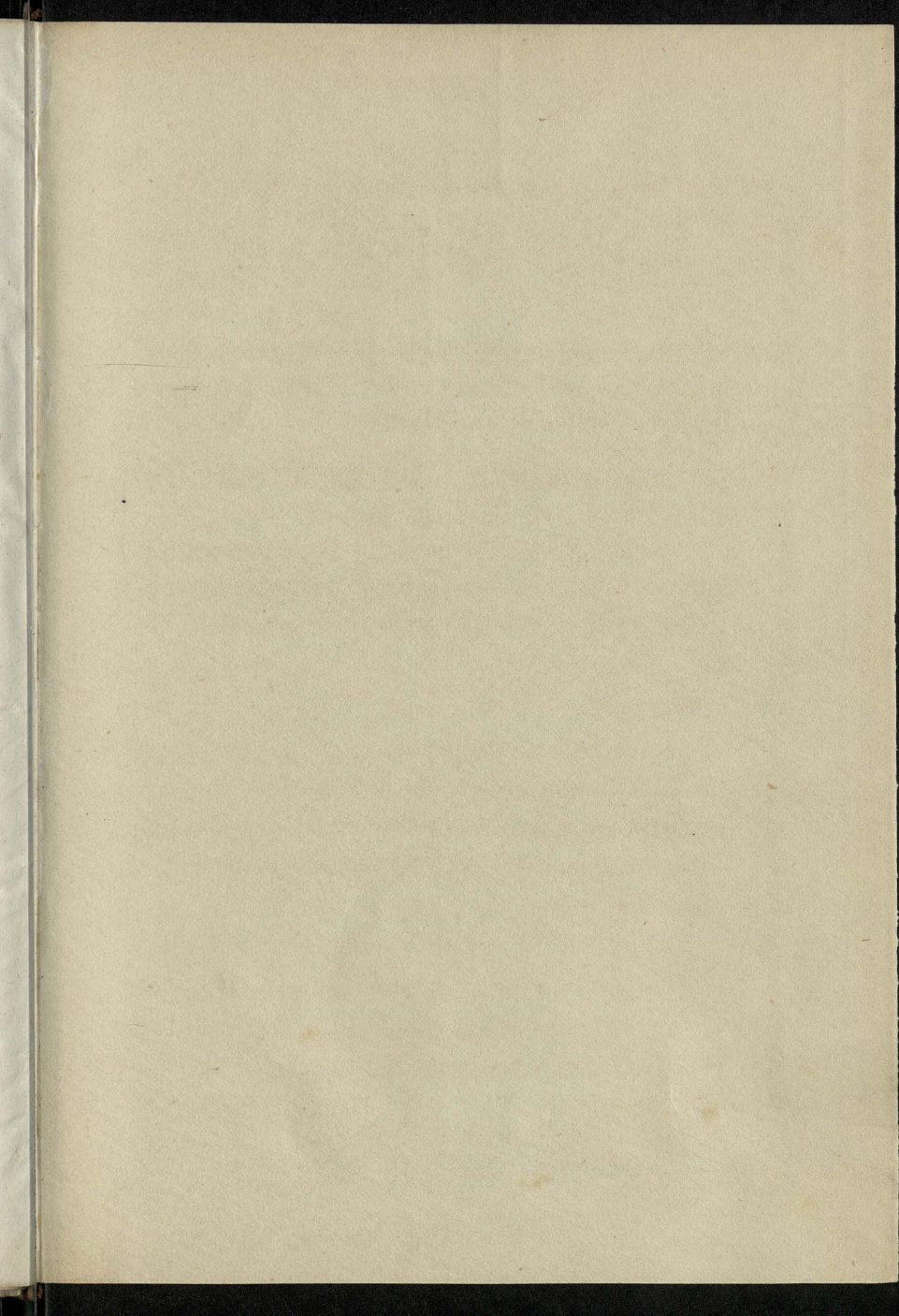
XII. Школьная литература. — Ворона и лисица. —

Откуда Пушкинъ взялъ сюжетъ Мѣднаго Всад-

ника. — Отъѣздъ изъ Москвы 213

II. ПРОЦЕССЪ НАШИХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ. . 245

PKT
M3

22-9

17 252

- 2 июл 1945

2014104387